

ТАМЫР

Выпуск 1 (26) 2011

Ассоциация «Золотой век»

Алматы 2011

№1 (26) 2011

*Учредитель:***Ассоциация по экологии культуры народов Казахстана «Золотой век»***Главный редактор***Ауезхан Кодар***Шеф-редактор***Замза Кодар***Оригинал-макет:***редакция «Тамыр»***Обложка:* Фотокопия обложки книги

Х.Омара «Демб»

Периодичность:

Поквартально

Попечительский совет**Герман Нурбаев****Председатель попечительского совета, руководитель Legal company «Gertan»****Члены Попечительского совета****Аслан Жаксылыков, доктор****филологических наук,****Хаким Омар, директор издательства «Темірқазық»****Сайранбек Жексенби, частный предприниматель**

Зарегистрировано Министерством культуры, информации и общественного согласия Р.К.

Свидетельство о постановке на учет

средства массовой информации № 2334 Ж от 01.10.2001.

Адрес редакции:

г. Алматы, м-н Жетысу-1, дом 40, оф. 1.

Телефон редакции: (727) 316-48-03

E-mail tamyr999@yandex.ru

Отпечатано в типографии «Signet Print»

г. Алматы, ул. Макатаева, 127.

тел.: (727) 244-53-56.

Усл.п.л. 7. Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 208

СОДЕРЖАНИЕ**ПУЛЬС ПЕРЕМЕН***Ауэзхан Кодар*

Наследники Чингисхана.....3

ДиАЛОГ*Алексей Грякалов (С.-Петербург)*

Эстетическая топология субъективности

(К вопросу о «топологическом повороте»)9*Жанат Баймухаметов*

Пол и цивилизация: Кризис гендерной революции16

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ*Магжан Жумабаев.* Пусть землю покроет потоп мировой! *Перевод А.Кодара*.....21*Ауэзхан Кодар.* Поэзия М.Макатаева в переводах Ж.Баймухаметова22*Мукагали Макатаев.* Стихотворения в переводе Ж. Баймухаметова 25**ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**

На круги своя, или о книге Хакима Омара «Демб»32

ПРОЗА*Хаким Омар.* SPOLIARIUM.....53*Ана Кастийо.*

Вспоминая Лас Картонерас

Перевод М.Тасеменовой.....65*Ауэзхан Кодар.* Зеркало Атымтая74**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ***Айман Кодар*

Госпожа Дедукция.....88

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ*Әуезхан Қодар*

Өтежан мен Гомер.....91

Әуезхан Қодар. ТАУ ТҮБІНЕН.....97*Асылбек Ықсан.* Шығыс моншасы,

немесе есектің дауысы (әңгіме).....100

Ауэзхан Кодар

НАСЛЕДНИКИ ЧИНГИСХАНА

Вопрос престолонаследия всегда был мучительным для государей. И в самом деле, кому оставить государство, созданное неимоверным трудом, которое стоило стольких оправданных и неоправданных жертв, когда ради его процветания приходилось «ночью не спать» и «днем не сидеть без дела»?¹ Хорошо если есть достойные наследники, но это как раз тот случай, когда в «достойных» сомневаешься больше всего. Сильный наследник может перечеркнуть все твои заслуги, или приписать их себе; слабый наследник разбазарит государство, но хуже всего посредственный наследник, при нем будут заправлять государством все, кроме него. Выход из этого

государи находили в том, чтобы построить государство на таких принципах, которые оставались бы после них незабываемыми, обретя или высшую сакральность, или силу закона. В случае с Чингисханом мы имеем дело с царем-основателем, который по этому же праву сразу становится и царем-законодателем. «Великая Яса» Чингисхана – яркое тому свидетельство. Известный исследователь Хара Даван, отмечая особое внимание, которое Чингисхан уделял роли письменности писал, что «одним из важнейших приобретений, которое дала вновь введенная письменность, явилось то, что благодаря ей, ока-

залось возможным закрепить и кодифицировать монгольское обычное право и народные обычаи и воззрения, - разумеется, под сильным влиянием на эту кодификацию взглядов самого Чингис-хана. Это законодательство вылилось в форму «Великой Ясы», которая делилась на два крупных раздела: 1) «Билик» - сборник изречений самого Чингис-хана, который содержал в себе мысли, наставления и решения законодателя как общего, теоретического характера, так и высказанные им по поводу различных конкретных случаев; 2) собственно «Яса» - это свод положительных законов, военных и гражданских, обыкновенно с установлением соответствующих кар за неисполнение. «Яса была для потомков Чингис-хана ненарушимым законом, от ее предписаний они ни в чем не отступали»². Но это происходило оттого, что ее нормы одухотворяла сама личность Чингисхана, который еще при жизни превратился в предмет культа и религиозного поклонения. Напряженно размышлявший над этим феноменом историк В.П. Юдин в попытке понять неувядаемое влияние Чингисхана на своих потомков, выдвинул концепцию чингизизма. Во вступительном слове к историческому памятнику «Чингиз-наме» средневекового историка Утемиш-хаджи он впервые выдвигает ее в виде теории: «Складывавшиеся в процессе исторической деятельности Чингисхана и его потомков в чингизизм, дополненный элементами шаманизма, эти мифы в их новой системе стали для татаро-монголов могучей духовной силой, адекватной их воинской мощи. Но чингизизм был не только религией. (...) Чингизизм освятил право рода Чингизхана на верховную власть. (...) титул «хан»

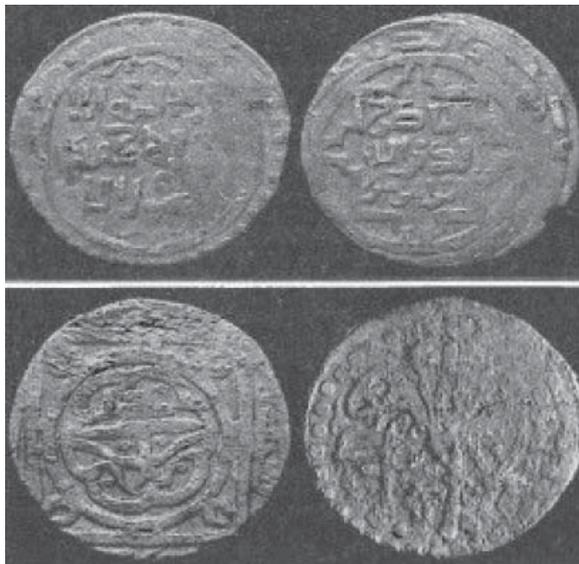
¹ Цит по: И.В. Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – И., «Наука», 1976, С. 25.

² Э. Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие. Часть I. VI. Торжественное провозглашение Чингис-хана императором. Организация его империи/ <http://www.kulichki.com/~gumilev/HD/hd106.htm>

АУЭЗХАН КОДАР

стал исключительной прерогативой Чингизидов. Попытка присвоить ханский титул нечингизидов в сознании тюрко-монгольских и других народов отражалась как противоправная и даже аморальная»³.

Известно, что до объявления своего завещания насчет наследника престола Чингисхан вызвал к себе даосского монаха Чань Чуня, прославившегося не только своей святостью, но и поисками бессмертия. Приезд монаха в ставку грозного монгольского императора продлился три года. Причем путешествовал он со всеми возможными удобствами, а принят был с неслыханными почестями. Однако на аудиенции император спросил у монаха одно: «Возможно ли для него, для Чингисхана, стать бессмертным?». На что монах со всей добросовестностью ученого ответил: «Есть средства для prolongation жизни, но средства для бессмертия нет»⁴. Лишь после этого каган стал думать о возможном наследнике. У Чингисхана от старшей жены Борте было четыре сына: Джучи, Чагатай, Угэдэй и Толуй. Остальные в счет не шли и в этом каган был тверд. Примечательно, что в «Сокровенном сказании монголов» вопрос о наследнике ставит перед ним не Борте, а вторая жена Есуй. Перед Сартоульским походом, т.е. походом в Среднюю Азию, она так обращается к своему царственному супругу:

«О благе народном все мысли твои,
Проходишь ли ты перевалом высоким,
Широкие ль реки ты вплавь переходишь,
Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.
Но в мире не вечно ведь все, что родилось.
Как семя, народ твой развеется,
Когда, упадешь ты, владыко,
Как падает в бурю высокое древо.
Кому же ты царство свое завещаешь?
Как стая испуганных птиц, разлетится
Народ твой, когда, пошатнувшись,
Падет его царственный столп и опора.
Кому же ты царство свое завещаешь?»

Но и Есуй уверена в том, что право на трон имеют только дети от первой жены: «Чье имя назовешь ты из четверых твоих витязями родившихся сыновей?»⁵. Чингисхан хвалит ее за ум и далее по старшинству обращается к своим сыновьям. А мы сделаем небольшое отступление и тоже задумаемся, кто же из них был достоин более других стать

³ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме/Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. – Алма-Ата: Гылым, С. 19-20.

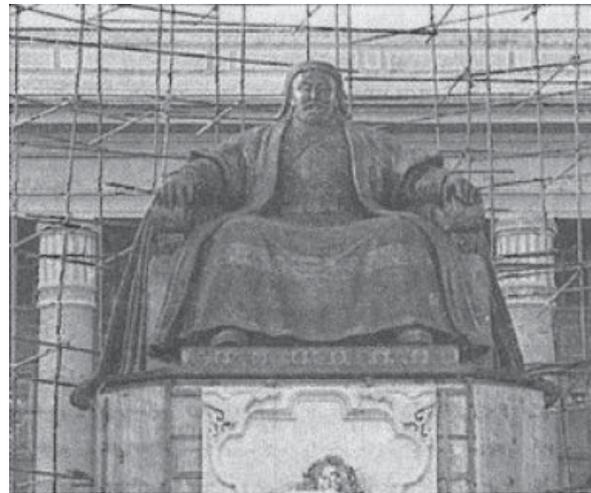
⁴ Алишер Акишев. Сиюйци – «Записки о Западном крае» даосского Учителя Чан Чуня/журнал «Тамыр» №2 (12), 2004 г.

⁵ Сокровенное сказание Монголов XI. Покорение северного Китая, Си-Ся, Туркестана, Багдадского халифата и Руси/ http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skaz_Mong/11.php

наследником?

Итак, начнем со старшего сына. Джучи, родился вскоре после меркитского плена Бортэ, и потому не только «злые языки», но и младший брат Чагатай называли его «меркитским выродком». Хотя Бортэ неизменно защищала Джучи, а сам Чингисхан всегда признавал сына своим, тень меркитского плена матери легла на Джучи бременем подозрений в незаконнорожденности⁶. Кроме того, он и по складу характера был гораздо добрее и гуманнее своего отца. Его не привлекала необузданная жестокость, он думал не столько о завоеваниях, сколько о том, как сбечить и обустроить завоеванное.

По «Табакат-и Насири», «когда... [он] (Джучи) увидел воздух и воду Кыпчакской земли, то он нашел что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих, в ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: «Чингисхан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам»; далее историк рассказал о том, что Чагатай отцу донес о намерении Джучи. Чингисхан послал против сына группу людей. О противостоянии отца и сына говорил Рашид ад-Дин: «[После покорения Хорезма] Джучи-хан направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам. [Еще] раньше Чингис-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости»⁷.

Средневековым мусульманским историкам вторит наш современник Л. Гумилев: «Чингисхан заподозрил, что Джучи хочет приобрести популярность среди завоеванных народов и отделиться от Монголии. Вряд ли это было так, но факт остается фактом: в начале 1227 г. охотившегося в степи Джучи нашли мертвым, со сломанным позвоночником. Страшные подробности происшедшего неизвестны, но, без сомнения, отец был единственным человеком, заинтересованным в смерти Джучи и способным оборвать жизнь ханского сына»⁸.

Что касается второго сына Чингисхана, Чагатая, он с ранних лет рос в смертельном соперничестве с братом и в противоположность Джучи был жестоким, дисциплинированным воякой. Отец его назначил хранителем Ясы и лучшего хранителя, наверное, и нельзя было сыскать. Чагатай соблюдал и дух и букву закона. О третьем сыне великого

⁶ Лев Николаевич Гумилев. От Руси до России. Часть вторая. В союзе с Ордой. Рождение Монгольской империи/ <http://www.bibliotekar.ru/gumilev-lev/29.htm>

⁷ Цит по: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме/Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. – Алма-Ата: Гылым, С. 9-10.

⁸ Лев Николаевич Гумилев. От Руси до России. Часть вторая. В союзе с Ордой. Рождение Монгольской империи/ <http://www.bibliotekar.ru/gumilev-lev/29.htm>

хана хорошо пишет Л. Гумилев: «Угэдэй, подобно Джучи, отличался добротой и терпимостью к людям. Но самой характерной чертой Угэдэя была страсть к степной охоте и выпивке в компании друзей. Разницу в поведении Угэдэя лучше всего иллюстрирует следующий случай: однажды в совместной поездке братья увидели у воды мывшегося мусульманина. По мусульманскому обычаю, каждый правоверный обязан был несколько раз в день совершать намаз и ритуальное омовение. Монгольская традиция, напротив, запрещала человеку мыться где-либо в течение всего лета. Монголы полагали, будто мытье в реке или озере вызывает грозу, а гроза в степи очень опасна для путников, и потому «вызов» грозы рассматривался как покушение на жизнь других людей. Нухуры (дружинники) безжалостного законника Чагатая схватили мусульманина. Предвидя кровавую развязку - несчастному грозило отсечение головы, - Угэдэй послал своего человека, чтобы тот велел мусульманину отвечать, что он уронил в воду золотой и всего лишь искал его там. Мусульманин так и сказал Чагатаю. Тот велел искать монету, а за это время дружинник Угэдэя подбросил золотой в воду. Найденную монету вернули «законному» владельцу. На прощание Угэдэй, вынув из кармана горсть монет, протянул их спасенному им человеку и сказал: «Когда ты в следующий раз уронишь в воду золотой, не лезь за ним, не нарушай закон»⁹.

Гумилев приводит также подробности из жизни младшего сына Чингисхана, Тулуя, сообщая что тот родился в 1193 году, когда Чингизхан находился в чжурчжэнском плену. По мнению Гумилева, на сей раз неверность Бортэ была вполне очевидна, «но Чингисхан и Тулуй признал своим законным сыном, хотя внешне Тулуй не напоминал Борджигина. Всех Борджигинов отличали зеленые или синеватые глаза, китайские историки называли их «стеклянными», и светлые с рыжиной волосы, а Тулуй имел вполне обычную монгольскую внешность – черные волосы и темные глаза»¹⁰.

Все четыре сына имели одинаковые права на престол, но Чингисхан почему-то выбирает среди них казалось бы самого невыдающегося – Угэдэя. Чем был обусловлен такой выбор? Чингисхан твердо верил в машину предустановленного им чингизизма. Во-первых, он убрал с дороги своего старшего сына Джучи – единственного, кто противился этой машине, и, главное, имел реальный авторитет в войсках и народе. Во-вторых, он назначил хранителем своего Закона Чагатая – очень старательного и бдительного во всем, что касается установлений Чингисхана. В-третьих, своего младшего сына Тулуя он воспитал в фанатичной преданности своей особе и теперь он стоял за спиной Угэдэя, как глаза и уши своего отца, по существу, его второе Альтер Эго. Кроме того, на том знаменитом совете он не только утвердил на престол Угэдэя, но и дал каждому своему сыну по улусу, утвердив их правителями этих владений. Грозный дед не обошел также и внуков, уже при своей жизни выделив им соответствующие области. «Внукам Чингисхана были выделены различные области улуса или высокие должности. Старший сын Джучи, Орда-Ичэн, получил Белую Орду, находившуюся между Иртышом и хребтом Тарбагатай (район нынешнего Семипалатинска). Второй сын, Батый, стал владеть Золотой (большой) Ордой на Волге. Третьему сыну, Шейбани, отошла Синяя Орда, кочевавшая от Тюмени до Арала. При этом трем братьям - правителям улусов - было выделено всего по одной-две тысячи монгольских воинов, тогда как об-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

шая численность армии монголов достигала 130 тысяч человек»¹¹. За этим стоял тот смысл, что монголам незачем переселяться в завоеванные страны, они должны были стать особой, привилегированной кастой, владеющей и управляющей завоеванными территориями по праву чингизизма.

Для обоснования своих мыслей обратимся к «Сокровенному сказанию монголов» - историческому памятнику, где проблеме престолонаследия посвящен особый параграф. После слов сказанных Есуй, Чингисхан ждет предложений от своих сыновей и первым обращается к Джучи. Но его перебивает Чагатай и после небольшой перепалки, Чагатай предлагает в наследники Угэдэя. Джучи тоже поддерживает это предложение. И тогда каган обращается к среднему сыну. «А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка!» Огодай сказал: «Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится, «хоть ты их травушкой-муравушкой оберни: - коровы есть не станут, хоть салом обложи - собаки есть не станут!» Не выйдет ли тогда дело по пословице: «Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!» Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!» «Вот это дело говорит Огодай - сказал Чингис-хан. - Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!» Толуй отвечал: «А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!» Чингис-хан одобрил его слова». А насчет сомнений Угэдэя в своем потомстве, каган заметил следующее: «Ну, а, уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни - коровы есть не станут, хоть салом окрути - собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?»¹² Здесь проводится та мысль, что Угэдэй не может быть основателем новой династии, по смерти Угэдэя на верховный престол может воссесть другая линия потомков Чингисхана. Впоследствии так и произошло. Хубилай, с которого начнется династия Юань в Китае, был сыном Тулуя.

Итак, из четырех своих сыновей Чингисхан выбрал в престолонаследники Угэдэя. Казахи говорят, что отец – лучший критик своих детей. Видимо, в Джучи его не устраивала излишняя самостоятельность, а в Чагатае – излишняя исполнительность, Тулуй же был еще слишком молод. На взгляд Чингисхана Угэдэй подходил по всем параметрам. Он был уравновешан, и, потому, устраивал всех, а это было очень важно на тот момент. Чингисхан не просто утверждает его наследником, он утверждает его наследником с согласия всех фигурантов. Значит, конфликты по этому поводу исключены. Здесь надо вспомнить и о том, что Чингисхан в одном из своих изречений говорит, что в походе надо равняться не на самого сильного, а на самого среднего. Сильных не так много как средних, массу любого народа составляют середняки. Гениальность Чингисхана в том, что он умел и считаться с ними, и влиять на них. Это как раз то «молчаливое большинство» французского философа Бодрийяра, которое в своей кажущейся пассивности представляет на деле грозную силу. Монгольский император понимал также и то, что после эпохи завоеваний приходит время удержания завоеванного и здесь нужен не лидер все время рвущийся вперед, а обыкновенный рассудительный человек, не хва-

¹¹ Там же.

¹² Сокровенное сказание монголов. XI. Покорение северного Китая, Си-Ся, Туркестана, Багдадского халифата и Руси/ http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skaz_Mong/11.php

тающий звезд с неба, но и не брезгующей синицей в руке. Таким человеком и оказался Угэдэй. Хотя он и правил всего 12 лет, за это время была завоевана Россия и часть Восточной Европы, довершено завоевание Китая. Он оказался первым правителем огромной централизованной империи, простирающейся от Тихого океана до Балтийского моря. В «Сокровенном сказании монголов» о первых годах правления Угэдэя пишется следующее: «Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингис-ханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки - на земле. Получив все готовое от государя родителя, введем порядки, не обременительные для народа»¹³. Во-первых, он упорядочивает налогообложение, чтобы оно не было непосильной ношей для простого монгола. Во-вторых, налаживает коммуникации по всей огромной державе. Это именно при нем начинают строиться ямы и впервые налаживается работа почтовой службы. В «Сокровенном сказании монголов», которое кстати тоже было написано в его правление, в 1240 г., Угэдэй так подводит итоги своей деятельности. «Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорил Лихудский народ (Циньское царство) - это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших посланцев, а также и для осуществления быстрее доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставляю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности ямчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя. Но вот и погрешности мои. Будучи возведен на государев родительский великий престол и восприяв на плечи свои все государственное бремя, бываю я одолеваем темным вином. Вот первая моя вина. А вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые проистекли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина. Непристойно было императору впадать в незаконные упущения и пороки. Вы спросите затем, что за вина такая извести, как я извел тайно, Дохолху. Да, это было тяжкое преступление погубить Дохолху, который всегда шел впереди всех пред очами своего государя, моего родителя-хана. Кому же теперь предварять всех, указуя путь, на глазах моих? Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который пред очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении Правды-Торе. Наконец, есть и еще вина. Из жадности я все боялся, как бы дикий зверь, который плодится изволением Неба и Земли, как бы этот зверь не перебежал к моим братьям. И вот, чтобы создать для него преграды, я приказывал строить глинобитные стены и выслушивал упреки от братьев. Итак, я прибавил четыре дела к деяниям государя-отца и в четырех же делах погрешил»¹⁴.

Не правда ли завидная прямота и честность для монарха, способного тысячу раз переписать свою историю, чтобы выставить себя в выгодном свете? Его же никто не заставлял сознаваться в своих пороках и преступлениях, но энергия поклонения правде, заложенная в Ясе Чингисхана была столь сильна, что никому не позволялась кривить душой, даже императорам. И думая о наследниках Чингисхана, мы, прежде всего, видим в них его самого – требовательного, взыскующего, ничего себе не прощающего и ни в чем себе не отказывающего, и, потому, сумевшего стать мерой и себе, и своим потомкам.

¹³ Сокровенное сказание монголов. XII. Смерть Чингис-хана. Царствование Огодая. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skaz_Mong/11.php

¹⁴ Сокровенное сказание монголов. XII. Смерть Чингис-хана. Царствование Огодая. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skaz_Mong/11.php

Алексей Трякалов (С.-Петербург)

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТОПОЛОГИКА СУБЪЕКТИВНОСТИ (К ВОПРОСУ О «ТОПОЛОГИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ»)

В отличие от предшествующих «великих эпох» модерн позиционировал себя как проективное схватывание: «модерн-как-проект» предстает пробросом сквозь настоящее.

Собственное время приносится в жертву – но чему?

Настоящее при всей его интенсивности как бы устранено во имя желанной *вне*-временности. «Пафос апокалиптичности» – неизбежный спутник модерна – становится ориентиром «метафизики чувствительности» – сегодня многие исследования посвящены демонстрации «временных сбоев» рефлексии и существования. «Самоедство времени» стало хроническим – темы рассеяния и истощенности подверстывают под себя все остальное, происходит как бы присвоение времени существованием.

Трудности определения *социального* и *антропологического* в одном случае связаны с появлением сообществ, которые не могут быть «уложены» в пространство общего смысла в силу уникальности сообществ, в другом случае – доминирует релятивизм, где утрачены возможности смысловых и содержательных различий.¹⁵ Но где одинаково – там одиноко. Одиночество растет во времени, порождая отчужденность от «темпорального сознания» не в силу неконструктивности концепта, а из-за ограниченности «исключительного мышления концептами», что приводит сознание в плен «казенного языка».

Время божественное, а пространство – человеческое (Ж.Батай).

Когда выдернут «стержень вечности», время рассеивается – в пределе доходит до самоустранения. У сознания модерна ценности настоящего как бы вовсе отсутствуют.¹⁶ То, что может быть определено как настоящее, ценно лишь в силу *предуготовления* будущего – время становится временем недолговечности и стремительного изживания – оно служит мостом и переходом к чему-то *другому*, будто бы стремясь к полному самоисчезновению. Время горизонтально расплывается – именно классический «стержень вечности» соединял время с «сутью дела». А модерн как бы промахивает сквозь время: проектное «абсолютное будущее», расплывая настоящее, низводит его до простой «подстилки» грядущего. *Человеческий* материал предстает соответственно как *материал* – из податливого и тоже как бы стремящегося к превращению *человеческого материала* можно формировать будущее, перековывать, проектировать. Достойно то, что способствует осуществлению проекта. Термины технических словарей приобретают политические и антропологические коннотации – в пределе метафизическая мутация совпадает с антропологической катастрофой.

Политика становится механизмом изменения мира. Человеческие действия – передаточные механизмы, объединяющие не способные к самостоятельным действиям отдельные «человеческие детали». Это машинное сознание модерна, у которого есть свой «*бог-машинник*» (Борис Пильняк), интересуется только тем, что на выходе – машина тре-

¹⁵ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 119.

¹⁶ Ср.: «Эстетическую черту, черту некоего гигантского «как если бы» обнаружил впоследствии в философии Гегеля Кьеркегор – черту это можно было бы продемонстрировать на примере «Большой логики» вплоть до мельчайших деталей» (Адорно Т.В. Эстетическая теория. М., 2001. С. 488).

АЛЕКСЕЙ ГРЯКАЛОВ

бует смазки и бесконечной неизменной работы на предельных режимах. Только власть и идеология – эксплуатация и смазка – не дают «машине-модерну» пойти в разнос.

Предельная спрессованность времени делает все легко обозримым из позиции будущего – прошлое тоже раскрывается через будущее, становясь поставщиком архетипов и мифо-логик. У настоящего как бы нет собственного соответствующего языка – языки настоящего должны быть радикально – в том числе посредством обязательного эксперимента – трансформированы и обновлены. Это *не* преобразование, известное классическому сознанию – лишенное экзистенциально-исторического содержания настоящее время как бы вообще выпадает из проекта. В этом смысле оно даже уступает прошлому, которое сохраняет обаяние и тайну. Не против прошлого самого по себе направлены проекты, а против настоящего – оно так представлено в будущем, что главным выступает демонстрация неполноты. Пренебрежение к настоящему вызывает пренебрежение и к местам существования.

На этом фоне существует эстетический «опыт произведения»: сознание «размещает» себя в пространстве объясняющей схемы, которая содержала бы в себе *производство* и *произведенность*, более того, содержала бы в себе компоненту *извода*. Между прорывающимся к власти пролетариатом и требующим признания бессознательным в этом смысле нет особенной разницы. Универсальный механизм унификации современности действует: *жизнь* или *élan vital* в принципе ничем не отличаются от *эроса* или *свободы* – модерн выстроен на признании автономной силы, которая прорастает и укрепляет себя в многообразии проявлений.

Произведение перестает быть соотносимым только с искусством. Произведение – опыт, переживание, представление будущего. Это демонстрация самого «искусства

жизни» в пространстве рамки. Пространство первичной схематики – именно тут складывается внутренний опыт как субъективность. И происходит оборачивание позиций и смыслов: «произведение – жизнь» / «жизнь – произведение» – в таких «местах существования» производится субъективность. Речь не идет о приведении к «смыслу» или последовательном «синтезе». Как раз наоборот – произведение не снимает в себе противоречие бесконечного многообразия жизни и ее ограничения в пространстве рамок. Будучи собранным в одном месте, оно актуализирует тему места, собранности и расположения.

«Кочевниками красоты» Вячеслав Иванов назвал современных художников – кочевье эстетического превращает места его пребывания в произведения. Утрачивая определенное место, эстетическое оказывается повсеместно присутствующим. Действие эстетическое производит места существования. В отсутствии

идеального измерения в местах эстетического формируется субъективность как особого рода целостность-произведение. Эстетическое экзистенциально и персоналистически размещается в соотносительности встреч и схождения – это эстетическое произведение «философии встречи».

Эстетическое не просто ищет свое место, а ищет «место мест». В конечном счете – *место места*. Актуализирована расположенность: странствия эстетического – опространствливание. Этот постоянный поиск места выражает недоверие не только «времени современности», но недоверие времени и временности вообще. Поэтому – в конце концов – в «ситуации пост-модерна» именно эстетическое расшатывает современность, хотя в виде произведения исходно ее создает – от произведенности неотделимо ощущение завершенности – вслед этому переживание утраты и кризиса.¹⁷ «Апокалиптический тон» (Ж.Деррида) ретроактивно воспроизводит тезисы истока современности, но со знаком вопроса или отрицания («философии наперебой хоронят друг друга»)¹⁸.

Время дает преходящему проходить именно таким образом, что оно проходит. В самом понимании времени при обращении к современности необходимо актуализировать сложность в том преимущественно смысле, что временность располагается *als ob* в некоторой вневременности. Речь о том, чтоб определенным образом топологизировать время – в ситуации предела понять его как бы в едином горизонтальном срезе. В.В. Розанов, актуализируя временность, упреждал разговоры о *пост*современности и конце истории. Воспроизводя схему Августина, Розанов говорит о том, что время противоречит самому себе, его нигде нет: «будущее становится прошедшим, не переходя через настоящее, нежившее, не живя, отживает. И вот, противореча всем нашим понятиям о бытии, время является таким исключением, которое всегда только было и всегда только будет – и однако же есть, существует; и не только существует, но служит еще необходимым условием действительности всего, что только происходит реального в природе и в жизни; в этом времени, которого никогда нет, которое вечно или еще только готовится стать или уже минуло – в этом непостижимом времени пребывает все, и вне его ничто не может пребывать».¹⁹ Эта противоречивость времени выражена в самокритике современной рефлексии, хотя всякая рефлексия «совершается только во времени» (Кант). Апокалиптичность не только исторична, но метафизична: не только апокалипсис *нашего* времени, но апокалипсис любого и каждого *времени*. Нужно современное понять как проявленную вечность. У Розанова – это обращение к *целесообразности* – соотносительной логике жизни и мысли – представление о попадании в «свое место» существования. Рефлексия и существование – логика мысли и жизни – именно соотнесены: субъективность понятия в ее целесообразности: «...Никто, как кажется, и не догадывается о том, что как тесно многие отвлеченные вопросы связаны не только с важными интересами человеческой жизни, но и с самим существованием этой жизни. Никому не представляется, что то или другое разрешение вопроса о целесообразности в мире может или исполнить человеческую жизнь высочайшей радости, или довести человека до отчаяния и принудить его оставить жизнь. ...Отчаяние уже глухо чувствуется в живущих поколениях, хотя его источник ясно не осознается. Вот почему легкомысленное решение вопроса о целесообразности – а мы не имели до сих пор других – есть не только глупость, но и великое пре-

¹⁷ Ср.: «Плавание по неведомым морям, в которое отважились пуститься около 1910 года революционеры от искусства, не оправдало их авантюристических надежд на удачу. Наоборот, запущенный в те годы процесс привел к распаду тех категорий, во имя которых он был начат. Более того, пучина новых табу увлекла в свой водоворот все больше «пловцов»; все меньше художников радовались вновь обретенному царству свободы, испытывая желание вернуться к сохранившемуся в воображении, но вряд ли уже жизнеспособному порядку. Ведь абсолютная свобода в искусстве, как одном из частных видов деятельности, неизбежно входит в противоречие с постоянным состоянием несвободы в обществе» (Адорно Т.В. Эстетическая теория. М., 2001. С. 5).

¹⁸ Природу философской танатологии Ф. Ницше определил как «месть последнего человека» – именно она, подчеркнет М. Хайдеггер, является для Ницше основной чертой всего прежнего мышления. Но критика современности должна быть критикой, а не мезью – источник обоснования необходимо вынести за пределы временных оппозиций – «временное есть преходящее» (М.Хайдеггер).

¹⁹ Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. СПб., 1994. С. 210-211

ступление. ...Логика мысли и жизни – вообще удел немногих. ...То, что чувствуют и что делают теперь единичные люди – я говорю об отчаянии и смерти – то со временем могут почувствовать поколения и народы».²⁰ В этой ситуации важно установление мест, где возникают устойчивые смыслы. «Не себя объяснять другим, а через себя объяснить другое» (В.В.Розанов) – создавать смыслы собственным усилием с предельным вниманием к месту.

Эстетическое оказывается повсеместно присутствующим – рефлексия выстроена в отношении к этому всеприсутствию. Современность становится особого рода производением, хотя «рамки» непрерывно тематизируются. В «пространстве эстетического» также спрогнозированы последствия – утрата классической «самоочевидности искусства» не компенсируется необозримой множественностью возможностей, ставшим предметом рефлексии: «расширение эстетического во многих измерениях оборачивается сужением» (Т.В.Адорно). Именно той конечностью, которая приведет к завершению «эпохи произведения».

Важно определить места, в которых целесообразно собирается субъективность.²¹ В этой ситуации смены целей завоевания эстетический эффект – подобно «эффекту реальности» (Р.Барт) – «прилаживает» дискурсы к *местам* («топо-графия»). Мысль достраивается место до сферы в определенном месте – и в нем же возникает эффект сборки субъективности (М.М.Бахтин).

И дело не в том, что формулировки многих философских проблем эстетически окрашены. Также и не в том, что в «ситуации постмодерна» происходит эстетическая мифологизация логоса. Эстетическое способно представлять ключевой характеристикой «нашего времени», когда все больше элементов действительности переоформляется в эстетической форме и действительность в целом прочитывается как эстетическая конструкция.²² Эстетическое препятствует возникновению метадискурса, давая возможность представлению автономных позиций в виде «эстетик существования» (М.Фуко). Ведь эстетики существования в широком смысле их понимания именно размещены – *очевидная* размерность и оформленность эстетического сопоставима с очевидностью *жизненных форм*: это то, где действие проявлено-свершено. Субъективности – сообщества, события, поступки – представлены и обозримы. И только эта обозримость в какой-то мере приближает будущее к настоящему – будущее оказывается представленным в существующем произведении.

Современность «собрана» опытом эстетического с его чувственностью, возвышенностью и интенсивностью представления, переживания и осмысления, проективностью, гадательностью и принципиальной неисчерпанностью в понятии. Сознание современности действительно выстраивается в соотнесенности эстезиса и логоса («экспрессионизм / философия жизни», «русский формализм / кубофутуризм», «феноменология / кубизм», «чешский функциональный структурализм / сюрреализм») соотношения создают места производства субъективности.

Эстетическое маркирует места и стратегии сборки. Произведение, производство и произведенность не просто «следуют друг за другом». Они, если угодно, находятся в одном времени – представляются в синхронном срезе. Это совпадение в одной плоскости – распластанное время. Время выстраивается *не* по принципу линейной последова-

²⁰ Розанов В.В. О понимании. С. 266.

²¹ «Какие цели завоевывать? Порядок (в отличие от имевшего место в прошлом, когда выше всего ценилось сырье и люди) следующий: пространство как таковое, люди (кадры для работ, доноры органов и пр.), вода и только после нее – сырье и культурные ценности» (Дэвэджич Я. О метафизике геополитического предприятия «Космет» // Запад или человечество? Историософия балканского конфликта. СПб., 2000. С. 55).

²² Welsch W. Das Ästhetische – Eine Schlüsselkategorie unseres Zeit? // Die Aktualität des Ästhetischen / Hrsg. W.Fink. München, 1993. S. 13.

тельности. Таков опыт прозы Андрея Платонова, где утопия и антиутопия сняты в мета-утопии. Актуализировано совпадение, схлопывание, самодеструкция времени.²³ Именно в эстетическом опыте время было «смещено» до того, как современность исторически осознает себя как пост-современность.

И опыт эстетического продолжает действовать – в режиме производства социума, идеологии, субъективности в ситуации исчерпанности временных стратегий смысло-генеза. На этом фоне могут быть найдены *другие* стратегии «сборки» смысла – именно топологические, что предполагает последовательное осуществление топо-графии современности. Так могут быть найдены смыслы, которые в свое время не получили признания – отсутствовала логика сопоставления, в которой они могли быть осмыслены. Они как бы провалились сквозь время, не став в своем времени современными.

Путь к топологическим смыслам возможен через анализ события. Но нужно отличать топологическое понимание события от тех толкований, которые есть в современных вариантах классической метафизики, где события рассмотрены как *представления* субстанции. События в таких случаях выступают «репрезентирующими овнешнениями» субстанции, субстанция же – «сумма событий».²⁴ В таком понимании события без субстанции оставались бы лишь «мертвой возможностью», а без событий субстанция не могла бы «выступить» из самой себя ни в действиях, ни в актах сознания. В этой проекции событие неотделимо от вопроса об Абсолюте: «Здесь открывает Бог свое господство» – метафизическая точка зрения доходит до религиозного понимания последних вещей и вопросов.²⁵ Для таких вариантов метафизики, как бы вовсе не затронутых временем, события даны как опосредования и выражения. Они оказываются средствами или знаками, отсылающими в совокупности к представлению субстанциальной полноты. И если трактовать топологическое событие в этом плане, то к пониманию современности оно добавило бы очень немного. Дело, конечно, не в смене «языка понятий» образной «эстетической метафизикой».²⁶ Необходимо выявить топо-логику «сборки» субъективности. То принципиально значимое, что представлено в событийной целостности, отличной от хронологически ориентированных проектов. Если проективное сознание пришло на смену *мировоззрению* и *картине мира*, то сам *проект* сменяется *событием*. Отсюда ход к топо-графии и топо-логике – это дает возможность анализировать новую субъективность в возникновении и становлении.

Речь не идет о (пост)современном аналоге *картины мира* или транскультуральном монтаже современности. Событие *не* имеет синтетического характера. Не сводится к интерсубъективности, хотя содержит интерсубъективные компоненты. У события есть свое место, в котором формируется субъективность. Представление события одновременно же представление горизонтов истока, но он значим именно топо-логически – исток намечает логику соотношений. Это то место, с которого начинается «сборка» – не точка детерминации и даже не «антропологическая константа» раннего авангарда. Это исходный порог различения – в отношении к нему выстраивается смысл. Исходное «первоместо» населено открытыми к изменению – даже к мутации – субъектами. Субъективность не формируется линейно и континуально – общую линию можно лишь *реконструировать*. Субъективность зависима от местности, соответствующим образом организованной те-

²³ «Время существует тем, что оно проходит. Оно есть тем, что оно постоянно не есть» (Хайдеггер М. Что зовется мышлением? Пер. Э. Сагетдинова. М., 2006. С. 127-128).

²⁴ Meixner U. Ereignis und Substanz. Die Metaphysik von Realität. Paderborn, München, Wien, Zürich. 1997. S. 342.

²⁵ Ibid. S. 364-365.

²⁶ ««Разумность» языка ох и коварная же старуха. Боюсь, нам не избавиться от Бога, пока жива наша вера в законы грамматики» (Ницше Ф. Сумерки кумиров, или Как философствуют молотом // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. Пер. с нем. СПб., 1993. С. 555).

лесности, от ландшафта. Мысль размещена в жизненном ландшафте: «русскому философствованию, – отметит Ф.Степун, – ведаема, красота рассеянности... посева, творческой во-всем-распыленности, неподвластности, неприрученности, над-формности, что толкает ее на путь всепоглощающего религиозного творчества».²⁷ Мысль именно топологична. Мутации субъективности соотнесены с утратой мест – с мутацией телесности, прехождением, нарушением и разрушением границ. Время лишь «показывает», когда и где это произошло.

Человеческая размерность соотнесена с утратой или сохранением соответствующих мест существования – это принципиально для эстетической топо-антропологии: действует соотносимая с местом субъективность. Топографически точная фиксация «чуждого места» вызывает желание путешествия одновременно вглубь мира и вглубь себя: субъективность разворачивается так, что внешнее и внутреннее в топологии совмещены. При этом обязательно переживание «метафизического одиночества» – настоящая человеческая *размерность* обретается в особом поименованном месте. В этом сведении возможен «творческий произвол» свободной «комбинаторики» субъективности.

В *топологической* субъективности развернута серия разнокачественных стремлений. И как раз идея сублимации как превращения и соотнесенности может помочь в понимании возможной общности.²⁸ Топологически ориентированные стратегии смыслогенеза (форма – структура – текст – дискурс – письмо – событие), существуют как бы в одном времени («син-хрония»). Эстетическая топология выступает как организующая характеристика мысли, включая принципиальные характеристики дискурсов нации и гендера.²⁹ *Места* всегда пересекают линейную логику – повторения становятся характеристиками организации смысла. Мысль *аритмична* и в силу этого способна формировать новую актуальную оптику. В исследовании генезиса искусства палеоантрополог Я.Я. Рогинский говорит именно об этом – «человеческая мысль аритмична по своей сущности»: отвечая на непредвиденные изменения в окружающей среде, решая иногда в течение кратчайшего промежутка времени новые задачи, человеческий интеллект по самому назначению не может длительно обладать своим собственным ритмом и должен постоянно быть готовым к его нарушению и отмене. Но аритмическая деятельность составляет резкий контраст с большей частью функций организма, подчиняющихся строгим ритмам, будь то деятельность сердца, дыхание, ходьба или чередование бодрствования или сна.³⁰ Своих величайших успехов человеческий интеллект достигает в таких «точках сбоя» – «срывных ситуациях» – здесь происходит актуализация видения. Именно внимательная к местам философская оптика способствует сборке субъективности. Так эстетика события может противостоять «апокалиптическому тону» новейшей философии – постмодернистская исчерпанность преодолевается топологической стратегией мысли.

Место активно сопротивляется времени утопии или антиутопии. Поэтому субъективность встроена в событие как его освоение с последующим воспроизводством топологии смысла в существовании. Воспроизводство и устанавливает субъективность по-

²⁷ Степун Ф. К феноменологии ландшафта // Труды и дни. 1912. № 2. С.52-56.

²⁸ Ср.: «Моцарт у Пушкина капризно-произволен и вместе медиумичен (подслушал «райские песни»); Сальери – рационально-основателен, а потому и не «поэтичен» в своем творчестве.

Свобода произвола, свобода абсолютного выбора получает здесь совсем новое освещение: негативная свобода получает позитивное значение. И это оттого, что вовсе не исчерпывается выбором между да и нет, между утверждением и отрицанием свыше данной иерархии ценностей, между добром и злом; существует свобода выбора между различными и противоположными да, между различными комбинациями ценностей, между различными решениями их конфликтов, между различными комбинациями средств – одним словом, между различными творческими возможностями» (Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 101).

²⁹ Ср.: Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / Elisabeth Cheuré (Hrsg.). Würzburg, 2005.

³⁰ Рогинский Я.Я. Об истоках возникновения искусства. М.1982. С.32.

средством повторений. Переживания не миметичны – не подражают простым субъективным впечатлениям происшествий и не суммируются. Формирующаяся субъективность захватывается возвышенной избыточностью субъекта, произведенной именно в данном месте – сверх-человечность не суммарна и не эмпирична, а мета-физична.³¹ И далее сложившаяся в основных чертах субъективность заставляет говорить на своем языке – действует как символическая схема порождения смыслов. Но что собственно придает такой субъективности бытийность и метафизичность?

За счет какого «возвышенного» может быть интенсифицирована сборка субъективности? Встают вопросы о новой субъективности и стратегиях ее сборки. Как возможно жизнестроение? Посредством какой «интенсивности» сегодняшняя Россия может быть собрана в ситуации распада предшествующих форм существования и зарождения новых форм сборки субъективности? И тут в целях прояснения ситуации нужно еще раз соотнести современное *политическое* с *поэтическим* или *эстетическим*. Если угодно, воспроизвести исходный опыт формирования «современности-произведения». Ведь современный политический мир – от этнических конфликтов до религиозных войн – все более и более «сбивается» интенсивностью позиций участников. *Случайность* даже приобретает категориальный смысл, становясь проявлением дорефлексивной энергии существования и творчества.

Случай как бы прилаживает событие к месту – только в этом месте возможное стало действительным. Это не романтическая «игра с действительностью»: случай выступает как точка сбоя «системы современности» – «здесь абсолютная трагедия, абсурд бытия».³² Происходящее невозможно прокомментировать, подводя происшествие под прошлые смыслы при полной непредсказуемости будущего. Но являясь проявлением нестабильности, *случай* происходит в конкретном «месте действия» – свобода и своеволие поведения «субъекта» имеют привязку к обстоятельствам места действия. Безвыходность происходящего предполагает необходимость изменения смыслов существования – самой стратегии смыслогенеза. Более того, здесь стратегия смыслогенеза совмещена с проблемой формирования *неклассической субъективности*: случай отрицает попытку внести любой порядок в систему, являясь началом нестабильности. В этом и его преимущество, и его слабость: оценка зависит от точки зрения, но тем не менее, случай (в литературе) сохраняет всегда одно качество: позволяет раскрыть, хоть и частично, настоящее лицо человека, класса, общества, даже эпохи.³³ Неопределенность «новой субъективности» способна переливаться в абсурд – и это тоже одна из ее возможных конструкций.

Философская истина соотнесена с определенным сообществом, соединенным опытом первичного переживания и рефлексии. Сообщество имеет дело с собственными условиями и стратегиями «сборки». Актуализирован топос – вопрос об истине оказывается неотделимым от вопроса о месте и о смысле со-вместного существования. Так включенный в постоянную соотнесенность с рефлексией эстетический опыт способен сохранять самое философское сообщество – поддерживать философскую институцию как определенную расположенность в мире.

³¹ «Это, добавляемое страстью "что-то сверхчеловеческое", гений – все это вновь топосы мысли о возвышенном, каковая определенно является целью всего этого противостояния. ... Это субъект в избытке, за пределами самого субъекта. С учетом топоса Бодлер отлично знает, о чем говорит, когда поминает "сверхчеловеческое"» (Лаку-Лабарт Ф. Ук. соч. С. 56, 57).

³² «Именно случай у Шаламова раскрывают нелепость всей системы, как лагерной, так и общественной. Человек мог быть осужден по любой причине, мог быть направлен отбывать наказание в любой лагерь, в любое место, мог быть назначен на любую работу, встретить доброго зека или жестокого преступника. Никакого объяснения и понимания происходящего, даже когда смотришь назад, здесь нет. Такая ситуация похожа на царство рока в античной трагедии» (Симчич О. «Взрыв» в культуре и случай в литературе // Случай и случайность в литературе и жизни. СПб: Пушкинский проект, 2006. С. 207, 211).

³³ Симчич О. «Взрыв» в культуре и случай в литературе. С. 211.

Жанат Баймухаметов

Пол и цивилизация: Кризис гендерной революции

*Если б ты узнал, что такое быть женщиной,
то пожалел бы о том, что ты – мужчина.*

Аноним

Воля к диалогу сменила волю к истине. Этот эпистемологический или в более широком смысле мировоззренческий переворот, имевший место в конце прошлого тысячелетия, объясняется тем немаловажным обстоятельством, что прагматика нашей жизни фактически вытеснила диалог как возможность реализации открытого характера человеческого здесь-бытия на маргиналии культуры, так, что диалог как неперенный атрибут всякой жизнеспособной культуры стал в принципе невозможен. Вести его практически не с кем. Однако нужда в диалоге как некоем спасительном средстве лишь возрастает с каждым днем, нужда в том, что было еще в недавнее время утрачено, нужда в том, чего на самом деле больше нет.

В наше время в условиях тирании демократического дискурса воля к диалогу трансформировалось в засилие демагогического рекламного дискурса, дискурса безличных и безответных суждений.

Воистину только в эпоху рынка человек становится *двуполым* существом. *Полыми* внутри оказываются как мужчины, так и женщины, которые стремительно несутся по поверхности Бытия в бурном потоке либидозной энергии.

Теперь телесной организации человека противостоит не эфемерная «душа» или авторитетная инстанция «разума», а либидо как таковое с его беспрецедентной и величайшей претензией на доминирующее положение в общем порядке сущего, оформативированного энергией соблазна таким образом, что создается впечатление будто мы достигли невероятного триумфа самого высокого идеала рационалистической традиции – объективного описания способов каким человеческий разум постигает объективную действительность. Эта ситуация чем-то напоминает ситуацию Мюнхгаузена, которому удалось-таки вытащить себя за волосы из жуткой и смертельной трясины.

Однако, за распространенной в наше время ссылкой на своеобразие мировоззрений и менталитетов зачастую проглядывает банальное признание разума в собственном бессилии воспроизвести что-либо «объективно». А за фразами типа: «мы так устроены, и изменить ничего нельзя...», «мы так закодированы, ничего не попишешь...», «мы так исторически сложились...», «нас так обучили...», «нас так зомбировали» и прочее и прочее, скрывается всего лишь нежелание изменять что-либо в своем конформистском мышлении, нежелание думать. Менталитету как затвердевшей форме мысли следует противопоставить подвижный строй мышления, берущего начало в номадически подвижной среде плавающих означающих, открытых для бесконечного числа возможных интерпретаций.

Сегодняшняя культура, как выражение технологии глобализма, является возвратом к первобытному Хаосу, согласно древнегреческой мифологии, являющимся отцом богини Никты (персонифицированной пустоты) и дедом подбросившей яблоко раздора Эриды. Всякая культура, как исторический процесс созидания и освоения людьми соответствующих ей архетипов, сталкивается в определенный момент своего развития,

а именно в так называемый цивилизационный период, с деструктивными силами, образующими вокруг себя некий вакуум, пустоту. За этой пустотой таится готовый через зияющую «рану мира» вырваться на волю Хаос. Возврат к древнему, изначальному беспорядку – *угроза*, не дающаяся сознанию человека во все времена. Гельдерлин нередко говорит об этом ужасе перед неотвратимым соблазном, которым приковывает к себе мир и человека гигантская пасть Хаоса:

... Если сбившись с верной дороги,
как дикие кони, понесут под откос потайные
начала и первые
установленья Земли. *Тяга к возврату в близкость
бьет и бьет из-под спуда.*
(Из стихотворения «Поспевшие плоды». Курсив мой. Ж.Б.).

Этот соблазн, источаемый гигантской пастью Хаоса, сродни тому соблазну, который питает современную форму латентного промискуитета. Собственно говоря, он и является выражением непреодолимой тяги к хаосу, трансцендентным состоянием вагинальной экзальтации. При этом эстетическая составляющая культуры выстраивается так, что уже не важно, являются ли те или иные рассматриваемые ощущения положительными или отрицательными (например, повсеместная тяга к экстриму воспринимается как нечто все же позитивное имеющее в известном смысле негативные коннотации). Экстремальный секс становится секстримом и оценивается по своему модулю, т.е. по степени интенсивности переживаний и мощи оргазма, получаемого при этом.

Порнография – это один из способов деконструкции «реального» с целью его «высвобождения» из-под гнета каких-либо верховных идей, принимающих характер навязчивого бреда. Поэтому порнография является самым мощным психотерапевтическим инструментом.

В порнографии речь идет об абсолютном освобождении так называемой истины пола – глубокой, потаенной, бездонной, ненасытной и в то же время близкой, разверстой, открытой не только для созерцания, но и для различного рода манипуляций. Таким образом, потребление порнографической продукции – это не просто «гаденькое удовольствие», свидетельствующее об аморальном облике потребителя, а попытка представить и тактильно ощутить реальность в ее гипер-измерении. Моральные доводы, направленные против так называемого засилья порнографии – «это только еще одно средство для достижения цели, боевое средство, которым пользуются при этом так же, как ложью. Так выглядит мир, созданный мужчинами, и я хотел бы быть женщиной, если бы женщины не любили мужчин!» (Роберт Музиль. «Человек без свойств»).

Мужчина, т.е. человек как таковой (man) – это неудачная копия природы, в то время как женщина (woman) – это сама природа. Познавая *природу* женщины, человек познает ту матрицу, которая его собственно и генерировала. Хитроумная и потаенная структура матрицы позволяет женщине выступать в качестве госпожи порядка сущего, его, так сказать, управляющей.

Бодрийяр: Не правда ли, мы оказались в оригинальной ситуации изнасилования и насилия – «предсуицидальная» мужественность насилуется неудержимым женским оргазмом. Но это не простая инверсия исторического насилия, чинившегося над женщиной сексуальной властью мужчин. Насилие, о котором идет речь, означает нейтрализацию, понижение и падение маркированного термина системы вследствие вторжения немарки-

рованного. Это не полнокровное, родовое насилие, *насилие нейтрального*, насилие нулевой степени. Такова порнография: насилие нейтрализованного тела.

«Критике чистого разума» следует противопоставить «Критику чистого объекта». Дело в том, что мы живем в эпоху примата чистого объекта над человеческим субъектом. Чистый объект – это своеобразный светящийся экран глобального монитора, воспроизводящего порнографическую реальность беспорядочно и монотонно совокупляющихся животных гениталий. Налицо злой гений объекта страсти, гримаса промискуитета на фоне симуляции любовных идиллических картинок, из которых жизнь уже ушла.

Жизнь сама по себе сравнима с искусством ходьбы по минному полю, так, что всякий человек невольно ощущает себя сапером. Супружеская же жизнь – это такое саперное искусство, которое убедительным образом демонстрирует то, что самая опасная мина, готовая всякий раз разорваться, находится внутри каждого супруга, воспринимающего факт банального адюльтера не иначе как экзистенциальный крах. И этот факт, в силу своей повседневной тривиальности особенно в нашу эпоху глобальных трансформаций, делает нас либо суперпрофессиональными саперами, либо непробиваемыми, железобетонными циниками.

Следует признать тот факт, что, в принципе, понятие предательства не применимо по отношению к подавляющему большинству супружеских измен, поскольку оно выражает собой этическую категорию, не сводимую к чистой физиологии.

Я индивида утрачивает свою целостность в угоду анонимного расщепленного шизофренического состояния, в котором находится квази-цивилизационное общество. Вот почему доминирующим элементом постсовременной глобалистической «картины мира» является принцип плюрализма, тотального плюрализма, пронизывающего частную и общественную сферы вялотекущего воспроизводства человеком самого себя и себе подобных. Тотальный плюрализм – это именно та конфигурация расколотого общественного сознания, которая выстраивает историческое бытие цивилизации таким образом, чтобы

каждый имел свою собственную матрицу, способную генерировать как можно большее количество своих подобий. С виду, казалось бы, безобидный плюрализм (разрешение есть любые плоды с любых деревьев, произрастающих в саду), чреват проявлениями первобытного фашизма, о котором впервые упоминается в библейской истории в связи с образом змея-искусителя с необычайной легкостью сфасцинировавшего, т.е. очаровавшего праматерь рода человеческого.

Как бы ни методично рекламировали современные препараты подобные «Виагре», стимулирующие сексуальное возбуждение и производящие детонацию вселенского оргазма, все же самым эффективным афродизиак по-прежнему, как и в эпоху появления первых банкнот, остаются денежные знаки. С особой силой этот вид афродизиака оказывает свое потрясающее воздействие на слабый пол. Именно благодаря афродизиакам, собственно говоря, и происходит так называемая *вагинизация* культуры, порождающая

своеобразное искусство *кунилингвистики*, мастерство убления средствами языка вагинальных губ виртуального партнера.

Любая революция, в том числе и сексуальная, в соответствии со своим исконным определением «движение вспять», является по существу возвратом к самым древним ар-

хетипам коллективного бессознательного, которые способствуют воссозданию доисторического периода так называемого «материнского права», ничего не знающего о различиях между отдельными человеческими особями. Вот почему самой характерной чертой революции является тенденция к обезличиванию, к торжеству посредственности, к безусловному подчинению анонимному центру, предпочитающему выражать себя посредством языка обольщения (*seduction*), очарования (*fascination*), шантажа («если не, то...»), короче говоря, тем самым дискурсом, матрица которого была заложена в эпоху матриархата, самой древней, самой фашистской, самой тоталитарной формы человеческого сообщества. Итогом же всякой революции является, как правило, возникновение масштабной по своему охвату проблемы, связанной с различного рода дисфункциями, в том числе и сексуальными. Однако революция включает в себя и некоторые положительные аспекты. Она способна обольстить нас виртуальной возможностью раствориться в «океаническом чувстве» аморфного, непроявленного, безличного *das Man*, по существу, являющегося возвратом к тому недифференцированному бытию, блаженному состоянию, которое испытывает зародыш, находящийся в материнской утробе.

Безусловно, что такая ситуация подразумевает наличие инстанции, которая выполняла бы охраняющие функции регуляции и инициатора взаимодействия внутри сферы полового социального тела. На сегодня такую древнюю по своему происхождению медийную функцию, так сказать, постсовременную функцию шамана выполняют такие, ставшие знаковыми персонажи цивилизованной жизни как журналисты, эти жрецы мультимедийного сакрального пространства, врачи – эти целители психо-соматической организации общества, а так же работники правоохранительных органов, ответственных за организацию дисциплинарного пространства. Все эти инстанции, так или иначе, ввергнуты в пучину борьбы с таким фатальным атрибутом цивилизованной жизни как терроризм, являющийся кривым зеркалом дьявольской энергии вытеснения совокупного коллективного бессознательного в область нейтрально-нормированной организации общества. В определенном смысле, потенциально “террористом” является каждый из нас, поскольку каждый из нас, согласно Фрейдю, – носитель единого комплекса Эроса и Танатоса. Таким образом, деятельность журналистов, врачей и правоохранительных органов, можно редуцировать к сакральным функциям шамана-экзорциста.

Вот и мы, полагаем, что эту «ауру» источает такая, по традиционным меркам активная, часть населения, каковой являются мужчины. Им лишь стоило зазеваться в романтическом флере открывающихся впереди перспектив, как тут же инициативу перехватили вполне земные существа с прагматическим стилем мышления и большой долей цинизма. Одними из таких существ оказались женщины, на поверку оказавшиеся самым сильным, самым выносливым, самым приспособленным к выживанию в экстремальных условиях полом, полом, за которым стоит будущее, поскольку иного пола практически не осталось. Мужской пол был поглощен как оргазмирующим социальным телом, так и женским тотализирующим дискурсом («Все мужики сво...») выражающим феномен многоступенчатого оргазма с его запросами, подобными тем, которые были проартикулированы старухой в известной сказке о старике и золотой рыбке.

Судя по среднестатистическим американским мелодрамам, современная американская семья – это муж, покладистый, всепонятливый, тактичный, сдержанный, воспитанный, дисциплинированный «подкаблучник» и жена – нервная, упертая, наглая, истеричная и съехавшая со всех катушек неудовлетворенная своей сексуальной жизнью стерва. Причем, наличие детей в рамках такого рода «партнерства» не считается обязательным.

Ад – это метафора, указывающая не сколько на физические мучения, сколько на обреченность на полное одиночество, на вечное осознание человеческой монадой, бодр-

ствующей во мраке вселенной, бессмысленности темноты. (Солипсизм есть «ложное» метафизическое учение не потому, что оно ошибочно, но потому, что оно психологически ужасающе). Кстати, «Книга Иова» представляет собой один из первых впечатляющих образцов человеческого одиночества.

Карин Рубинстайн и Филипп Шейвер: Состояние летаргического самосострадания способствует замыканию порочного круга низкой самооценки и социальной изоляции индивида. Оно тесно связано как с депрессией, так и с самоуничижением. Фактор «активное уединение» обозначает творческое и плодотворное использование времени в одиночестве; это альтернатива одиночеству. Печальная пассивность – переживания, употребление алкоголя, транквилизаторов, пассивное восприятие телевизионных программ – все это «коммуникативно» в психологическом смысле. Как одиночество ощущается «физически»? Большинство интервьюируемых ответили, что оно ощущается как «дыра или пустое пространство в моей груди». Этот ответ опирается на более глубокое и общее понятие «пустоты».

Женщина (woman) соотносится с мужчиной (man) так же, как человек (man) соотносится с животным (animal) по принципу золотого сечения. Это обстоятельство свидетельствует о том, что предел мира обнаруживает себя в его становлении женщиной. Нет ничего более трансцендентного для человека (man), чем женщина. Женщина – это тот бог, который покоится в самом себе на седьмой день творения, и которому, теперь уже нет дела до того жив человек, или он похож как собака. Смерть исторического героя – не повод для того, чтобы его возлюбленной следовать за ним на тот свет. Воистину, воля к новой интерпретации эпической Поэмы под названием “Женщина и Мужчина” способна в глобальном масштабе вызвать радикальную культурно-историческую трансформацию уже в самое ближайшее время.

Гендерное различие, несмотря на заявляемое и устанавливаемое социально-юридическое равенство между полами, приобретает форму различия между тремя видами дискурсов. Один из них – женский тотализующий дискурс («Все мужики сво...»), другой – мужской гетерономный («Что положено Юпитеру, то не положено быку»), и третий – «холодный» унисексуальный дискурс («То – не более чем это»). Развитие гендерных технологий на данный момент разворачивается в условиях диктатуры женского дискурса.

Что касается развития гендерных отношений, то фундаментальное противоречие обнаруживается не сколько между мужским и женским, сколько внутри женского дискурса, стремящегося реанимировать архетип целокупного бытия, тот архетип, воссоздать который мужскому дискурсу, оказавшемуся по сути утопическим, так и не удалось в исторической ретроспективе. Начало новой эпохи знаменуется выходом на историческую сцену новых амазонок, гарпий, горгон и валькирий, пребывающих в каждом из нас – одним словом, террора всех против всех. Война цивилизаций приобретает характер женских богинь мщения, чья единственная задача – дезиндивидуализация порядка сущего. Такой порядок призван положить конец так называемой войне полов. Главные симптомы наступления постсовременного состояния культуры: фрустрация как наследие мужской несостоятельности и истерия как выражение бесчувствия к себе подобным и гиперчувствительности к тому, что сопряжено с мстостью по отношению к ним.

Судьба постсовременного квази-человека – серые будни в пределах Одного и того же, прозябание в тисках Власти тотальной Тождественности и Безразличия. Теперь в одну и ту же реку нельзя войти и единожды, поскольку входить уже просто некому и реки больше нет.

Магжан Жумабаев
(1893-1938)

*Пусть землю покроет потоп мировой!
Пусть скроются горы под шалой водой!
И брызгая пеной, как ядом морским,
Воздымнутся волны, гора за горой.*

*Пусть землю покроет потоп не щадя!
Пусть пена сокроет глаз солнца, щадя!
Где трепета жизни не видно ни в чем,
Пусть в мире пустынном останусь лишь я!*

*Пусть сгинет живое не в силах вздохнуть!
Безмолвья настанет предельного жуть!
Над мраком земли, где не видно не зги,
Мне Солнцем взойти бы ярчайшим, как суть.*

*О, как я понесся б над сирой землей!
Очистил бы пламенем все под собой!
И в мире бескрайнем без дна и вершин,
Остался б один я, как шар огневой!*

*Как молния скор и как бог, одинок,
Без тех, кто душою давно уж иссох,
Я создал бы, верьте мне, новых людей,
Я их из огня своего бы исторг!*

*Перевод с казахского –
Ауэзжана Кодира*

Ауэзхан Кодар

Поэзия М. Макаатаева в переводах Ж. Баймухаметова

Поэты по своей природе – защитники порядка и смысла. Если в прошлом они столь часто нападали на существовавшие у человечества порядки и смыслы, то лишь ради лучшего порядка и смысла. Абсолютная реальность есть – с нашей, человеческой, точки зрения – хаос и анархия; поэты – главный корень нашей защиты. Если мы считаем поэзию наиболее значительной из искусств, мы уподобляемся генералам, реформирующим свои лучшие боевые части.

«Аристос», Джон Фаулз

В основе любой культурной традиции лежат основополагающие культурные ценности, т.е. определенным образом выраженные понятия об окружающем мире. При этом образ жизни и специфика художественного мировосприятия того или иного народа постоянно утверждают и провозглашают эти ценности. Эта попытка культурной самоидентичности фиксируется и в уникальных поэтических образах такого классика казахской поэзии как Мукагали Макаатаев (1931-1976).

Судя по изысканному слогу и особой драматичной тональности поэзии Мукагали Макаатаева, он является человеком тонкой душевной организации, способным из молекул своих эмоций составить общий план такого События как «бытие-в-мире». Бытие-в-мире – это «архимедова точка», опора человеческого бытия в «поэтическом мышлении» М. Макаатаева. Оно предстает в качестве речи, задающей ритм покою мира в единстве четверицы неба и земли, смертного и божественного. На мой взгляд, поэзия М. Макаатаева сродни обретению изначальной тишины, которая является истоком поэтического творения.

...Ұқсайды бар тыныштық жер бетінде,
Ұйқыдағы сәбидің келбетіне.
Кім болсаң ол бол, мейлің, рұқсат жоқ,
Ұйықтап жатқан ұлымды тербетуге! («Бесік басында»)

[...Присутствие покоя на земле
Подобно сну младенца в тишине.
Кто б ни был ты, мне сына не тревожь,
Пусть он еще понежится во сне!].
(«У изголовья колыбели». Перевод Ж. Баймухаметова)

В поэтической стратегии М. Макаатаева поэт выступает в качестве «Хранителя» традиции:

Өмірде әлі көп қой не түрлі,
Қарт қалғымай күзетші боп бекінді.
Сәл ұйықтаса төрт немере төрт жаққа,
Көзден ғайып болатұғын секілді. («Күзетші»)

[Еще угроз для жизни слишком много,
И дед наш стал хранителем бессонным.
Чуть стоит задремать, и наши внуки
В просторе мира скроются бездонном].
(«Хранитель». Перевод Ж. Баймухаметова)

В “суровой” поэзии Макатаева раскрывается аксиома поэтического произведения, которая заключается в сущностной связи между нашим отдалением от духа [предков] и могуществом истины. В том и в другом случае речь идет о сердечной боли за потомков и чувстве утраты живой силы вековых традиций, которые и порождают “спасающую мысль” поэтов нашего “скудного века”.

Макатаев по праву принадлежит так называемому «Веку поэтов», эпохальной ситуации, когда в условиях засилья научного и политического дискурсов поэзия принимает на себя функцию философии, однако без того, чтобы подменить ее собой.

Движение к миру в его примирении с самим собой есть основополагающий феномен поэзии Мукагали Макатаева, который наиболее рельефно раскрывается в переводах Жаната Баймухаметова, известного казахстанского философа и поэта-переводчика.

Жанат Баймухаметов стал известен в Казахстане и за рубежом благодаря своим переводам западно-европейской поэзии с английского, немецкого и французского языков, а также переводам научных работ современных западных философов. Петар Боянич (Центр современного мышления, Эбердинский университет, Великобритания), доктор философии, специалист по изучению войны и мира, высоко оценивая его переводы, отметил, что такой автор как Жанат Баймухаметов «может составить гордость любого европейского философского издания» [Боянич П. Письма друзей // Тамыр, № 1-2 (23-24), 2009. С. 5.]. Наиболее яркие образцы своих поэтических переводов он представил на Республиканском конкурсе переводчиков казахской поэзии в Астане в 2009 году.

Вот как отзывается об особенностях переводческой стратегии Ж.Баймухаметова профессор Берик Джилкибаев: «Образец метасемантического текста дает нам, читателям, Жанат Баймухаметов... Перевод Баймухаметова начисто исключает всякие попытки сделать подстрочник в общепринятом понимании этого дела. В переводе Баймухаметова дан такой подстрочник, который помогает максимально приблизиться к тексту поэмы, не дает совершить промахов, содержит указующие стрелки, куда идти, куда сворачивать, где самые главные сюжетные фигуры, а где “упаковочный материал”. То есть, перевод Баймухаметова – это материал, пособие для переводчиков, работающих на широкого читателя... Метасемантический принцип, использованный Жанатом, открывает множество путей, и на каждом из них возможны такие воплощения на русский язык, которые будут достойны подлинника». (Джилкибаев Б. «Пьяный корабль» в пути // «Тамыр», № 2(7), 2002. С. 90).

У Жаната Баймухаметова всё подчинено главному делу перевода: знанию языков и чувству стиля, музыке стиха и историко-литературному чутью. Переводя поэзию Макатаева, особое внимание он уделяет сохранению «несущей конструкции» оригинального текста и его ритмического строя. В своем стремлении сохранить особенности казахского стихосложения, он повторяет рифмовку стиха, когда рифмуются уже не две, а три и более строк. Разумеется, это обстоятельство создает дополнительные трудности в процессе перевода, с которыми Баймухаметов, как я полагаю, успешно справляется, при необходи-

АУЭЗХАН КОДАР

мости пользуясь рифмоидами и ассонансами. Необходимо также отметить, что ему также удается бережно сохранить такие ключевые образы «поэтического мышления» Макагаева, как тишина (тыныштық), путник (жолаушы), сердце (жүрек), река (өзен), предки (ата-баба) и многие другие важные поэтические концепты.

Как показывает пример Ж. Баймухаметова, перевод во многих случаях неотличим от творчества. С другой стороны, поэтический перевод и поэтическое творчество постоянно переливаются друг в друга, непрерывно взаимообогащаются.

Искусство поэтического перевода – это непрерывный поиск и труд, воля к совершенствованию, умение отвергать свои вчерашние удачи во имя сегодняшних еще больших удач. Для постижения истины оригинала и предпринял сегодня попытку Жанат Баймухаметов, обратившись к переводу на русский язык сборника стихотворений своего соотечественника Мукагали Макагаева, одного из самых выдающихся казахских поэтов нашей эпохи. На мой взгляд, эта попытка примечательна тем, что она может оказать действие в деле осмысления и популяризации как творческого наследия Мукагали Макагаева, так и казахской культуры в целом.

Ауэзхан Кодар

Музағали Мағатаев
(1931-1976)

Стихотворения

У изголовья колыбели

Присутствие покоя на земле
Подобно сну младенца в тишине.
Ты, пробудившись, сына не тревожь,
Пусть он еще понежится во сне.

Спи, спи, сынок, малыш, ты видишь сны,
Твои, о мир, богатства не нужны!
Достаток мой и счастье – всё твоё,
Всё, чем мои хранилища полны.

Твой чудный смех – отрада для отца,
Не будет умилению конца.
Что ты лепечешь там, о светик мой,
Тем язычком, щекоцущим сердца?

Какой рожденный матерью, скажи,
Не думает о детских лет тиши?
Как сладок благостный покой!
Как счастливы в покое малыши!

Присутствие покоя на земле
Подобно сну младенца в тишине.
Кто б ни был ты, мне сына не тревожь,
Пусть он еще понежится во сне!

Хранитель

Когда Мурату шлешь привет с известьем,
Ты мира пожелай всем в поднебесье.
- Спокойно ль всё, спокойно ль всё, ребята? -
Скажи, и круглый год на солнце грейся.

Известны зим холодные приметы.
Знакомы ночь и долгие рассветы.
Знакома жизнь, дающая жить дальше,
Пока благой народ обходят беды.

Остались от войны одни лишь шрамы,
В груди у стариков и лед, и пламя!
Погибли дети их во имя мира,
Но род их продолжается упрямо.

Детей уже забрали у невесток,
Пусть покровитель кров займет и место.
И сидя старец наш ведет расчеты,
«Чтоб обменять жилища честь по чести».

Наш дед с могучим тополем сравнится,
Столетье он прожить теперь стремится.
- Спокойно ль всё? - он спрашивает сразу,
Когда своих знакомых видит лица.

У старых, молодых, идущих спешно,
- Спокойно ль всё? - он спрашивает нежно.
А если грянет гром, он, глядя в небо,
- Спокойно ль всё? - промолвит как и прежде.

Еще угроз для жизни слишком много,
И дед наш стал хранителем бессонным.
Чуть стоит задремать, и наши внуки
В просторе мира скроются бездонном.

* * *

Я так люблю обыкновенных стариков,
Ведь это просто чудо!
Чего еще не знают эти люди, -
Своих отцов и предков сыновья?!
Похоже их число убудет.

Деды, мне ваши бороды знакомы,
Есть что сказать своим потомкам?
Живые вы, о, древности обломки,
Что есть еще в обычаях котомке?

Деды мои, чем вы еще богаты?
Потомкам донесу ваш клич как надо.
Доверие я ваше оправдаю,
Наследником я буду ваших кладов.

От старцев я явлюсь храня обеты,
Учту их поучения, заветы.
Учту... взалкаю... умолять я буду,
Ведь призван тоже буду я к ответу.

Деды нас покидают, как печально,
О, жизнь, так отчего ты трудной стала!?
Мне луком изогнуться не хватало,
Броней я буду, стоит лишь одеть...

* * *

Река в горах бурлит от половодья,
До неба пена белая доходит.
Отарой управляя непослушной,
Кричит чабан-мальчишка на подходе.

Кричит: «Переходите реку, живо»,
Козёл же не решается к заплыву.
Глухи к досаде чабана бараны,
И бьют бока о каменные глыбы.

Чабан же отделив козла от стада,
Камчой пороть его стал беспощадно.
Друг друга же бараны оттесняя,
Козла все видят участь от нападок.

Отара встала ропот издавая,
Дрожжа сплотилась в бляющую стаю,
Попавшись в западню козёл-бедняга,
«Погиб!» - сказал, бородкой потрясая.

Бараны, бляя громко и угрюмо,
Козлиных слез успели суть продумать.
Старик-чабан, на горке задремавший,
Тут вдруг вскочил от яростного шума.

В миг рысью донесла его гнедая,
Гнев праведный теперь его снедает.
Схватил того он за руку мальчишку,
Кто сёк козла за бороду таская.

- Болван... да разве можно бить скотину?!
Не висни как бурдюк, а ну, иди-ка!
Нет, не козёл, а ты сам испугался,
Это в тебе нет мужества, не дико ль?!

В реке бурлящей старика увидев,
Козёл за ним последовал ретиво.
За возжаком же ринулось и стадо,
Вступив на берег дружно, как на диво.

Скот для казаха – счастье и богатство,
У них друг с другом истинное братство.

Козёл глядит на старика и блеет,
Идя в горах по пастбищному царству.

Тог подаривший стих (Новелла)

С надеждой улетает время скоро,
Оно подобно птице на просторе.
Передо мной гора, за мной гора,
Сосновые я вижу косогоры.

Скалы отвесной нависает слой,
Река бурлит под коркой ледяной.
Стыдливую березу обнимает
Игриво горный ветер, - страсти зной.

Передо мной знакомая окрестность,
Я в мыслях удаляюсь в неизвестность.
Теперь не понимаю почему
Стада в другую удалились местность.

Приветствую вас горные дороги!
Напев, секрет ваш я найду в итоге.
Февральский снег засыпал серебром
Меня всего, и голову, и ноги.

Зимы суровой вот оно раденье
И выбранное ею снаряженье.
Она, подобно воину-батыру,
Из ножен достает свой меч в сраженье.

Безлюдная гора.
Нет ни души,
Гостей домой отправить день спешит.
Если взойду галопом на вершину,
Внизу увижу дом один в глуши.

Охотничий, пастушеский приют,
Дом одинокий, где тебя все ждут!
Открыты двери здесь, еда готова
Для путников, что просто так идут.

Услышанное слово в этом доме
Ты донеси от стариков потомкам.
Гостеприимство здесь и изобилье
Реке неиссякаемой подобно.

Дела благие славит человек.
Хранит добро и благо человек.
Наш Предок Аксакал главу склонивший,
Коня к поводьям привязал навек.

Смеркается. Вот дом и этот лог,
(Плач детский мчится за порог),
Дед моего коня остановив,
Сказал: «Добро пожаловать, сынок!».

Согласно изначальному укладу,
Во двор собака выбежала с лаем.
Молодка, выйдя из дому одна,
За столб коня привязывает славно...

Дом чабана.
Год новый. К дастархану
Сноха подносит пищу неустанно,
В прозрачных банках пенится вино,
Искрясь слепящим блеском постоянно.

Ноздрями, нёбом ловим ароматы,
Мясные блюда нынче так богаты.
Двенадцать без пяти, пока сидим,
Никто на водку знатную не падох.

Всё в этом старом доме как и прежде,
Хозяйство мать Нават ведет прилежно.
Туда-сюда все ходят по корпе.
Младенца ж ручки-ножки так прелестны.

Ребенок этот – внучек старика,
Так каплями и полнится река.
Один птенец остался всем на благо
Из родового старого гнезда.

Одним ветвистым дубом был старик.
Родных его коварный рок постиг.
Без жалоб в путь отправился, без боли,
Прижав к себе родного внука лик.

Судьбы перенесенные невзгоды
Лишь укрепили старца дух, породу.
В том самом теплом доме старика,
Я помню, праздник встретил новогодний.

Дом тот же.
Та же горная теснина,
И жвачка завершилась у скотины.
- Пришел же Новый год, старуха, эй,
Неси из бурдюка кумыс родимый.

Жизнь – не лиса гонимая напастью,
Сынок, веселье впереди и счастье.
Года, к которым не прилипла грязь,
Их лучше белым обмывать почаще.

Вот эта чаша – за народ наш скромный,
А эта – за благой наш край огромный,
Эту я пью за мать, хозяйку дома,
Ту – за сноху, родившую потомка!

А эту выпью за свое здоровье,
За окончанье сдачи поголовья.
Моя старуха, выпей за меня,
Ведь за тебя я выпил же с любовью!

Попьем, давай же!
Теперь договоримся и о важном,
Вот в этом доме будем вместе мы
Встречать еще морозы не однажды.

Старик, сравнимый с резвым скакуном,
Теперь, бедняга, в землю погребен.
Нет старца, и кумыса тоже нет,
Вот пью вино, сижусь теперь с дитём...

* * *

Открой свою грудь мир всеблагий,
Я от тебя не взял еще оплаты.
Моя ведь жажда съежила пески,
Мой пот для облаков – источник влаги.

Как небо я вздыхаю спозаранку,
И некогда я почкой был шафрана,
Ты в сердце превратись широкий мир,
И в грудь мою войди не сделав раны.

Страна, гора и степь – всё это крупно,
Они следят за мной как будто неотступно,
О мир, если не выделишь мне часть,
Тебе не дам покоя визгом глупым.

* * *

*Ты мое сердце не наказывай, постой,
Оно приемлет радость и конец любой,
Ведь сердце – это чувство, с чувством
приходи,
А если нет его, меня не беспокой.*

Тропа

*Есть возле дома моего тропа одна,
Задача выйти на нее весьма трудна.
Тропинку окружают заросли густые,
Зигзаги мозга, сердца моего она.*

*На фронт по этой тропке шел отец мой
милый,
По ней же бабушку свою нес на могилу.
По ней дитя скоропостижно проводил,
Всем, кто оставил след здесь, памятник
воздвиг я.*

*«В степи дорог так много, ям у
придорожья,
В горах не заблудись, сынок, будь
осторожен», -
По тропке проводив меня сказала мать,
Дороги – что морщины на иссохшей коже.*

*Хожу по этой тропке падая, вставая,
Ищу дорогу, вновь ищу не уставая.
В местах чудесных, ярких много так дорог,
Споткнувшись, падаю, и страстно вновь
шагаю.*

После работы

*Я очень утомился, что скрывать,
Ты принеси-ка, дедушка, насвай.
Мне суматоха эта надоела,
Сбегу, не нужен этот мне хай-вай.*

*Старик, ты моего отца встречал ли?
Он был как я не знающим печали?
Он был как я пристрастен к табаку,
Любителем причалить и отчалить?*

*Он был как я проказником матерым?
Был ли он мрачным, или же веселым?*

*Умело будоражил ли народ,
Подобно тем, кто сеет смуты зерна?*

*Не я ль, скажи, потомок и наследник?
На своего отца похож я, нет ли?
«Отец пример в изготовленье стрел», -
Когда-то говорили наши предки.*

*Отца ты видел ли, скажи без позы?
Давал ли ты совет ему серьезный? –
Эй, дедушка, постой, что за дела,
Зачем теперь ты проливаешь слезы?!*

*Прошу не плач, старик, я не заплачу,
Я жив и нет причины для печали!
Как мой отец старик поспешно встал,
Хорош насвай – сказал я на прощанье.*

Юность

*Что юность мне дала, какой в ней прок?
Она дала строптивости урок.
Она дала огонь животворящий,
Она дала мне меч врагов разящий.*

*С поэзии меня связала словом,
Меня к вершине выслала суровой.
Она меня отбила, закалила,
Прекрасной жизни правду разъяснила.*

*Не зря она была, доволен ею,
Пока в моем саду она всё зреет.
Мне молодость дала рассудок, разум,
Лишь жаль одно: она пройдет, зараза!*

Мне за тридцать

*Ну зачем ты смотришь жадно
На мой облик зрелый, статный?.
Так и есть, моя зеница,
Мне теперь уже за тридцать.*

*Подсчитав мои все пряди,
Не дивись ты так на дядю.
Всё просчитано, годится,
Мне теперь уже за тридцать.*

*Ну зачем ты смотришь так
На лицо мое, там знак?*

*На детей твоих молиться
Буду я, ведь мне за тридцать.*

*Иногда я рад безмерно,
Иногда бываю бледным.
Мать, отца, ушедших в вечность,
Провожаяю я сердечно.*

*На мои глядишь морщины
Ты зачем и в чем причина?
Там за мной родные лица,
Мне теперь уже за тридцать.*

*Таковы дела, мой милый,
Сердце живо, не остыло.
Юность реет у границы,
Мне теперь уже за тридцать.*

Диалог любви

*- Если вдруг я птицей кану в неизвестность?
- В поисках тебя я обойду всю вечность.
- Если вдруг сгорю в огне в объятьях страха?
- Станем мы вдвоем тогда единым прахом.
- Если миражом я появляюсь небесным?
- Ветром я тебя достигну наконец-то.
- Если принесу тебе одни лишь беды?
- Хватит, светик мой, я вынесу и это.*

Разрушенный дом

*Лежат простершись гордо горы тут вокруг,
Джайляу ты посети и маленький аул.
Местечко «Карасаз» должно быть где-то
рядом,
Его увидишь ты, сюда приехав, друг.*

*Увидишь лес зеленый и ложбины,
Прозрачные кипящие глубины.
Там у ложбины дом разрушенный стоит,
Войди туда на срок не очень длинный.*

*По-человечески свой проживая век,
Здесь тихо обитал смиренный человек.
Как ни старался он вести хозяйство,
Плоды трудов его растаяли как снег.*

*Он прожил жизнь, рабом себя считая,
(Носил одну лишь шапку, не меняя...)
А тут сын-первенец родился у него,
Людским согласно добрым пожеланьям.*

*Постелено на той из джута волокно,
(Для тоя не нашлось буквально ничего.)
Так бабушка моя из чрева жизни
И приняла меня, потомка своего.*

*Отец народу позже стал начальник,
(И он со старой шапкой распрощался.)
...Вот у ложбины склеп разрушенный стоит,
Отсюда жизнь моя берет начало.*

Февраль 1941 года

*1941 год, завьюжил он,
Мороз трещит.
Аул весь снегом занесен.
Война, зияя бездной, продувает
Стихию неба, землю, слышен стон.*

*Восстань!
Взывать и завтра будет нагло
Война к трудолюбивым бедолагам:
Вместо лопаты взял оружие на брань,
Она исполнит роль врага с отвагой.
Взывать война и завтра будет нагло.*

*На небе месяц – старая подкова,
Подует ли мороз трескучий снова?!
Здесь бабушка моя на родине своей
Вишивает амулет в карман холицевый.*

*А он сидит.
Теперь всё выпито до дна,
И разум беспокоит малая мечта.
Взбодрись, отец.
Известна же тебе борьба,
Борьба необходима сильным как судьба.*

*Надежда где, к чему такой упадок?
Взбодрись, отец.
В дорогу тебе надо.
Пока в груди твоей есть нищая душа,
Она и без тебя отыщет благо.*

*Тебя я не утешу, Мама, ты постой,
С молитвой к небесам ты обратись простой.
А если наш хозяин дома не вернется,
Отец найдется ль нам когда-нибудь другой?!!*

*...Просила Мама милая, молилась,
Мечта, однако, не осуществилась.
Не верю вовсе в то, что мой отец погиб,
Ведь он живым из дома удалился...*

Моя любовь во мне

*В суровой жизни обретаясь столько лет,
Не знаю точно я, любил ли или нет...
Ведь если в юности я пламенно любил бы,
Тогда не испытал бы столько горьких бед.*

*О подлинной любви все время я мечтаю,
(Я сберегу ее, пусть даже потеряю...)
Свою я лебедь различу среди гусей,
Которая не знает вовсе расставастья.*

*Любимая, прошу прощенья у тебя,
Капризный нрав ты не показывай, любя.
Не страсть ты у меня ищи, а уваженья,
С недавних пор погасшим чувствую себя.*

Вы

*Есть ощущение у Вас?
Есть понимание у Вас?
И в человека верите ли,
Вы?
Кранам подъемным Вы подобны:
Способны вытащить
и опустить способны Вы.*

*В ладонях Ваших времени течение,
В ладонях ваших и хребтах.
Своим Вы скажете птенцам:
«И пламя мы возьмем, им полыхая».
Эпохи зольник Вы,
и Вы же хворост,
Горите Вы с себя отряхивая прах.
От сундука Вы тайного замок,
И Вы же ключ к нему.
В ожесточенных битвах и кровавых
Вы пропадали без вести порой.
В геройский путь джигитами уйдя,
Вы возвращались стариками.*

*Сокровища Вы те, что от отцов
остались,
И с малых лет Вы были ураганом.
Рекой впадали в море Вы,
Зерном на землю сыпались Вы щедро.
Вы более сильны, чем Ваши предки,
Могучи Вы и как верблюды крепки;
Отчизна Вы своих потомков.*

* * *

*«Я Родину люблю», - сказать несложно так,
«Всем разумом своим», - какой же ты
мастак.
Сказать так просто это, мой ровесник,
«За родину умру, повержен будет враг».*

*Питается ли смертью чья-то доблесть?
Не умирай, зачем все эти вопли?
...Дремучим лесом если б Родина была,
Листочком ты держался бы за тополь.*

*Ты будь прохладным ветром Родины своей,
Воспой ты золотую степь как соловей.
И будь мечом у Родины ты в ножнах,
Сверкающим, бесстрашным, верным из
друзей.*

*Степь велика, и у нее пределов нет,
Согреет ли она не испуская свет?
Люби же Родину!
Люби всем сердцем,
В нее проникни ты, составив ее цвет.*

*«Я тысячу прожил, хотя дожил до ста»,
Седой я головой стал матери подстать.
С ней не могу я радоваться вместе,
Что я люблю ее, могу ли я сказать?!*

*...«Я Родину люблю», - вот так сказать
несложно,
«Сгорю», - вот этим дело не закончишь.
Скажу, не отчим же ведь Родина для нас,
Она в отцовской роли лишь возможна.*

Красавицы

*Красавицы – возлюбленные наши!
Вы солнечным лучам подобны,
И сила ваша льется через край,
Нам раскрывая жаркие объятия.
Красавицы – возлюбленные наши!
Красавицы – вы дорогие наши!
Красавицы – вы дома шанырак,
Вы дома каждого очаг.
Вы дома каждого рассвет,
Вы каждый день несете свет.*

*Не соберешь лучи разбросанные всюду,
Но все ж, с лучом одним в тенечке встреча
будет.
Нельзя таким созданьям светлым
пожелать
Чего-нибудь плохого, свет в домах
потухнет.*

*Красавицы – с собой несете вы томленья,
Объятия жаркие, прошенья и моленья...
Возненавидите – и сердце станет льдом,
Полюбите – душа растает от горенья.*

*Красавицы – вы наши милые созданья,
Вы сохраняете тепло существования.
Красавицы – всему основа из основ,
Вы поглощаете собой всё мирозданье.*

* * *

*О, как чудесна чернота,
Вы полюбите черный цвет!
Я черной ночью как-то встал,
Проснав как будто много лет.*

*Увидев ночи черноту,
К утру направил я свой путь.
Скорей всего я не пойму
Белее белого всю суть.*

*Любимой волосы черны,
Черны любимые глаза.
Лицо же белое, нежны
Его черты, ну что сказать.*

*Цвет белый с черным так хорош,
Пусть их пребудет череда.
Ты только белый цвет берешь,
А черный денешь ты куда?*

*Есть черноглазая краса,
Вы полюбите черный цвет!
Проснулись звезды в небесах
В ночи, ее чернее нет.*

*Перевод с казахского –
Жаната Байиухаметова*

На круги своя, или о книге Хакима Омара «Демб»

18 марта 2011 года в гольф-клубе «Ариал» состоялась презентация книги Хакима Омара «Демб». На обсуждение были приглашены известные культурологи Альмира Наурызбаева, Ауэзхан Кодар, Алия Бопежанова, Айгуль Исмакова и др. Состоялся заинтересованный разговор о творчестве Хакима Омара, активно публиковавшегося в 80-е годы и вот теперь выпустившего свою первую книгу с показательным названием «Демб», что означает в переводе с казахского акт очищения. Далее мы приводим стенограммы выступавших на презентации с сохранением разговорной интонации и особенности речи каждого оратора.

Презентацию открыл видный общественный деятель, бизнесмен Сакен Сейфуллин.

- Добрый вечер уважаемые дамы и господа! Сегодня мы собрались в этом прекрасном клубе на презентацию книги Хакима Омара «Демб». Это его первая книга, но написана

она давно, хотя в связи с рыночными реалиями выход ее надолго задержался. Но все это время Хаким продолжал творить и теперь мы можем убедиться, что да, рукописи не горят и поздравить автора с выходом книги. Хаким Омар родился в 1957 году в Жанаарке. Окончил Казахский государственный университет имени аль-Фараби, он филолог. Юношеская мечта Хакима Нурланулы была писать. Он мечтал об этом всю жизнь и до сих пор. И еще в Советское время он написал много рассказов, которые были опубликованы в периодической печати. Но как человек очень ответственный он женился, появились дети. В первую очередь он вырастил детей, прекрасного сына Ильяса и дочь Жанар. Он построил дом. Его супруга Анар Омарова стала доктором наук по филологии. Все это конечно на плечах Хакима Нурланулы. Кандидатская, докторская, все эти этапы были пройдены. Сейчас он возглавляет самую крупную компанию по производству и продаже открыток, пригласительных билетов фирмы «Темирказык» и «Коза». Она - самая большая в нашей стране, в Казахстане. И вот создав весь этот свой мир, поставив все на рельсы, он

вернулся к своей мечте и доработал свои рассказы, написал новый рассказ. И так родилась книга «Демб». Я провел с Хакимом Нурлановичем много человеко-часов в разных обстоятельствах и проникся большим уважением к богатству внутреннего мира Хакима. Я один из тех, о которых написано на первой странице данной книги – С. Аханов, Е.Калиев, А.Макбуз, мы настояли, чтобы он издал книгу. И насколько я знаю, он пишет еще две книги. Я думаю, что, может быть, об этом он сам скажет. Пишет он об этнографии казахского народа, о Нияз батыре. Он уже вернул себе боевую литературную форму и сейчас горит желанием быть за письменным столом и работать. Как говорится, пока у него есть силы, энергия, он намерен теперь только творить.

- Сейчас я первое слово хочу предоставить доктору филологических наук Айгуль Сериккызы Исмаковой.

- Казахская литература в начале XXI века наконец-то освободилось от идеологических оков XX века и начала развиваться в общем русле современной мировой литературы. Только теперь у нас зарождается проза, в частности – эссе, свидетельствующая о свободе мысли и самого художественного слова. В начале этой новой прозы в казахской

литературе стоит писатель постмодернист А.Жаксылыков. Представляемая вашему вниманию книга Хакима Омара «Демб (рассказы и эссе)» является следующим шагом, отражающим собой новый дух и уровень казахской русскоязычной прозы.

В советское время произведения автора были подвергнуты привычной в то время цензуре главлита. Традиционной в то время отпиской отказались печатать рассказ писателя в одном из наших русскоязычных изданий:

Отзыв о рукописи автора, данный одним из консультантов Союза писателей Казахстана: «Х.Омаров вполне владеет русским литературным языком. Жаль, что он свое литературное дарование не использует для создания рассказов большей социальной значимости». Что имелось в виду под большей социальной значимостью? В то время приверженность к идеологии коммунистической партии и строгое следование догмам и установкам партийных структур было главной нормой социальной жизни тех времен. Однако здравомыслящие люди сознавали, что без соприкосновения со своей историей человек представляет собой уязвимый объект, который попадает под влияние любой идеологии. Поэтому важно изучение собственной истории.

Автор предисловия к научному изданию «Шежіре» (А., 2004) Күлена Түлкібайұлы Х.Омар пишет: «Шежіре – родословная генеалогия – это не механическая запись имен людей живых и мертвых. Это стройная система поисков общих истоков, завет сохранить свою целостность, память, спасти имена от забвения, а человека – от ощущения одиночества! Еще в Древней Греции в городах и храмах были мнемоны – особые люди, задачей которых было хранить, запоминать и записывать события священной человеческой истории. У нас существовала славная школа сказителей-шежіреши, которые из поколения в поколение без единой ошибки передавали генеалогические сведения и бережно донесли до нас наше прошлое, нашу память – золотые корни, которые питают

человеческую сущность.

Шежире – это Ваш паспорт, генеалогический паспорт! Документ, зафиксировавший генезис Вашего рода, наличие которого позволит Вам занять почетное место в человеческом обществе. Ибо Вы имеете свою Историю!». Книга шежире соответствует академическим требованиям предъявляемым к научным изданиям и поэтому востребована сегодня в научной среде.

Художественные произведения Х.Омара издавались в свое время в изданиях «Новое поколение», «Жұлдыз», «Жалын», в альманахе «Әлем», а также в литературных сборниках. Автор предисловия к книге «Демб» Бахтыбай Жумадильдин пишет: «К сожалению, в сборник не вошли рассказы «Кентавры», «Изгнание слов», «Бозайғыр», которые по накалу страстей и напряженной работе мысли не уступают рассказам, представленным на читательский суд. Но автору виднее. Возможно, это своего рода тактический ход, так опытный тренер выпускает на поле не всех ведущих футболистов, некоторые остаются на скамейке запасных и ждут своего звездного часа». Уже по рассказам: «Демб» «Spoliarium», «Паук», и эссе: «Свет полярной звезды», «След уходящего дня», вошедшим в книгу можно определить структурно новый способ повествования. В мировой литературе этот способ относят к постмодерну. В чем отличие этой прозы от классического способа? В свободе слова и рассуждений автора. В проникновенности и интеллектуальной силе художественного слова. Слово героя сливается с авторским и поэтому автор сам становится героем такого текста. Но он не всегда декларирует свои мысли. Он делится с читателем самым сокровенным, что у него накопилось в душе. Поэтому слово в книге Х.Омара – это итог выстраданных чувств.

Стиль Х.Омара на первый взгляд ненавязчив. Но каждая фраза в тексте заставляет вас быть бдительным, чтобы не потерять суть происходящих драматических событий. О чем эта книга? О вечных вопросах, стоящих перед человеком: это размышления о жизни и смерти и о сути жизни как преходящей ценности. Книга «Демб» состоит из 3-х рассказов и 2-х эссе. Художественные рассказы писателя недлинные. В небольшом хронотопе рассказа герой делится самым сокровенным: «Любовь к земле живет в сердце каждого, но отношение крестьянина к ней особенное. Крестьянин связан незримыми узами с землей. Он сердцем вслушивается в дыхание земли и внимает ее голосу. Он, весной разрезая плугом землю, как бы размыкает ее застывший рот. Заботливый землепашец вскармливает свое поле, рассыпая горсти пшеницы, кормит хлебом, чтобы земля согрелась, накопила силы. Ее тело впитает лучи солнца, жизненную энергию, вдохнет воздух весны, а потом принесет дары человеку – из хрупкого зерна произрастет жизнедышащий колос. Это взаимная и трогательная любовь!

Люди до сих пор не изменили своим чувствам. Сегодня они даже больше говорят о любви и преданности земле-кормилице. Хранящиеся в глубине земли кости наших предков – залог нашей верности».

В рассказах писателя нет развернутых событий, фабула статична, но какой накал дум и мыслей?! Наверное, неслучайно в название книги взято именно это слово – «демб», которое буквально означает – «очищение».

Все время рефлектирующий герой Х.Омара ищет смысл и суть жизни. Он не просто эрудирован и начитан, но и находится в интеллектуальных спорах с самим собой.

Мне всегда было скучно играть в шахматы. Между тем признано, что умение играть в шахматы до сих пор считается признаком обладания логической силой. В этой связи герой Х.Омара в рассказе «Демб» делится с нами: «мне открылась величайшая хитрость: шахматы – замкнутый круг, игра, которую никто не изобретал – ни Восток, ни Запад. Мы

получили эту «головоломку» вместе с миром, какой-то плут подсунил ее с одной лишь целью – направить усилия людей по ложному пути, загнать человеческий ум в лабиринты черно-белых квадратов».

Рассказ состоит из детских реминисценций главного героя. В основном это открытие духовных ценностей. Многие из нас прошли через «лечение» от нечистой силы, совершаемое нашими бабушками. Но такое поэтическое описание этого ритуала мне до сих пор не встречалось: «Я сидел и смотрел на светящийся диск... В нем вдруг появилась голова моей бабушки. Набрал полный рот воды, как в далеком детстве, она стояла передо мной. Я ждал: сейчас на меня полетят тысячи капелек, искрясь в солнечных лучах, и я увижу чудесное видение, исцелившее меня когда-то. Бабушка, своим необыкновенным способом изгнав злых духов, затаившихся в моем теле, привела меня домой, уложила в постель и спрятала под семью одеждами, чтобы нечистые силы вновь не поразили мою плоть. Я, надежно защищенный под кучей родительской одежды, продолжал наслаждаться прекрасным видением».

Герой Х.Омара чувствует особую эпическую связь со своей историей: «В шелесте страниц слышен шепот древних мудрецов. Тихим, приглушенным голосом они пытаются донести до нас истину. Я улавливаю каждый звук, изучаю знаки, символы, пиктограммы, идеограммы, клинописи, руны».

Особый кодекс чести, пишет Х.Омар, объединяет аульных ребят: «Странная была психология у нас, аульных мальчишек, мы стеснялись наряжаться в новое, только что купленное. Помню, чтобы обуться в ботинки с характерным фабричным запахом, мне пришлось вывалить их в пыли, и только потом я появился в них перед друзьями. Сейчас я на это смотрю, как на ритуальное действие – демб (очищение пылью).

То было, наверно, великой солидарностью босоногих мальчишек не выглядеть особым, все подчинялись одному закону – закону единства.

Ведь всех нас питал особый воздух детства – пыль. Мы, наполнив им легкие, вбирали в себя благодородство земли». Такие лирические откровения героя понятны каждому из нас. Поэтому такой герой всем этим близок нам – сегодняшним современникам писателя.

О чем книга «Демб»? Может это призыв к очищению, к возврату наших этических ценностей, утраченных нами в погоне за псевдоценностями? Сам писатель пишет об этом: «Сегодня я пытаюсь совершить свой ритуал над листом, как в далекие времена».

Стиль Х.Омара поражает особым отношением к слову. Каким ощущается слово? Об этом рассуждает его герой: «Мне все же удалось поймать... одно слово, остальные выскользнули между пальцев. Под моей ладонью – слово, прижатое к стене... Слова не терпят насилия – мы забыли об этом. Древний человек умел обращаться с ними. Для него были слова, которые он не осмеливался произносить громко, испытывал робость перед их магической силой, слегка шевеля губами, выговаривал шепотом. Так одно поколение передавало другому эти таинственные звуки.

Наш далекий предок знал: есть слово и его не произносят вслух. Оно всегда должно быть в сердце! Человек, разгласивший свою тайну, становится беспомощным, легкоуязвимым – сила слова, которой он обладал, может обернуться против него.

Я смешал все слова, в этой суতোлке потерял себя. Вот почему, однажды взглянув на себя изнутри, я раскрыл глаза от ужаса – мой внутренний мир оказался пустым, я не обнаружил в нем то Слово, пришедшее ко мне через кровь, через жилы многих поколений».

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мы сегодня осознаем, что нами потеряно магическое значение слова. Сила слова, которой владели наши жырау сегодня забыта. Мы уценили смысл слова, и этим упразднили его суть. О сокровенной функции слова писал Абай. Ахмет Байтурсынов говорил, что асыл сөз (литература) зародилась из духовных потребностей человека. Герой Х.Омара остро чувствует эту потерю. А это означает, что он обязательно найдет то, что воссоединит его со словом наших предков.

Рассказ «Spoliagium» посвящен декабрьским событиям 1986 года: «Декабрь 1986 года. Это кровоточащая рана. Наша неутрачиваемая боль. Плач отцов и матерей. В вихре свинцовых пуль, в ливне сапёрных лопат, неожиданно оборвавшейся юной жизни посвящается».

Слово в заглавии означает место, где добивали насмерть раненых гладиаторов. Эпиграфом взяты слова Геродота и последние слова Гете: «Имя его я знаю, но стараюсь забыть о нем. (Геродот) «Света... Больше света...»(Гёте). В этих словах содержится смысловая установка.

Слова в финале рассказа: «О, Боже, не лиши света!» также не случайны. События в рассказе повествуют о причинах, которые привели к декабрьским событиям. Проводник поезда Жумабай встречается со старцем, которой «вот уже много лет носится со своим сундуком в поисках сверленной горы».

В рассказе есть образ благородного аксакала, который все реже встречается в сегодняшней действительности. Сегодняшние ходят в бейсболках, а те, кто остались почему-то стыдятся этого благородного слова. Герой рассказа вспоминает о настоящих аульных старцах, мудрость которых поражала не одно поколение казахов «В благородном просветленном лице, в живом выразительном взгляде незнакомца было что-то знакомое, близкое, что роднило с образом мудрых аксакалов аула, истинных носителей лучших черт национального характера.

Владелец серебрянного сундука покидает поезд оставляя его проводнику Жумабаю. Сундук – это не просто метафора, это потерянная история казахского народа. «А сундук? Что за таинственная вещь? Он вспомнил о серебрянном сундуке казахских ханов, набитом древними рукописями, где были отражены все значительные события славной истории номадов. Утерянный сундук – давнишняя мечта историков. Великие герои степи всюду возили с собой этот сакраментальный ящик. Он сопровождал их и в бою, вдохновляя на победы».

События рассказа передаются через размышления повествователя, постоянно-го спутника героя. В финале рассказа погибает и этот владелец сундука – проводник поезда Жумабай, оказавшийся на площади в декабре 1986 года: «О боже, где родные? Отец, мать, братья, сестры? Им невдомек, что близкий человек умирает. Они не услышат его предсмертного хрипа...Он ощутил безмерную тоску. Тоску одиночества, тоску заброшенности. Он почувствовал глухую боль в сердце».

В современной притче-метафоре Х.Омара содержится грусть о потере и до сих пор не восстановленной истории казахского народа. Аксакал передал ценные рукописи Жумабаю, но и он погибает, оказавшись жертвой толпы, искусно манипулируемой властью.

«О Боже, не лиши света!», – просит герой не для себя, а для своего народа. Свет этот – выход из тупика, в котором оказались история и будущее казахского народа. Рассказ написан в 1987 году и точно обозначил состояние нашей страны, находящейся тогда на перепутьи.

Совершенно неожиданна интерпретация образа паука в рассказе Хакима Омара.

Автор возвращает пауку казахскую трактовку. По хадису именно паук защитил от верной гибели пророка Мұхаммеда (с.а.с). «Паук» в свое время имел совсем другой смысл: «Пауки приносят счастье. Человек, берегущий их, будет долго жить. Не трогайте пауков!» Слова матери запали глубоко в душу, и сегодня, глядя на пауков, мирно соседствующих со мной, я всем разумом пытаюсь проникнуть в смысл маминых слов. Ее слова всегда имели вес и чувство ответственности. Слова, которые прошли через века, через поколения. Она не могла позволить, чтобы внезапно возникшая буря эмоции овладела ее умом и легко срывала слова с губ. Слово легковесно, как надутый бурдюк. К каждому слову, любила она повторять, следует привязывать камень, выполняющий роль грузила, которое, удерживая на определенном уровне, предупреждало возможность внезапного всплытия слова-бурдюка. Нам часто не хватает сдержанности в характере, взвешенности в словах. Наступило то время, когда мы не управляем словами, слова не управляют нами. Это точная характеристика нашего суетного времени. При этом герой добавляет что «расчетливость и изворотливость – два крыла современного предприимчивого дельца». Вот эти три особенности, пожалуй, и являются основной чертой наших будней.

Но герой Х.Омара противопоставляет в тему этому наше героическое прошлое, когда слово имело нравственную силу. Этическое восприятие славной истории – вот что потеряно нами утверждает автор. С этим невозможно не согласиться.

Герой Х.Омара противопоставляет этому потерянные нами ценности духовного мира кочевника, «...Интерьер кочевника состоял из самых необходимых предметов, которые он мог взять в дорогу. Эти вещи не обременяли его жизнь, связанную с передвижениями. Главное его достояние – юрта – было имуществом движимым».

Потому и вещи наших дедов были легкими и удобными: дерево, кожа, войлок: «Они почти не производят шума при транспортировке. Кочевник стремился уменьшить вес и объем всего, что сопровождало его в жизни, он шел к совершенству в своей жизнедеятельности, ненужное отбрасывая, необходимое сжимая в объеме до предела, чтобы не обременяло при кочевании.

В рассказе «Свет уходящего дня» есть следующие очень необходимые сегодня концепты, помогающие объяснить, почему надо дорожить потерянными нами ценностями: «Юрта повторяет форму неба. На свое окружение он переносил и его цвет. Однажды он увидел радугу. Он никогда не мог забыть яркую картину, возникшую на фоне чистого неба. И на юрту перекинул такую же ленту. Она будет говорить о единстве неба и юрты...

Когда-то наш предок, высоко подняв над головой круг, навсегда связал себя с небом. Шанырак, – воздвигнутый между небом и землей, – дверь в его духовный мир, дверь единения с Кок-Тенгри».

Интеллектуальная проза Х.Омара поднимает планку над современным бытописанием. Книга призывает не только к размышлению, но и к действенным мерам в защиту как самой истории отечества, так и сокровенного слова – асыл сөз! Пусть будет светлой дорога «Демб»!

- Слово предоставляется Альмире Бекетовне Наурызбаевой, доктору философских наук, декану факультета востоковедения Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана.

- Кто мы, казахи, сегодня? Пора прекратить делить одну нацию на «тех» и «других», «настоящих» и «шала». Эта книга написана на русском (хотя, не так важно на каком языке), главное – эта книга написана казахом и для казахов, и для человечества. Это диапазон той книги, той литературы, которая сегодня вполне может заявить о себе на между-

народном уровне.

Как известно, XX век породил в Латинской Америке такое известное движение в литературе, как магический реализм: стоит вспомнить Алехо Карпентьера, Хорхе Луиса Борхеса, Х.Кортасара, Астуриаса, Гарсия Маркеса и многих других. Речь не идет об ее особенности. И речь вовсе не об этой литературе. Вспомнить о ней вновь меня натолкнуло первое впечатление от прочтения книги Хакима Омара «Демб». Вдруг и как-то спонтанно возникли аналогии с темой сегодняшнего разговора.

Так чем же знаменательна была и остается латиноамериканская литература XX века? Органическим сплавом духа, менталитета, желанием выразить в слове свой мир, мир неразгаданный, непознанный и непонятый другими культурами и выраженный на языке этих других культур: на испанском и португальском. Это говорит о том, что писатели, осознавая свой мир через призму другого языка, могли увидеть и показать неявленное явным, а в явном – магическое и сакральное, т.е. нераспознанный архетипический мир своего культурного остова. И таковое увидел мир, наконец, читая их произведения. По-видимому, этот посыл также был одним из мотивов письма Хакима.

Поэтому, думаю, что автору обсуждаемой сегодня книги, очень близка латиноамериканская литература, хотя, в моем восприятии, след мировой культуры всегда (и должно) по-разному присутствует в литературном произведении высокого порядка. Прежде всего каждый писатель со-творец, со-мыслитель. Тем самым хочу сказать, говоря о книге «Демб», - на нашей казахской почве родилось новое литературное слово, которое вливается в движение казахской интеллектуально концентрированной прозы. (Перечислять имена писателей этого направления не буду, боюсь не упомянуть кого-либо).

Я не утверждаю, что казахская литература до сего времени была лишена интеллектуального начала. Так утверждать может тот, кто грешит против истины. Безусловно, у нас были и есть высокие образцы литературы мирового уровня, были написаны и есть интеллектуально и философски наполненные произведения. История казахской литературы, и каждое ее поколение писателей изначально были лишены издержек этнографичности во имя воспроизведения или удержания своего, национального (особенно в условиях требования подчинения единому методу социалистического реализма – социалистического по содержанию, национального по форме). Это достигалось не путем окрашивания орнаментальностью, а глубоким историзмом осмысливания и выражением осмысляемой реальности через духовную константу своей культуры. Пожалуй, именно этот факт говорит о том, что мастера казахской литературы (начиная с Абая) в силу открытости своего таланта и интеллекта смогли удерживать литературу на достойном уровне художественности и философичности.

Каждая эпоха говорит и выговаривается на своем языке, выражая свой менталитет, свою философию, свое мировоззрение. Так и книга Хакима - явление сегодняшней культуры. Я не говорю только казахской. Это та литература, которая вышла на уровень

такого языка, который будет понят и принят сегодня в любой точке мира. Прошу понять меня правильно: речь идет не о русскоязычности его произведений. Язык я понимаю широко. Вопрос: на каком языке написано? Это лишь формальная сторона бытия произведения. Язык художественного произведения мною понимается как фактор культурного сознания.

Меня удивляет и потрясает язык Хакима. Довольно часто «иноязык» произведений существует как бы автономно от его художественной ткани. Этим порой грешат переводы с казахского на русский язык. Или пример великого Ч. Айтматова, который писал свои последние произведения на русском языке, где я прочувствовала некую искусственность русского языка, некую излишне «литературность» языка. На мой взгляд не состоялась та высокая степень гармонии, та органичность языкового кроя и эпически мощного айтматовского философского материала и мысли, которые выводятся на свет языком произведения. В моем понимании эпичность – это слово-пространство, явленное из языка сакрального. И она все еще хранится в казахской языковой культуре.

Эту органику я прочувствовала в языке Хакима. Намеренно искала искусственность, искусственно сделанную фразу, которая не органично потеснится с другой, которая создаст впечатление, скажем: «это я где-то уже читала, с этим где-то встречалась, ну, а это вот – фальшиво и нарочито». Читала с предвзятостью, поскольку написано на русском, а все об исконно казахском... Но обнаружила удивительную цельность стройного порядка. Прочитав до последней строки поняла, удивительно, как прекрасен русский язык, литературный русский язык, сегодня не использованный, а воссозданный казахским писателем, который проник в глубины своей национальной сакральности.

К сожалению, в современной русской литературе как бы теряется тот, классический, пленяющий, онтологически укорененный в свое корневище культуры русский язык. Я не говорю о стиле и т.п., я говорю о языковом существовании произведения. Начинаешь глубже понимать хайдеггеровский посыл о языке как о доме бытия, о существовании мира в языке.

Второй момент, об этом уже до меня было сказано, насколько в образно-метофорическом суггестивном понимании, то есть в целостно сконцентрированном представлении дана картина мира казахской культуры. В этой хрупкости малого жанра потрясающим образом поместилось казахское мироздание.

Когда я читала «Демб» Хакима, (хотя и до этого были проблески) закралась такая мысль: почему обмельчал казах? Казах в кочевой свободе в своем прошлом был богат «обладанием» мира-космоса, в который он был вписан как его органическая часть: абсолютно свободного неба, всего объемлемого взором необъятного пространства земли. Он не измерял мир предметно и не исчислял его содержимое, ибо любое исчисление – это ограничение, это констатация существования пустотности, изъятие из мира целого. Поэтому он «владел» миром в целом. А вот почему сегодня казах опустил до такого примитивно предметного исчисления своего богатства или высоты положения? Пространство, как описывается Хакимом, ограничило богатство духа кочевника в черте каменного города или «хрущевки».

Теперь мир казаха замкнулся в пространстве квартиры и обнищание духа проявляет себя в невзгодах о пустоте незаполненности вещным миром. Почему часто мы говорим о сломленности духа современного казаха, потому что он болен тем, что я называю болезнью «кочевническая клаустрофобия». Ужатие пространства в каких-либо пределах приводит к обмельчанию духа, к современному фетишизму торгового бренда. Ведь генная память хранит былую бытийственность, когда все пространство мироздания было

личным миром, миром личного пространства бытия. А теперь стены твоего дома – граница между личным миром и миром пустоты, безмирья. И ты теперь находишься в мире предметов, которые и удостоверяют твое существование. Увы, но с этим новым существованием приходится мириться. Вероятно, эта болезнь скоротечна. А ее исцеление придет тогда, когда дух наполнится пониманием того, что твое существование удостоверяется принадлежностью к культуре сопричастия к творчеству как главному источнику самоактуализации.

Я искала в тексте книги «Демб» намеренную или сокрытую цитатность, цитатность художественных приемов или же интеллектуальных отсылок. Поскольку интеллектуальная и философская вещь требует некоего виртуального диалога с... персонифицированными авторитетами. Первое прочтение показало искусство избегания автором такого приема.

Хотя... перехожу к своим пометкам с замечаниями...

Ваш бесконечно неустроенный, импульсивно рефлексирующий повествователь («Демб») как-то все констатирует свой уход в мир книг, в мир, так сказать, виртуального. Чем это оправдано? Для меня не понятно. Это, может, было его средством избегания настоящего с его проблемами? Думаю, что его движение от книги к белому листу – это излишнее его позиционирование, схема тривиальности. Муки творчества – это потаенность не интимного порядка, а магический жест откровения. Ваш, Хаким, повествователь мешает самому автору, уводя ход повествования в описание его рефлексий: эпически разворачиваемая мысль вдруг подавляется им, его рефлексиями. Это, как я понимаю, необходимо было для того, чтобы усилить конфликт между настоящим и прошлым, когда сакральное время пробивается через профанное. Но здесь, к сожалению, профаническое повествование подавляет. Где-то понятно, почему повествователь подавлен: он – современный человек со всеми болезнями века нынешнего. Но все же, он сужает горизонты Вашего писательского начала: не произведения, а Вашей писательской задумки. Может, он Ваш двойник? Но это никак художественно и концептуально не выражено. Поэтому, на мой взгляд, он «заземляет», больше того – замыкает, вносит некую дискретность в течение мысли, которому становится просторно в «хороводе слов» произведения. Ритуал очищения – демб – ключевой системообразующий элемент произведения. Но именно этот момент должен был превзойти случайность и возвестить о себе в ситуации, когда магические (мистические) духовные силы в ассоциативно-психологической смысловой связи обусловили бы и выразили сакральные смыслы, которые простучались в мир слова.

На мой взгляд, эссе более удачны: заряд мысли очень мощный и эссе обычно предполагает открытость мысли пишущего. Но мне показалось или, я ошибаюсь, что Ваши эссе, по характеру эпически насыщенные, проигрывают в попытке объяснить и разъяснить читателю какие-то конкретные вещи. У Вас есть эта огромная, по сути, идея, есть четкая мысль, есть свой дискурсивный порядок, которые требуют мощной непрерывности, как течение огромной реки. Если не ошибаюсь, Вы написали свои произведения для того, чтобы читатель, зарядившись этим мощным порывом, начал думать и размышлять сам, а не для того, чтобы он получил очередную порцию информации, которая может затеряться в общем своем потоке. Задуматься, помыслить и быть сопричастным, идти за мыслью, искать, в конце концов, что-то найти свое – не это ли и есть «удовольствие от текста». Мы получаем, пожалуй, это состояние тогда, когда мысли и чувства как бы воспаряют, зарядившись энергией слова и мысли автора.

И еще один момент, на котором хочу остановить внимание: первое прочтение Вашей книги напомнило мне о номадическом дискурсе, о котором пишут современные фи-

лософы постмодернизма. Во-первых, жанр Ваших произведений, объединенных в книге «Демб» я не смогла четко уложить в систему: рассказ, повесть и т.д. И дело опять же не в формальных вещах: объем, содержательная часть, система образов и другие алгоритмы определения жанра здесь не столь важны. А в том, что номадический дискурс игнорирует отсутствие пространственного отношения центра и периферии, отсутствие главного и подчиненного элемента. Здесь же - все главное и все равно значимо. В произведениях Хакима нет главного героя и героя в классическом понимании вообще. (Может быть поэтому повествователь так смутно центрирован и не органичен. Об этом речь шла выше). Степень в эпически насыщенном и интеллектуально отрефлексированном художественном пространстве, в котором на равных началах бытийствуют и поезд, и сундук, и гроб, и паутина, и паук и т.д. Выбивается лишь «книжная» нарративность, которая не может служить единственным признаком интеллектуального наполнения. Думаю, что сам Хаким об этом знает лучше меня.

Для себя я считаю большой удачей познакомиться с творчеством Хакима. Хочу выразить пожелание, что было бы не лишним перевести книгу «Демб» на казахский и другие языки. Это произведения, с которыми должны познакомиться читатели.

- Как говорил нарком Сергей Орджаникидзе «Критику нельзя любить. Критика – некрасивая девушка. Но выводы делать надо». Сейчас предоставим слово известному критику Алие Бопежановой.

- Мен бұл кітапты үлкен ынтамен оқып шықтым. Біріншіден, бәріңізге жақсы белгілі, білімді адам жаққан шам сияқты. Өзімді үлкен бір жарық әлемде болғандай сезіндім. Сыншы болғанан кейін көркем әдебиеттегі небір бағыттардың небір жазушылардың еңбектерімен таныспын. Бұл кітап маған өзінің шынайылығымен, қазақы байсалдылығымен ұнады, мені баурады деп айтуға болады. Мен бұл жерде үш-төрт нәрсені ғана түсініп айтқым келеді.

Біріншіден, бұл кітапта автордың өзі көрінеді, әрине, бұл жерде автордың дүниетанымын, бүкіл өмірбаянын, өзінің ғана өмірбаяны емес, түркі рухын, оның қандай екендігін, оның қалай өскендігін, өшкендігін өзін қалай іздеп тапқандығын көруге болады.

Екіншіден, автордың өзі айтқандай, жалпы, Хаким мен сіздің есіміңізді 90-шы жылдары естідім. Сіз кинода жұмыс істедіңіз, бірен-саран дүниелеріңізді баспасөз беттерінен оқығанмын. Одақ ыдырағанан кейін кімнің қайда кеткендігі белгісіз болып қалды. Бірақ осы уақыттың ішінде сіздің соншалықты бұрынғы дүниеңіз бар, өскендігіңізді, соншалықты дүниетанымыңыздың кең екендігін көрсететін кітап. Содан кейін бұл кітап дәстүрді жалғастырушы деп айта аламын.

Жалпы, қазір оқырман мүлдем өзгерген. Біздер классикалық әдебиетті де өте жақсы қабылдаймыз. Әдебиет өзі бірнеше жолмен дамиды. Оны сіздер жақсы білесіздер. Классикалық әдебиет - ол өте биік деңгейдегі әдебиет, әр уақытта

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

қалатын әдебиет. Мейлі бас кейіпкер болсын, мейлі басты идеясы болсын, мәселе оның көркемділігіне байланысты.

XX ғасырдың соңы мен XXI ғасырдың басындағы әдебиеттердің де бастаулары сонау М.Әуезовтерде, содан кейін А.Сүлейменовтер де, одан кейін дамып келе жатқан дәстүрдің жақсы жалғастырушысысыз деп қабылдадым.

Үшіншіден, сіздер жақсы білесіздер, осында философтар отыр, бүкіл әлем түркілерді, көшпелілерді сызып тастаған кезде, кейін көшпелілер этикасы шыққан. 70-жылдардан бастап оқырман ретінде бүкіл осы түркі этикасы бастауларын сезініп отырдым. Қанат Нұрлановалар, Әуезхан Қодар отыр, Зәмзәлар бар. Мұрат Әуезовтер соның бәрі бұл кітаптың бір ерекшелігі сол – бүкіл әлемдік деңгейде, Батысы бар, өзіміздің түркілік әлем бар сондай ерекше органика жасалған.

Тағы бір айтатын мәселе – осы аспектідегі кітаптар бізде баршылық, жазушылар да бар. Мысалы, Дидар Амантай. Ол мүлдем басқа. Сонан соң Әмірхан Балқыбек. Менің өкінішім сол – біз бір-бірімізді онша білңкіремейміз. Таза қазақша жазатындар кішкене бөлектеу. Орыс тілде жазатындар бөлектеу. Біз енді қазір бірігетін жаңа Альмира айтпақшы анау тілді қазақ, мынау тілді қазақ демей, бірігіп, бәріміз үлкен әлемге шығатын кезең келген сияқты.

Соңғы айтарым, бұл кітапта қазақы бір даналық бар. Мен мысалы, сіздердің көңілдеріңізге келмесін, Альмира сіз ренжімеңіз. Қоғамның дамуына байланысты әртүрлі қабылдаулар болады. Қоғам қазір өсті, соған қарамастан кейде біздің орыс тілінде жазатын кейбір жігіттердің іштерінде бір ыза бар. Ол ыза керек емес. Ешкім де кінәлі емес. Орыс тілінде тәрбиеленгендер де, қазақ тілінде тәрбиеленгендер де – тарих. Тарихты біз қайта жаза алмаймыз ғой. Біз тек қана алға қарай ұмтылуымыз керек. Сол тұрғыдан келгенде, Сізде соншалықты бір даналық десем, мүмкін енді дана десем 80 келген қария деп қабылданар. Сондай бір ішкі байыптылық бар. Кеңпейіл қазақы бір, ол енді әрине бір өзі бұл ұлттың жалпы адами бір үлкен қасиеттері ғой. Сол адамға соншалықты бір оқырманға жайлылық береді. Сол жағынан бұл кітаптың маңызы арта түседі деп ойлаймын.

Бұл кітап меніңше кезінде өзінің шаруаларын жасап, заманға қарай Сіз әрине әдебиетке қайтып оралу деп жатырсыз, бірақ сол күндердің босқа кетпегені белгілі. Бұл алғашқы бастау болса, одан кейін бұдан да жоғары үлкен дүниелер келеді деп ойлаймын.

Бәріңізді құттықтаймын. Бұл кітап қазақ тілінде де шығуы керек шығар. Басқа тілдерге аударылуы тиіс шығар. Алайда ең бастысы, бұл кітаптың дүниеге келуі. Әуезхан сіздер жазып жүрген, Мұраттар бастаған, соңғы кездегі мәдениеттанушылардың үлкен шоғыры бар. Әдебиеттанушылар қазіргі заманда, мен бұрыңғы бір, ауытқып кетті деменіздер, мен мына кейбір философтардың қорғауларына барып жүрмін, барғанда айттып жүрмін, бізде философтар қазақ мәдениетін көбірек талдаулары керек. Бізде мұндай дүниелер өте көп. Орыс тілінде жазылсын мейлі, біздің адымызда үлкен бір белес тұр. Ол – бәріміз бірігіп әлемге, мына бәсекеге қабілеттілік дегенді көп айтамын. Біз комплекс дегеннен қазір кеттік. Қазақ империясы деп жақсы жазыпсыз. Кезінде қазақ империясы болған, жақсы мағынасында. Сол тұрғыда біз үлкен бір жақсы кезеңнің алдында тұрған сияқтымыз. Барлықтарыңызды құттықтаймын. Хакім, Сізді құттықтаймын!

- Следующее слово предоставляется известному культурологу, поэту, переводчику Ауэзхану Кодару.

- Хакима я знаю давно. У нас так получилось, что мы с ним лет 20 назад были знакомы. Общались, много спорили, делились впечатлениями и мнениями. И мне его истоки абсолютно хорошо известны. Поэтому я рад, что через столько лет эти произведе-

ния вышли и сейчас находят такой отклик. И тут я вижу, Хаким, твою мудрость, потому что, понимаешь, если выпустить книгу в то время, наверное, вряд ли был бы такой отклик. Потому что, во-первых, это было очень сложное время распада Советского Союза.

Значит, когда у нас в основном господствовала партократическая интеллигенция, и практически такие вещи вряд ли были бы восприняты на «ура». И сейчас я прямо поражаюсь насколько много очень верных, точных слов сказано о твоём творчестве. И, конечно же, мне было интересно заново прочитать кое-какие вещи. Я знал «Паук», допустим, и другие эссе. Особенно тебе жанр эссе очень хорошо удаётся. Если касаться истоков этого, то я помню, что Хаким ещё в те годы очень увлекался экзистенциализмом.

Тем же Сартром. Но мне кажется - больше Камю. И вот эти Камюистские истоки в творчестве Хакима Омара, они буквально бьют в глаза. И вот удивительно, вот многие сейчас говорили о постмодернистском произведении. А мне кажется, что это модернистское произведение. И я в этом не вижу ничего плохого или хорошего. Это именно так. Альмира с её чуткостью к тексту хорошо подметила, что там мало цитат и Хаким практически в них особо не нуждается, он создаёт свои миры. А это как раз прерогатива модернистской парадигмы. И в этом отношении мне очень понравился рассказ «Демб». Я впервые его прочитал и мне кажется, что в этом рассказе Хаким выложилась весь. Потому что, там идёт речь о цене слова. И он это решает нетрадиционно. Вот кто-то говорил, что у нас казахи любят слово. Каждый казах, это - шешен и т.д., но не в этом дело, а в том, что Хаким показал вот эту трагедию рождения слова. Трагедия того, что это индивидуальная судьба писателя, индивидуальная судьба человека. Это то, что решается на грани жизни и смерти. Опять это экзистенциальная ситуация. И там один из его героев вспоминает слова Камю: «Стоит ли жизнь того, чтобы её прожить». И, конечно, другое произведение, которое мне очень понравилось это «Spoliarium». Действительно, это очень резкое, очень критическое произведение. Вообще я хочу отметить этот критический заряд прозы Хакима. Очень критическая проза. У нас такой прозы просто не было за долгое время. Она при всей её спокойной интонации, при всей её выдержанности, внутренне очень полемична, и вот этот заряд особенно чувствуется в рассказе «Spoliarium». Это рассказ и о декабрьских событиях, и вообще о нашем отношении к жизни. «Spoliarium» - это образ Казахстана того времени. Тогда, после декабрьских событий, мы были в положении вот этой свалки для трупов. Именно мы были в том положении и действительно произошли странные парадоксы. Вместо стариков гибли юные, вместо старшего поколения брошена была как бы под гусеницы молодежь.

Я когда-то, в первые годы своей деятельности вышел как критик старшего поколения. Я открыто критиковал, и тогда мы породили вот этот термин «аксакализм» и «борьба с аксакализмом». И вот этот момент у Хакима чувствуется остро. Я честно говоря, знаю единицы таких людей, позиция которых столь принципиальна как у Хакима.

У нас до сих пор, практически, не происходит смены поколения в литературе. У нас не происходит смены поколения в науке. У нас происходит смена поколения в политике,

и то она эфемерная. Мы помним, допустим, краткое господство младотюрков и чем это закончилось. Поэтому если касаться остальных вещей, которые поднимает Хаким, я хочу остановиться на его отношении к тюркизму. Или как раньше говорили пантюркизму. И действительно «Свет полярной звезды» и «Темірқазық» это символизация и, кстати, Хаким очень большой мастер символизации. Действительно, у него эссе, мне кажется, я тут немного не согласен с Альмирой, что он там слишком много разъясняет или проповедует. У него как раз-таки все сокрыто. И очень все как-то сконцентрировано. Наоборот, нету экспликации всех этих вещей. Все это достигается какой-то внутренней энергией, которая как бы пульсирует в самой глубине. И вот этот момент делает его прозу действительно очень притягательной. И насчет соотношения модернизма и тюркизма. Я вообще считаю тюркизм, это – модернистское движение. Я много занимался Мустафой Шокаем, это был очень образованный человек, знал немецкую философию, он был фиктеанцем. Его отношение к нации было очень креативное, он, допустим, считал, что нацию должна создавать интеллектуальная элита.

Многие говорили об образованности Хакима и это действительно на этой почве возможно. В его творчестве есть удивительное сочетание модернистского традиционализма, т.е. традиционализма пропущенного через индивидуальное сознание человека, через его приобщение к мировой культуре. И вот это говорит о совершенно другом уровне тюркизма, который преподносит нам Хаким Омар.

Очень много и о многом можно говорить благодаря творчеству Хакима. И конечно стоит это перевести на казахский язык и на другие языки. Потому что, действительно, для европейского читателя это будет, наверное, открытием духовного мира казахов, основанном на тюркском мифосимволизме.

Я поздравляю Хакима за то, что он вернулся с такими богатыми дарами. Как говорится в Библии, вернулся на круги своя.

- Хочу предоставить слово другу детства Хакима, известному журналисту Бактыбаю Жумадильдину.

- Наверно никто, как я не ждал выхода этой книги. Еще пятнадцать лет назад, на его день рождение я подарил ему толстый своеобразный альбом – тетрадь для записей формата А-4, где на каждой странице в колонтитуле было написано «классик литературы Хаким Омар». Многие это восприняли за шутку, но я то знал, что Хаким заслужит это звание. В то же время, можно было понять тех, кто в тот момент в Хакиме видели будущего преуспевающего бизнесмена. О какой литературе могла быть тогда речь, когда страна была в эйфории от своего суверенитета, и испытывала все прелести дикого капитализма.

И как бы его не поглощали проблемы выживания и раскрутки своего бизнеса, Хаким при наличии литературного дара, ни на йоту не сдал своих позиций, как интеллектуал и исследователь.

Мне всегда было интересно услышать его видение того или иного вопроса. Это давало мне часто вдохновение или уточнение своих позиций.

Сегодня не многие знают, что Хаким еще в ту, советскую эпоху получил признание для широкого круга читателей. Он публиковался в республиканской молодежной газете «Ленинская смена». Она в то время была единственной молодежной газетой на всю республику. Выходящая тиражом более 300 0000, она было первой по популярности среди всех молодежек СССР, второй по тиражу после всесоюзной газеты «Комсомольской правды», тираж которой был более миллиона. Сегодня в Казахстане более тысяч

газет, имеющие тираж более 5000 считаются престижными. Так вот, если для многих авторов опубликоваться было достижением, то мало кто может похвалиться, что свои

художественные произведения несколько раз печатал в газете, которую читали миллионы читатели одной шестой части земного шара, так как на нашу «Ленсмену» подписывались не только во всех республиках, но и во всех странах Восточной Европы и Кубе. Таковы были реалии социализма.

И опубликоваться в газете в то время было достижением, а в республиканском издании, еще и в русскоязычной было событием. Так как для появления в них должны были быть всевозможные достижения в комсомоле и партии, членство в союзах журналистов и писателей.

Мой отец, писатель Асан Жумади́льдин не просто тепло принял его творческое начало, он перевел его эссе о родной земле, род-

ном очаге на казахский язык и опубликовал в газете «Жанаарка». Сразу надо заметить, что в этой газете, которая названием своим обязана Сакену Сейфуллину, печатались известные писатели и ученые, общественные и государственные деятели как лингвист Ислам Жарылгапов, академик Серик Кирабаев, Алдан Смаилов, Галым Жарылгапов.

Потом его переведенные на казахский язык произведения появились в республиканских журналах «Жалын», «Жулдыз».

Знаменательно и то, что его исследовательские труды по тюркологии были отобраны для первого номера «Алем», издание Союза писателей Казахстана, которую возглавлял Мурат Ауэзов, а главным редактором был величайший мастер художественного слова, ученый Акселеу Сейдимбеков. Имя Хакима Омара закономерно в том издании стояло наряду с фамилиями признанных грандов пера той эпохи. Не могу не сказать и о том, как был напечатан «Spoliarium». Он вышел в годовщину декабрьских событий и за это я и сейчас выражаю благодарность моему коллеге, журналисту Бигельдину Габдуллину, который не просто поместил в своей газете это произведение, а выделил два полных разворота в двух номерах, проанонсировав на первой полосе фотографией известного фотографа Юрия Куйдина Алматинской площади, где произошли декабрьские события 1986 года.

Такой экскурс в прошлое только для того, чтобы читатель не был введен в заблуждением тем, что это первая книга начинающего и неизвестного автора. Будучи сыном писателя, и будучи работником республиканских газет и журналов, издательств, я знаю, что значило тогда издать книгу.

Это в советское время было сопряжено с большими трудностями: - это Главлит – всевидящее око компартии, и ей подконтрольные издательства, четко выполняющие указания сверху, и полиграфия, которая целиком была в руках коммунистического государства. Не могло быть и речи по изданию произведения не имеющего соответствующей идеологической базы. Вполне примечателен и в духе времени отзыв о рукописи настоящего автора, написанный одним из консультантов Союза писателей Казахстана: «Х.Омаров вполне владеет русским литературным языком. Жаль, что он свое литератур-

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ное дарование не использует для создания рассказов большей социальной значимости». Оценка литературного дарования созвучно с оценкой, особо уважаемой мной Л.Лукиной, которая сравнивала его стиль с Экзюпери. Но к вопросу о социальной значимости, мы еще вернемся

Конечно, несправедливо кого-то обвинять в системе, где все было подчинено идеологии, тоталитаризм всегда подавлял свободу творчества, время не могло допустить проникновение «незрелых вещей», лишенных партийности, на страницы печатных изданий. Здравый смысл возобладал над всеми схемами и догмами марксизма, ленинизма и других «-измов». На шестой части земной суши многоголосый гомон партийной литературы давно утих. Наступило время, когда появилась возможность соприкоснуться со своей историей и национальными проблемами. Через толщу времени к нам приходит голос прошлого. Написанное Хакимом неподвластно времени. Несмотря, что многие вещи написаны еще тогда, они не только не потеряли остроту, они актуальны сегодня как никогда, не говоря о художественных достоинствах, для которых не существуют сроков давности.

Вот почему я, еще в конце прошлого века, веря в его творческое будущее, подарил ему тетрадь для новых произведений, на обложке которой было написано: «Классик литературы Хаким Омар». Я относился к числу тех «избранников», которым довелось в рукописном варианте одним из первых ознакомиться с творениями моего друга. Нас связывала давняя дружба, как говорится, принадлежность к одному кругу. В то далекое время мы увлекались тюркологией, идеями номадизма, историей и современным состоянием национально-освободительных движений.

Это тот случай, когда я без сожаления расстаюсь с положением, существовавшим прежде status quo, пусть моей «привилегией» воспользуются и другие, думаю, эти литературные работы заслуживают большего – широкого доступа, читающей публики.

«Ни одну вещь невозможно понять иначе, чем через ее историю,» - утверждает известный этнолог Клод Леви Стросс.

В произведениях автора «След уходящего дня», «Паук», «Свет Полярной звезды», «Spoliarium», «Кентавры» слышен отчаянный крик памяти. От прошлого не уйти, от него не спрятаться. Правы историки, философы, когда говорят, что следует прислушаться к его голосу. Автор улавливает тончайшие вибрации прошедших времен и из звуков минувших дней, создает симфонию сегодняшнего дня.

«Паук» рассказ с незамысловатым сюжетом, но достаточно многопланов и эссеистичен, в нем описание далекого безмятежного детства, волнующий запах домашнего уюта, тепло материнских рук. Но жизнь героя до сих пор не устроена. Он живет в городе, инстинкты степного человека, вольного, не притесненного каменными стенами города, сидят в нем глубоко. «Оседлые центры – ловушки, оплетая нитью паутин свободного человека, сковывают его энергию, заглушают в нем вечный зов природы к движению»... - так рассуждает герой. И пока пауки не связали его по ногам и рукам, надо найти свою дорогу и пройти по ней к своей свободе.

Одна из главных героев рассказа – мать, женщина – вечная труженица казахского быта, ее главное лицо, ибо все тяготы повседневной жизни ложатся на ее хрупкие плечи. Стойкая, жизнелюбивая женщина, художник, творец. Выбрав нелегкий путь к достижению своей цели, с каждым днем, преодолевая физические боли от болезни и усталость уже немолодого организма, она работает над главным трудом своей жизни. Настанет день, когда перед всеми близкими людьми развернет ковер «Битпес» (буквально: «неосуществимый»), сотканный для младшей дочери. Она совершит несовершенное, осуществи

неосуществимое. Она, как паук неустанно плетет свой орнамент, и украшая свой мир, насыщает его духовными ценностями.

«Демб» полон глубокими философскими размышлениями о вечных вопросах человека о жизни и смерти. Здесь тоже мы сталкиваемся с бессюжетным повествованием, характерным для стиля автора. Это внутренний эмоциональный мир героя, его переживания, воспоминания. Он пребывает между двумя зыбкими субстанциями: - быстротечность времени и неуловимость слов – все его внимание сосредоточено на одной мысли – найти изначальную истину. Вернуть человеку, словам, вещам, предметам первичный смысл. Вечно ускользающие, убегающие, «несговорчивые» слова заводят человека в тупик.

Ему удастся «уговорить» слова, обратить их силу в свою пользу и вместе со словами, он идет к истокам первоначала, где реки истины дышат первозданной чистотой. Подобно Коркыту, который безостановочной игрой на кобызе остановил приближение смерти, он в единении со Словом обретает возможность возвыситься над скоротечностью бытия. Герою рассказа удастся выйти из себя, освободиться от брэнной оболочки.

«След уходящего дня» - поэтическое размышление о жизни кочевника. Юрта – центр его вселенной, здесь он совершает акт духовного творения и единения со своим богом. В его философском жилище продумано все до мельчайших деталей: шанырак, кереге, уyki, дверь, бау, баскур, все они выполняют не только практическую функцию, по словам автора, каждая из них несет смысловую нагрузку, связанную с мирозерцанием номада. Юрта – это мироздание в миниатюре, она аккумулирует энергию Синего Неба и заряжает своего обитателя особой силой, которая выталкивает его за пределы его реальности, сообщая импульсы пространству вокруг. Если воспользоваться словами философа: - «Эти физические колебания и придают всему живому неповторимый трепет и ритм».

Кочевник, где бы ни был, на улице, или дома, он не должен терять из виду Синее Небо. «Когда-то наш предок, высоко подняв над головой круг, навсегда связал себя с небом» - говорит автор о единстве кочевника с небом. Можно сказать, что если великий китайский поэт Бо-цзюй-и в стихах «Голубая юрта» воспел внешнюю красоту, форму, и «ее груди, которые твердеют от дождя», уют и тепло жилища, ее богатство и роскошь, то Х.Омару удалось раскрыть философское содержание, внутреннюю суть юрты. Эссе было опубликовано в республиканском журнале «Жұлдыз» (№ 5, 1989. С.142-145), и тепло встречено со стороны читателей.

«Свет Полярной звезды». Кочевник первым бросает вызов к привязанности к определенному замкнутому пространству, он первым преодолевает силу притяжения земли и сближает миры.

«Лучи Полярной звезды осветили и указали путь к выбору своей судьбы и началу вечного движения»- утверждает автор. Темирказык – ось, вокруг которого вращается кочевой мир, и как расходятся лучи звезды, кочевник устремляется в даль. Из эссе мы узнаем достаточно парадоксальную новость, что кочевник, как древние греки, римляне, китайцы чуждых им людей называли *тагы*, то есть варвар. Автор достаточно убедительно говорит о тюркском центре и дикой окраине. Это достаточно интересная тема для историков. Автор впервые вводит в употребление новое историческое понятие «казахская империя». Как оно будет воспринято историками, специалистами-востоковедами и обществом, не равнодушным к истории родной земли, покажет время. Если корейцы и японцы свои миниатюрные государство возвеличивают как империю, а главу государства называют императором, то не понятно, как казахи, занимающие огромную территорию, до сих пор хранят молчание о своем великом прошлом. Причина, возможно, кроется в

том, что совершенно невозможно сопоставить наше героическое прошлое с нашим нынешним положением. Автор подзадоривает читателя своими убеждениями, призывает к полемике. Например, достаточно интересно трактование цифры «8».

В последнее время издано очень много книг о планетарном влиянии тюрко-монгольских народов на историю мира, также говорится о влиянии на генетическом уровне, о смешении народов, где тюркский фактор занимает не последнюю роль. «TheTimes» приводит очень интересный факт, как оксфордский генетик Байрон Сайкс обнаружил прямого потомка Чингисхана. Родство властелина мира и преподавателя бухгалтерского дела Тома Робинсона подтвердилось, когда у них были найдены идентичные участки хромосомов. Автор также затрагивает эту тему и его доводы не голословны.

Традиция запрета на вступление в брачные отношения до восьмого поколения у казахов сохраняется до настоящего времени. Конечно, не повсеместно, в основном в сельских местностях. Категорическое неприятие инцеста говорит о зрелости тюркского сознания не только с точки зрения физиологического развития человека, но и о высоком уровне морально-этического представления наших предков, которые кровную близость возвели в особый ранг взаимоотношений людей. Автор привлекает огромный пласт фактического материала.

Европоцентристское высокомерие, историческая необъективность, лишь обостряют в авторе жажду восстановления справедливости, он обращается к голосу прошлого, к величию предков, чтобы утвердить идеи свободы выражения, чтобы пробудить в сознании современников интерес к своей истории.

«**Spoliarium**» - это наша боль, наша трагедия. Сначала заглянем в словарь, что означает это слово – Сполиарий (лат. spoliarium), в Древнем Риме место, где добивали тяжело раненых и раздевали убитых гладиаторов.

Что подразумевал автор, так озаглавив свой рассказ, мы узнаем в процессе чтения.

Один из интригующих моментов повествования слова «отца истории» Геродота, вынесенные в эпиграф: «Имя его я знаю, но стараюсь забыть о нем» - они звучат парадоксально, и в то же время как приговор. Казалось бы, Геродот как историк должен быть во всем объективен и ни в коем случае не подвергать эмоциональному воздействию свой разум, по долгу профессии не предавать забвению имена людей, «не забывать», а воскрешать имена, давно минувших лет, но его категоричность в отношении одного героя однозначна. «Отец истории» непреклонен – имя этого человека мы не узнаем. Этот человек достоин той участи, которой заслуживал Герострат – народного забвения, за совершенное злодеяние. Однако имени человека, сжегшего Храм Артемиды, удалось прорваться через преграды замалчивания, и достичь поставленной цели – мир услышал имя этого честолюбца. Геродоту в отношении одного героя, имя которого мы не знаем, все-таки удалось совершить справедливый акт человеческого возмездия за совершение деяний неприемлемых с точки зрения здравого смысла.

Автор предаст забвению, совершает акт отлучения от памяти людей имя своего героя. Мы его имя не знаем, как в случае с героем Геродота. Герой «Spoliarium» назовем его условно «Господин Местоимение», автор о нем говорит в третьем лице: «**Он**», «**Его**».

Из слов простых зевак мы узнаем о **Его** ключевой роли в обществе, **Он** руководитель, от **Его** воли зависит успех и счастье многих, которые благодаря послушанию обеспечивали себе устроенную жизнь.

Его «истина» - главный кодекс, которым должны руководствоваться все, ему вручена власть над всеми. Город взбудоражен – все ошеломлены неожиданной смертью **Его**.

Жумабай – главный герой рассказа, молодой человек, студент, совершенно случайно

попадает на **Его** панихиду, и с этого момента начинаются все его несчастья, которые в итоге оборачиваются трагедией.

Рассказ потрясает неожиданными поворотами событий, держит читателя в постоянном психологическом напряжении.

Безропотность толпы, рабское послушание и безразличие общества – немые свидетели преступления. На глазах людей умирают гладиаторы – герои, их обессиленные тела добивают в темных уголках площади, в подвалах арены.

М.Ю. Лермонтов в сжатой форме сумел передать людские страсти, кипевшие в котле амфитеатров: безумие толпы, охваченной зрелищем гладиаторских боев, и безмолвный конец героя:

*Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплеканьями широкая арена,
А он – пронзенный в грудь – безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор,
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?*

Автор свою работу посвящает жертвам декабрьских событий, безоружным стойким героям, погибшим во имя свободы в сполитариях тоталитарного режима. Их имена сохраняются в веках.

Каждая эпоха выдвигает своих героев. Социальные проблемы наполняются новыми содержаниями, необходимо связывать решения социальных вопросов с развитием духовных ценностей, ибо общество, не приемлющее культурного аспекта развития, попадает в лабиринт блуждания. Социальность – это прежде всего духовность.

Историческая ситуация, державшая нас вдалеке от самих себя, оставила глубокий след. Соотношения своего «я» с национальной идентичностью достаточно серьезная проблема для писателей, пишущих не на родном языке. Марокканский поэт, романист Тахар Бен Джеллун заявляет: «Я всего лишь гость во французском языке. В своем творчестве я использую его иначе, чем поэты-французы». Алжирский писатель Малек Хаддад своеобразно выразил свое отношение к достижению независимости Алжира. Он, писавший на французском языке, довольно долго молчал, считая, что не следует продолжать писать на языке чужом в стране обретшей свою независимость. Не в этом ли кроется причина долгого молчания нашего автора?!

Торение своего пути всегда требует огромных усилий духа, но оно приносит радость самореализации и как благодарность за труд приходит осознание реализации своей сущности. Автор взывает к глубинам генетического кода, ни на минуту не забывает о своей принадлежности, сознательно не отдавая себя полностью во власть другого языка, как говорит арабский писатель, пишущий на французском языке: «Я использую его (французский язык) иначе». «Иначе» - это означает с практической пользой для казахской русскоязычной аудитории. Х.Омар не забывает об истинной позиции национального писателя, которую четко сформулировал Генри Бёлл: «Нет более высокой формы принадлежности к народу, чем умение писать на его языке».

Х.Омар замечательно владеет родным языком, главная мечта его жизни – достичь глубин философии казахского языка. Он с упоением читает книги, где отражена мудрость

народа и ораторское мастерство казахских биев, шешенов, жырау. Конечно, лишь ценой огромных усилий и труда можно достичь успеха в знании языка. У него огромное желание писать на родном языке, но пока основным средством литературного выражения является русский язык. Эта внутренняя неудовлетворенность, которая происходит от двойственного состояния, обострившаяся в постколониальную эпоху, приводит к импульсации личности, к поискам и определению своего места.

Книга преодолев долгий и нелегкий путь, сегодня приходит к читателю. Какой будет ее судьба, покажет время. К сожалению, в сборник не вошли рассказы «Кентавры», «Изгнание слов», «Бозайғыр», которые по накалу страстей и напряженной работе мысли не уступают рассказам, с которыми предоставляется возможность ознакомиться читателям. Как говорится, автору видней. Возможно, это своего рода тактический ход, так опытный тренер выпускает на поле не всех ведущих футболистов, кто-то остается на скамейке запасных и ждет своего часа.

Никакие слова, предваряющие книгу не заменят чтение самого текста, мне как старшему брату и другу просто представилась возможность, по известному казахскому обычаю гостеприимства, встретить и проводить гостей в дом. Что с удовольствием и делаю.

Добро пожаловать в мир размышлений и образов «Демб»!

- *Слово предоставляется известному поэту Хакиму Булебекову.*

- В литературу приходят выдрогнуться или высказаться. Вот это книга «Демб» пришла высказаться. Может это постмодернизм, я не критик. Но я скажу от имени народа, что тут есть поэтический язык и в то же время видим газетный стиль. Тут же метафизика и тут же глубокая реальность. Наверное, это постмодернизм, авторское решение, но такие книги нам очень нужны. Это бесспорно. Потому что прошлое это – зеркало будущего. А в то же время это есть осознание настоящего. А это очень важно. Но самое большое, что меня удивляет во всем этом, то, что он, отмечает рождение книги, как рождение ребенка. И, в связи с этим, хочу поздравить Хакима с возвращением в литературу.

- *Следующее слово предоставляется доктору биологических наук, директору Института проблем анималогии Аманжолу Жасбилимулы Макбузу.*

- Уважаемые гости, я хочу сказать что случилось интересное событие, знаменательное событие в нашей стране среди писательского союза. Я сегодня услышал что имя автора давно известно, но никогда не думал, что человек с которым я встречаюсь каждый день может написать вот такие вещи. Для меня это открытие. Я хочу сказать о паутине, о движении.

Я как обычный читатель, хотя было очень мало времени, успел прочитать из шести произведений – пять. Мне особенно понравился язык – интересный, мощный. Первое произведение витиеватое, мне напоминает арабскую вязь в изложении. Что касается «Паука» там красной нитью по всему произведению проходит боль, тоска и переживание автора за нацию, за народ. Стоит вопрос что было, что будет и как это получится? Как будем выходить из этого положения, из этой же паутины? На самом же деле, человек и автор хотят движения.

Пользуясь названием этой книги хочу сказать, что сегодняшнее мероприятие было как «Демб», то есть снятием паутины, чтобы Вы встряхнули и написали более мощные произведения. Потому что эти произведения нужны. Здесь я немножко не согласен с Аль-

мирой Бекетовой, в том что автор много объясняет. На самом деле это правильно. Что он объясняет. Потому что среди русскоязычного населения и среди нас казахов мы многие вещи не понимаем и не знаем. Сегодняшнее время требует разъяснений многим людям, особенно молодежи. И я считаю, что это правильный метод изложения. Благодарю за внимание.

Следующее слово предоставляется полковнику запаса, почетному ветерану КБ РК Толеугали Тлеубаю.

- Прочитав книгу Хакима, сам того не подозревая, я вспомнил произведение Чингиза Айтматова «Буранный полустанок», где автор рассказывает нам о печальной истории манкурта, впавшего в беспамятство, и превратившегося в безвольного раба. К сожалению, эта история стала обыденным явлением современности. Книга Хакима, как призыв к пробуждению.

Я всегда знал, что Хаким – неординарная личность, с глубокими мыслями, собственным видением событий, неповторимым мироощущением. Несколько жаль, что начав писать в столь раннем возрасте, он лишь эпизодически делился с читателями своими мыслями. Скорее всего, на то были объективные причины: цензура, контроль со стороны правящего режима, а позже бытовые трудности держали его в тисках. Но мы рады, что пришло ему осознание необходимости поделиться сокровенным не только с родными и друзьями, но и с более широкой публикой. Как Хакиму необходимо было высказаться, так я уверен, не менее необходимо читателю это прочитать. Вспомнить, а может быть узнать о своих корнях, предках, достоинстве великого народа.

Видно, что за красивой вереницей мыслей стоит большой труд неутомимого исследователя, патриота, влюбленного в идею номадизма. С какой-то ностальгической тоской и любовью повествует он нам о нашем бытии, традициях, обычаях. Чувствуется, в то же время, тревога, беспокойства за уходящие в небытие национальные особенности, параллельно затрагивает автор и вопросы господства иностранцев, о пагубности ксенократии. Читателю он дает лишь пищу для размышления, а решение проблем он оставляет за ним. Можно долго говорить, но я хочу завершить свое выступление словами великого мыслителя Шакарима, которого перевел Роберт Рождественский:

«Явился в жизнь голышом,
Уходишь в рубище одет.
За счастьем спешишь бегом,
Как сказать, догонишь или нет...».

Давайте пожелаем, чтобы наш Хаким догнал свое счастье в творчестве и тем самым радовал родных и близких, а также почитателей его таланта!!!

- Прекрасные стихи посвятила Хакиму Омару к выходу книги «Демб» известная поэтесса, главный редактор журнала «Айгөлек» Қымбат Әбілдақызы.

ХАКІМ ОМАРҒА!

(Кітабын оқығанан кейін)

*Бұрынғының жігітін,
Іздейтіндер гасырдан.
Үзілмесін үмітің,
Тауып берем қасыңнан.*

*Балпаң-балпаң жүрісі,
Баяғының байындай.
Ұсақ емес, ірі – ісі, -
Кісілігі шойындай.*

*Билерге де ұқсатам,
Елдік сөзін сөйлеген.
Тауыпты ұлды күшті атам,
Құлашын кең сермеген.*

*Аты – Хакім адамның,
Хакімдігі абырой.
Оқып сырын галамның,
Кемелденсе ақыл-ой.*

*Жылқыдағы – қазанат,
Хакім деген азамат!
Көшпелі елін сүйетін,
Жанартау ой мазалап.*

*Қазақты қазақ білу - аз,
Құлдық сана жойылмай.
Туған тілді сұлу саз,
Жүр ме өзі біреу мойындай?!*

*...Дегенге жауап табылды,
Бізден де шықты бір мықты!
Орысша сайрап жүргендер,
Қолға ұстап көрер шындықты.*

*Пышақтың гана қырындай,
Кітапта қанша мазмұн!
Оқудың қара құлындай,
Жан еді. Қара, жазуын!..*

*Бекзада болмыс, ақ сүйек,
Ақ сұңқар текті, жан аға.
Өзіңдей керек бір қазақ,
Рухы өлген санаға!*

А так же выступили Президент фонда «Сайдалы Сары Тоқа» Сайын Омар, старейшая журналистка из города Астаны Раушан Тусупбекова, заслуженный юрист РК Муслимов Казкен, ректор Университета имени Д.А.Кунаева О.Копабаяев.

Хаким Омар

Декабрь 1986 года

*Это кровотогающая рана,
Наша неугасающая боль.
Плач отцов и матерей,
В вихре свинцовых пуль,
В лифте сапёрных лопат.
Неожиданно обрвавшейся
жизни
Н О С В Я Щ А Е М С Я*

SPOLIARIUM

Имя его я знаю, но стараюсь забыть о нем. (Геродот)
Света... Больше света... (последние слова Гёте)

Правда, на нем невозможно было растянуться во всю длину – не уместались ноги, точнее, рост студента на четверть превышал длину «кровати», но так уж устроен человек, что он прежде думает о своей голове, и не привык особо утруждать себя проявлением беспокойства в отношении нижних конечностей, пристраивая их по длине ложа. Ему нравилось по ночам устраиваться на тесной крышке сундука. Он, свернувшись клубком, располагался на нем, хотя было бы намного удобнее, расстелив мягкий матрас, спать на полу. Жумабай до сих пор не знал, что содержится в загадочном ящике. Рука не поднималась взломать замок – так просто проникнуть в секрет таинственной вещи.

Сундук он привез из поездки. Обычно в летнее время студентов института, в котором готовили будущих специалистов железной дороги, отправляли на летнюю практику - обслуживать пассажирские поезда. Жумабай первый раз принимал вагон вместе с напарником, который после необходимых приготовлений ушел в штабной вагон, чтобы получить дополнительную инструкцию, выяснить кое-какие вопросы, Жумабай прошел в служебное купе и не зная, чем заняться, принялся за изучение маршрута, мысленно прикидывая скорость, время прохождения поезда и расстояние между станциями; а в голове вертелись слова девушки из бригады, вернувшейся из рейса. Не успели они обменяться приветствиями, как она тут же выпалила: «Старик уже много лет носится со своим сундуком в поисках Сверленой Горы».

Слова ее воспринимались как что-то нереальное. «Кому в наше время взбредет в голову искать несуществующую землю?» - подумал он. В детстве Жумабай (так зовут его близкие) часто слышал о загадочной земле. Старики, хотя сами никогда не видели эти горы, описывали трудную дорогу, ведущую туда, а когда речь заходила о самой таинственной местности, разговорчивые седые рассказчики тут же умолкали или ограничивались неопределенными словами. Напустив на себя серьезный вид, они заключали: «Это окончательность земли, куда не ступала нога человека, откуда начинаются бескрайние воды».

Местность со странным названием, которую невозможно обнаружить ни на одной карте мира, навряд ли простому смертному удастся когда-либо увидеть, даже если счастливый случай вдруг превратил бы его в сказочного героя, по той простой причине, что Сверленные Горы, или Выдолбленные Горы, символизируют некий образ недостижимой земли.

Живое воображение юноши рисовало огромную гору, вершина которой упирается в небо, разделяя два мира, и лишь небольшое отверстие, прорубленное в ней, служит переходом из одного мира в другой. На одной стороне гор лежит мир света, а на другой - мир тьмы.

В течение всего дня Жумаш обходил купе старика, лишь вечером, когда поезд задержался на одной станции, чтобы пропустить встречный состав, а пассажиры, хлынувшие на перрон, оживленно пополняли из меню местных кулинаров запасы своего стола, оскудевшие за день езды, он решился заглянуть в окно таинственного пассажира. Старик, сидел на нижней полке, поджав под себя ноги, словно Будда, погруженный в глубокое раздумье. Юноша настороженным взглядом изучал его лицо. Человек в купе, почувствовав чей-то пристальный взгляд, повернул голову к окну. На мгновение их глаза встретились, молодой человек, виновато помявшись, отвел взгляд в сторону и поплелся ко входу в вагон, где столпились пассажиры, готовые занять свои места перед отправкой поезда.

Жумаш, впусив последнего пассажира, запер дверь вагона, прошел в служебное купе и устало опустил на свое место. Его мысли были заняты только одним – мысленно перед ним снова и снова возникал образ старика. Кто он? Что, заставляет его мотаться по миру? Какая сила, внешняя, внутренняя ли вырвала его из привычной среды, где он был подобен глубоко укоренившемуся, могучему вековому дереву, а теперь в таком преклонном возрасте бросился в беспокойное течение жизни. Отдался в руки неопределенной судьбы. Он, который, возможно, ни разу не покидал родных мест.

Как странно все устроено в мире. Старый человек, преодолевая боли немолодого организма, сознательно лишает себя элементарных человеческих удобств и благ, которые на склоне лет так необходимы. И во имя каких целей, каких идей человек подвергает себя риску? Что заставляет его упорно идти, рваться вперед в поисках неизведанного? Один ищет истину, другой утомляет себя в поисках своего физического измерения, а третий – хочет познать свою цельность. В бесконечно длинных дорогах он ищет самого себя!

Лицо старика показалось Жумашу знакомым, но где именно, он мог видеть его, трудно было вспомнить. Память, подобна кладовке, куда беспорядочно в спешке складывают вещи, и, как правило, не всегда удается в нужное время отыскать то, что требуется. В сознании настойчиво пульсирует желание соединить нитью прошлое и настоящее. Ты будто стоишь посередине глухой комнаты, достаешь из коробка спичку, проводишь ею по коричневой намазке – вспыхивает маленькое пламя, которое разгоняет сгустившийся вокруг тебя мрак, но не освещает дальние просторы комнаты. Тени, сжавшись, прячутся от света в углах, и, возможно, вещь, которую ты ищешь, убегает от тебя, как эта неуловимая материя, лишенная света. Однако ты с завидным упорством продолжаешь поиск, пока вдруг не обнаруживаешь, что в коробке осталось всего одна спичинка. Использовать ее зря, без результата - значит лишиться себя последнего шанса. Не раздумывая долго и втолкнув спичку обратно в коробку, ты выбираешься наружу. Сейчас важно сохранить возможность еще раз вернуться в хранилище памяти.

В благородном просветленном лице, в живом выразительном взгляде незнакомца было что-то знакомое, близкое, что роднило с образом мудрых аксакалов аула, истинных носителей лучших черт национального характера. Седобородые старцы – наши высокие вершины, мощные гранитные скалы, в которых отлиты наша историческая память и непреходящие ценности национального духа. Вечные наставники и строгие судьи, они

следят за нашими свершениями, предостерегают от опрометчивых шагов, дают мудрые советы, учат не подвергаться искушениям обманчивой легкой жизни с внешним блеском и внутренней пустотой, чтобы не превратиться в жалкого исполнителя подражаний, в простое орудие для достижения чужих интересов. Учат чувствовать и укреплять свою основу. Неизменность основы – оружие и доспехи, которые защищают каждого человека. А все, что стоит на мощном фундаменте, можно смело перестраивать, заново создавать, реконструировать без риска потерять структуру, стиль и - главное – суть!

Тепловоз, набрав максимальную скорость, мчал состав на север. Жумаш, сдвинув шторм, посмотрел в окно. Степной ландшафт за стеклом стремительно уносился прочь, словно убегая от ночной тьмы. До ближайшего населенного пункта оставалось еще полтора часа езды. Как предупредили, на этой железнодорожной станции в поезд обычно садится бригада ревизоров, поэтому Жумаш на всякий случай решил пройтись по вагону, чтобы избежать неприятностей. Ревизоры несговорчивы, могут придаться к любой мелочи, тем более что в крайнем купе старик вез громоздкий ящик. Трудно представить, как он втащил его через узкую дверь купе. Оказавшись перед купе, Жумаш остановился в нерешительности. Подождав немного, он постучал, однако не получил ответа. «Может, стук колес заглушает мои робкие удары в дверь?» - подумал он и постучал более настойчиво. Тишина внутри купе не нарушилась. Студент нажал на ручку, дверь легко поддалась.

- Дверь не заперта, сынок, проходи, - сказал старик, поднимаясь с постели. Приняв свою традиционную позу, он указал молодому человеку на место перед собой.

- Аксакал, подъезжаем к станции...

Старик недоуменно посмотрел на парня, он сейчас думал совершенно о другом. Жумаш стоял, переминаясь с ноги на ногу, не зная что еще сказать.

- Сынок, который час? – Аксакал прервал неловкую паузу.

- Без четверти двенадцать.

Сама атмосфера полутемного купе не располагала к служебно-формальным объяснениям. Седой старик и окутанный тайной сундук, казалось, совершенно не вязались с обыденной реальностью. Неловкое напряжение, которое испытывал юноша, связанное с необходимостью употребления слов «проверка», «ревизоры», само собой отпало. Все, что он видит здесь, конечно, происходит в нереальном мире, думал молодой человек. Старик долго разъезжает по стране, чтобы попасть на несуществующую станцию. А сундук? Что за таинственная вещь? Он вспомнил о серебряном сундуке казахов ханов, набитом древними рукописями, где были отражены все значительные события славной истории кочевников. Утерянный сундук – давнишняя мечта историков. Великие герои степи всюду возили с собой этот сакраментальный ящик. Он сопровождал их и в бою, вдохновляя на победы.

- Я сейчас выхожу, - донеслось до проводника. «Неужели он произнес эти слова, пронзившие слух?» - юноша с удивлением уставился на старика.

Поезд, не сбавляя скорости, катил по рельсам. С лица юноши не сходило выражение удивления. Он, широко распахнув глаза, смотрел на седого старца, не зная, верить или не верить услышанному и с надеждой в глазах все смотрел в лицо старика, ожидая подтверждения несуразности услышанных слов.

- Я прошел долгий путь! – Спокойно добавил старик, понимая, что его предыдущее сообщение прозвучало несколько резко и вызвало у молодого человека понятное чувство беспокойства. – Здесь я должен остановиться.

В сознании юноши никак не увязывалось: поезд, несущийся на большой скорости по безлюдной земле, беспомощный старик, утверждающий, что ему сейчас нужно непременно выйти.

Неожиданно поезд сбавил скорость и, проехав тихим ходом небольшое расстояние, остановился. Жумаш посмотрел в окно – за стеклом из-за темноты ничего невозможно было разглядеть.

Старик, набросив на себя чапан, не проронив ни слова, вышел из купе. Он направился к выходу. Жумаш, оправившись от легкого потрясения, вызванного неожиданной выходкой пассажира, побежал за ним. Однако старик уже успел дойти до выхода, распахнул дверь и взявшись руками за поручни, повис на подножке, готовясь сойти.

- Стойте. Это всего лишь техническая остановка. Сейчас поедет дальше.

Старик не слушал его, он, вытянув правую ногу, в темноте искал какую-то опору внизу, но, не дотянувшись до земли, все же решился ступить, очутившись на каменистой земле, пошатнулся и чуть не упал. Ощувив под ногами землю, не оглядываясь, шагнул в ночь.

Жумаш неожиданно вспомнил о сундуке и, еще надеясь удержать старика, во все горло крикнул:

- Аксакал, сундук, ваш сундук!

Старик не остановился. Ничего не сказав, он зашагал прочь от железнодорожного полотна. Жумаш смотрел вслед старику, пока его фигура не исчезла в темноте ночи.

Поезд тронулся. Постепенно набирая скорость и стуча колесами, состав устремился на север. Жумаш еще долго стоял на подножке, крепко сжав руками поручни и подставив лицо встречному ветру.

Он вернулся в купе и в тоскливом одиночестве просидел до самого города.

Купе – маленькое пространство, крохотный пяточок, где нередко бурно развивается действие жизни, которое по развитию событий и накалу страстей порой не уступает сценическому представлению. Так уж устроено в мире. Жизнь часто подсовывает нам сюрпризы – неожиданные встречи, знакомства. Полчаса назад ты не подозревал о существовании человека, который сидит перед тобой, рядом, а сейчас он, перелистывая страницы истории своей жизни, органично втягивает тебя в орбиту своей действительности. И что-то заставляет и тебя разомкнуть свои рубежи, и этот человек, который тебе едва знаком, приближается к тебе, к твоему дому, как старый знакомый, легко преодолевая свято оберегаемые участки твоей территории.

Дорога, как связующая нить, соединяет людей. Случайные знакомства неожиданно перерастают в нечто большее и проникают в твою жизнь, занимая в ней свое место.

Жумаш с грустью смотрел на осиротевший сундук, оставленный незнакомым человеком. Сундук без ключа.

* * *

Сегодня Жумаш засиделся допоздна. Голова студента, склоненная над книгами, словно шар, запертый в пространстве квадрата письменного стола. Однако он ни в одной книге не нашел ответа на свой вопрос. В маленькой библиотеке Жумаша имелись хорошие книги, словари и энциклопедии, но, к сожалению, почему-то составители обошли вниманием слово, интересующее его. Он со школьных лет сохранил любовь к чтению. В океане литературы пестрые страницы книг, словно волны, возникали перед глазами, увлекая его юношеское воображение в неизведанные дали. Иногда из ровного ряда предложений всплывало слово, тайну которого предстояло разгадать.

Юный читатель устремлялся за одиноким кораблем и не успокаивался, пока не достигал цели. Эта привычка крепко засела в нем. Поступив в институт, он завел тетрадку, куда аккуратно заносил новые слова, переписывал их значение. Жумаш готовился поступать на исторический факультет, но судьба распорядилась иначе: он оказался в одном из технических институтов, но знал, что в любом случае без знания языка не обойтись. В глубине души он еще надеялся, что ему удастся добиться серьезных результатов в

любимом занятии. Жумаш не мог понять, почему именно в нем родилась страсть к истории, стремление понять прошлое своего народа. Сердце юноши чувствовало, что история – наука прежде всего о будущем, а не о прошлом. Но знакомство с книгами, содержащими исторические сведения, особого удовлетворения ему не принесло. Он заметил, что авторы почему-то всегда недоговаривают, ограничивают себя определенными рамками, и самое главное, что привело его в ужас - историки подчинялись установленным правилам, и переступить черту, очерченную «авторитетами», «законодателями исторической науки», означало выставить себя в неприглядном свете.

Спервого года пребывания в городе он не упускал возможности посидеть в библиотеке с редкими книгами. Юноша, самостоятельно приступив к систематическому изучению истории своего народа, обнаружил интересную деталь: перед ним вырисовывалась классическая драма с элементами трагикомедии, в которой по всем законам драматургии присутствует извечный персонаж, строящий козни и прерывающий действие на самом интересном месте, своим обманом заставляющий героев блуждать по лабиринтам. Плут, водящий историка за нос!

Попытка Жумаша извлечь смысл из беспристрастных сочетаний букв не увенчалась успехом. Никакие словари, энциклопедии, оказавшиеся под рукой, не помогли расшифровать слово, его попросту не оказалось ни в одной справочной книге. Обычно по тексту можно было угадать смысл незнакомого слова. Девять знаков, соединенных между собой, оставались неприступными, затаив в себе некую загадку. Время перевалило далеко за полночь, а слово – замкнутое тело, - словно сундук с утерянным ключом, хранило молчание. Он побрел к своей «кровати».

* * *

В городе все говорили об одном, у всех на устах была кончина **Его**. В автобусах, кабинетах, очередях. Везде разговоры горожан сводились к главному событию двух последних дней.

Его смерть ввергла простых смертных в глубокое уныние.

- Если **Он** не избежал смерти, то кто из нас сумеет спастись от печальной участи, - заключали некоторые.

- Смерть уравниет нас всех! – утешали себя другие.

- От недуга смерти нет лекарства! – философствовали третьи.

Собравшись в узкий круг, политики горячо обсуждали возникшие проблемы в связи со смертью **Его**. Каждый считал своим долгом что-то сказать по поводу скорбного события. В тот день обменивались и такими репликами, как:

- Сыграть в ящик в такой ответственный момент...

- Вовремя ушел...

- Смерть все прикрывает!..

У всех на языке была неожиданная кончина **Его**. Все знали, что рано или поздно должно было случиться то, что случилось, но все равно происшедшее очень сильно взбудоражило сознание людей. Многие изъявили желание принять участие в траурном мероприятии. Горожане шли во дворец, где был выставлен гроб с телом покойного. Среди тех, кто стоял в длинной очереди, немало было тех, кто искренне переживал за случившееся и не скрывал слез, были и те, кто пришел просто из любопытства. Но большинство людей серьезно переживали, ими овладели беспокойство и тревога за будущее. Людская молва не стихала:

- Что будет, что произойдет после ухода **Его**? – задавали многие тревожный вопрос. Все-таки много жизненно важных моментов общества замыкалось на нем, а «**Он** отколол невообразимое в самое тяжелое время».

Но для основной массы важно было то, что нарушился серый порядок, один из обыденных дней превратился в необыденный, в жизни людей произошло какое-то событие, пусть даже связанное со смертью человека. Из серого потока движения времени всплыл день, который взбудоражил людей. Тех, кто изъявил желание проводить в последний путь **Его**, не удерживали на работе, с воодушевлением воспринимали инициативу работника принять участие в столь важном мероприятии. Сюда шли со многих предприятий, чтобы выразить свою скорбь. Были и такие, кто под предлогом посещения траурного митинга уходил с работы, чтобы заняться своими делами.

Простое человеческое любопытство привело сюда и Жумаша. Он, пряча голову в ворот пальто от пронизывающего утреннего холода, вместе с толпой медленно двигался к траурному зданию. Наконец, протиснувшись в дверь, он оказался в просторном зале, где звучала траурная мелодия. Он, не поднимая глаз, скользил по гладкому мраморному полу к большому помосту, на котором возвышался гроб. Только достигнув середины зала, огляделся по сторонам. На расставленных стульях рядом с гробом сидели родственники покойного.

Жумаш впервые видел этих людей, жизнь которых протекала в другом измерении, скрытом от глаз простых смертных. Теперь они сидели потерянные, беспомощные. Жена **Его** тихо всхлипывала. Жумаш, приблизившись к помосту, поднял глаза вверх. Он увидел **Его** руки, сложенные на груди, большую голову, седые волосы, аккуратно зачесанные назад. Его взгляд на мгновение задержался на большом мясистом носе покойника, вдруг ему показалось, что ноздри мертвеца слегка шевелятся, будто втягивая в легкие воздух. Страх овладел юношей, он испугался самого себя, допустив мысль, что покойник дышит. Отгоняя дурные мысли, студент поспешил к выходу, выбрался на улицу, но предположение, что в гробу лежит живой человек, не оставляло его. Жумаш не мог сразу уйти, как-то не принято было, когда люди переживали тяжелую утрату; с другой стороны, ему самому не хотелось выходить под мокрый снег. Он еще некоторое время постоял под навесом, подпираемым мраморными колоннами, потом зашагал прочь. Но не успел сделать и десяти шагов, как кто-то из стоящих перед входом здания окликнул его, подошел к нему и попрекнул, что стыдно уходить, не дождавшись конца похорон **Его**. Жумаш растерялся и густо покраснел. Не выдержав строгого взгляда человека с черной повязкой на руке, он виновато опустил глаза.

- Я не уйду, только за сигаретами хотел сходить, - неразборчиво пролепетал Жумаш.

Человек еще раз оглядел студента с головы до ног, как бы запоминая его, больше ничего не сказав, вернулся на свое место. Жумаш обрадовался что сообразил сказать насчет сигарет. Он еще долго простоял, ожидая окончания панихиды, и даже выкурил несколько сигарет, чтобы скоротать время.

Снег падал большими хлопьями. Жумаш порядком продрог, хотя на улице стало теплее. Через некоторое время гроб вынесли и установили на открытом катафалке. Крышку гроба предусмотрительно закрыли, чтобы снег не запорошил лицо и одежду покойника. Все расположились за машиной, зазвучала траурная мелодия, и похоронная процессия медленно двинулась с места. Жумаш тоже влился в людской строй и, увлекаемый толпой, зашагал рядом с теми, кто решил проводить покойного до самого последнего пункта его земной дороги.

Когда вышли на прямую улицу, ведущую на кладбище Жумаш заметил, что толпа заметно поредела. А он каким-то образом, теснимый людьми, оказался почти в первых рядах процессии и теперь шел чуть позади родственников умершего. Теперь уйти не представлялось возможным, он смирился с этой мыслью и продолжал путь вместе с теми, кто намеревался присутствовать при погребении покойника. Он шел и созерцал

интересную картину – у самого изголовья гроба расположился мулла. На его тучном теле сидела живая бойкая круглая голова, которую венчала остроконечная чалма, совершенно не свойственная традиционным формам головных уборов мусульманских священнослужителей и напоминавшая шутовской колпак. Видимо, особая конструкция чалмы подчеркивала ее исключительные свойства – умение лучше всех наладить связь с небесными силами, а может эта оригинальная конструкция головного убора говорит о другом: жизнь – всего лишь представление, театр, где каждый исполняет свою роль! Основательно выбритое лицо почтенного правоверного ничего не выражало, его взгляд спокойно скользил по отполированной поверхности ящика. Видимо, гроб – атрибутика христианского мира – нисколько не смущал его. Аллах принимает душу усопшего, а не ящик и брэнное тело, запакованное в эту деревянную коробку.

Мулла перебирал четки, ощупывая каждое зернышко, лишь изредка отрывался от привычного занятия, чтобы отряхнуть запорошенный снегом чапан. Наконец-то издали показался высокий решетчатый забор кладбища. Люди, утомленные неблизкой дорогой, оживились. Устремленные вверх железные полумесяцы – символ вечного стремления человека к неземному, с другой стороны – небесный знак, возвышающийся над каждым могильным холмом, призывает живых к сдержанности и терпению.

Похоронная процессия наконец прибыла к месту, где рядом с останками предков найдет последнее пристанище брэнное тело **Его**. Катафалк, близко подъехав к могиле, остановился. Мужчины, обступив со всех сторон машину, стали снимать гроб, женщины, горестно всхлипывая, сгрудились у холмика, выросшего рядом с мрачным могильным рвом. Несколько мужчин, осторожно подняв гроб, установили его на специальную подставку. Мулла подошел к черному ящику, прошептал короткую молитву, потом, подзвав из толпы двоих, велел им снять крышку гроба. Женщины запричитали, перед тем как увидеть лицо покойного. Двое с черными повязками, взявшись за два конца крышки, медленно подняли ее. И тут всех собравшихся объял ужас. Люди, потрясенные увиденным, обомлели от страха и отпрянули назад. Трудно было предположить, что творилось в душе у каждого. Никому никогда не доводилось видеть подобное. Люди испуганно смотрели то на роковой ящик, то на муллу, тревожными глазами заглядывали в лицо друг другу, чтобы найти подтверждение увиденному, что ужасная картина – не плод большого воображения одного человека, а представшая перед всеми горькая реальность. И теперь толпа множеством глаз встревоженно уставилась на черный ящик.

Гроб был пуст.

Люди, потрясенные и озадаченные, стояли рядом со свежерытой могилой и гробом, из которого исчез покойник. До сих пор никто не смел произнести ни слова, но постепенно люди, оправившись от шокового потрясения, начали тихо перешептываться. Страх стал сменяться просто любопытством, и толпа начала подбираться к ящику. Каждый, по нескольку раз обшарив глазами дно деревянной коробки и огорченно качая головой, отступал назад. Толпа, томимая неизвестностью, множеством глаз сосредоточенно смотрела в сторону муллы, как музыканты оркестра ждут взмаха дирижерской палочки.

Мулла по-прежнему стоял у изголовья осиротевшего длинного черного ящика и отрешенным взглядом глядел на его дно, покрытое тонким слоем снега. Взволнованная толпа жадно смотрела на муллу, будто тот обладал магией и мог вернуть покойника на место, уложить в злополучный гроб. Все ждали, что он изречет, какой вердикт вынесет по поводу случившегося. Для участников траура старик в белой чалме являл собой воплощение неких сил, язык которых был понятен одному ему и недоступен простым смертным.

Мулла, в практике которого ничего подобного никогда не случилось, молчал, не зная, что сказать людям, обступившим его со всех сторон. От него ждали слова, которое наполнило бы роковую пустоту черного ящика, жуткую пустоту вырытой могилы, утешило бы растерянных людей. Он поднял указательный палец над собой, подавая знак, что хочет говорить. Все, стоявшие вокруг него, устремили взгляд вверх. Медленно падали невесомые белые пушинки снега, пороша запрокинутые к небу лица. Люди, на мгновение забыв о несчастье, собравшем их здесь, зачарованно смотрели на огромное количество белого пуха, сыплющегося с небес. Жумаш, открыв рот, старался поймать хрупкую снежинку, чтобы попробовать на вкус морозные хлопья, на которые сегодня так расщедрилась природа.

Голос муллы нарушил воцарившуюся на кладбище тишину:

- На все воля Всевышнего... - священнослужитель призвал людей к суровой действительности. Люди встрепенулись и, устыдившись, что поддались соблазну природы и забыли о скорбном деле, понуро опустили головы вниз.

- Душа и тело усопшего, - продолжал старик, усиливая голос, - вознеслись на небо!

Старик прошептал молитву и провел по лицу тыльной стороной руки. Все непроизвольно повторили магический жест муллы.

- Так угодно Богу. Все во власти Бога, - он повторял весомые формулы.

Люди закивали головами, не смея усомниться в правоте слов священнослужителя. Никто не посмел выразить вслух свои сомнения, хотя в душе, может быть, не соглашались с заключением подозрительного старика в чалме, с аккуратно выбритым лицом, которое мало походило на лицо служителя мечети. Однако никто не собирался оспаривать истинность слов распорядителя траурного церемониала. Каждый из присутствовавших здесь сознавал ответственность момента. В самом деле, трудно даже в мыслях представить, что покойник бежал сам.

Разумеется, все с тревожным нетерпением ждали конца похорон, в котором, как говорится, и смех и грех, отсутствовало главное лицо – покойник. Каждый в мыслях прикидывал, как выйти из деликатной ситуации, но сколько бы ни размышлял, не представлял, как сложится дальнейшая судьба пустого ящика, вселившего ужас своим видом. Теперь толпа открыто смотрела на муллу, ожидая развязки. Старику, хотя и венчала его голову солидная чалма, приходилось нелегко. Он полупшепотом произносил молитву, давая себе время обдумать ситуацию. После многократного чтения молитвы муллы, оглядев стоящих вокруг людей, изрек:

- О братья, велика воля Всевышнего. Мы вырыли яму, чтобы тело славного человека нашло в нем приют, но бог взял Его к себе.. Могилу оставить пустой – плохая примета... В эту могилу мы не можем положить пустой ящик, мы навлечем гнев небесных сил. Мы лишимся покоя. Горе постигнет нас, как только совершим страшный грех.

Толпа в страхе отпрянула назад, но слова муллы, словно стрелы, стремительно достигали слуха людей, наполняя тревогой их души.

- Запомните, ярость смерти слепа, - продолжал он, обретая уверенность в голосе, - мы навлечем несчастье на наши головы, если не выполним волю небесных сил. Он провел рукой по лицу. Люди закрыли лица ладонями, как бы прячась от страшных слов муллы, потом беспомощно опустили руки, смиряясь с неизбежностью его приговора. Кто успел вникнуть в суть слов муллы, быстро исчезал, ища спасения за спиной тех, кто еще не успел понять скрытый смысл сказанного. Толпа засуетилась, отпрянула назад. Жумаш только теперь заметил, что остался один, и намеревался было исправить свою оплошность, как его задержал строгий взгляд муллы.

- О люди, небесные силы требуют... - старик сверлил глазами юношу, будто его слова касались Жумаша одного.

- Аксакал, - дрожащим голосом произнес Жумаш, - по-вашему, кто-то живьем должен лечь в могилу?!

Юноша вдруг испугался своей резкости. «Боже, что я позволил себе, - ругал он себя в мыслях. - К чему эта смелость? Зачем я первый заговорил?». Он, не выдержав пронизывающего взгляда старика, извиняюще улыбнулся и испуганными глазами огляделся по сторонам. Люди стояли на расстоянии нескольких шагов, но казалось, что между ними лежит пропасть. Жумаш понял, что попал впросак. Сердце его предательски вздрогнуло. Ему вдруг почудилось, что он начинает бояться человека, застывшего, словно статуя, у изголовья гроба и который с помощью невидимых сил приближается к свершению своего злого умысла. Юноша пытался скрыть свой страх, но глаза выдавали его смятенное состояние души. Кровь стучала у него в висках, и в какой-то момент ему показалось, что он теряет власть над собой, оказавшись в роли приговоренного человека, которому остались считанные минуты, и нет смысла надеяться на чью-то милость, на неожиданное чудо. «Не удастся мне вырваться отсюда», - с грустью подумал он.

«Что происходит со мной? Почему в моих глазах страх, мольба! Почему я должен рассчитывать на чью-то милость!» - негодовал он.

В голове Жумаша вдруг мелькнула мысль: «Бежать... Скорее убраться отсюда!» Он попытался сдвинуть ноги, но они предательски не подчинялись, какая-то свинцовая тяжесть приковала их к земле, к этому проклятому месту и не отпускала. Он почувствовал, что силы покинули его, страх парализовал его волю.

«Ну, к чему всюду высовываешься, как шило из мешка. Кто тянул тебя за язык?!» - нещадно упрекал он себя.

В следующее мгновение он увидел, как толпа оживилась и двинулась к нему, сомкнувшись в круг, подошла вплотную.

Жумаш не мог разобраться, что это: сон или явь? Он увидел существ, у которых тела были, как у людей, а вместо лиц – собачьи морды. Они осторожно подбираются к нему, выжидают удобный момент, чтобы прыгнуть и разорвать жертву на куски. Он так и не мог понять, кто эти существа, обступившие его со всех сторон - люди или собаки? Он видел то лица стариков, то морды собак. Все перемешалось в его сознании: злые глаза – человеческие, собачье – невозможно понять. «Что я сделал им, что они хотят от меня?» – недоумевал он. Старики всегда вызывали в нем добрые чувства, от них всегда исходило тепло.

Нет, эти старики, потерявшие человеческий облик, никак не вязались в его голове с образом мудрых и добрых аксакалов аула, в общении с которыми он впитывал лучшие качества своего народа. Они не достойны называться аксакалами («белобородыми»). Борода всегда символизировала благочестивость, моральную чистоту и высокую порядочность человека. Может, под личиной скрыто истинное лицо безбородого дьявола – кесе.

Жумаш вспомнил охоту, описанную в одной книге. Этот эпизод хорошо сохранился в его памяти и часто навязчиво возникал в сознании. Мирно пасущиеся овцебыки, увидев охотников и собак, смыкались в тесное кольцо. Каждое взрослое животное, выставив рога, готовилось встретить врага. Какой-то внутренний механизм заставлял их думать прежде всего о спасении потомства, которое не могло убежать от нависшей опасности. Неокрепший молодняк сбивался в кучу и наблюдал за единоборством родителей и охотников, вооруженных огнестрельным оружием.

Взрослые овцебыки стояли насмерть во имя спасения своих несмышленных детенышей, спрятавшихся за надежным живым кольцом. Животные инстинктивно сознавали, что, если они сохранят свое потомство, то выполняют свое предназначение на земле.

Жумаш растерянно улыбался и злился на себя, что попал в глупое положение, очутившись на похоронах человека, не имевшего к нему никакого отношения. Одним словом, случай сыграл с ним роковую шутку. Сейчас двое здоровенных парней, беспрекословно выполняя бесчеловечные приказания муллы, схватят и потащат его к гробу.

Эти ребята, прошедшие отменную школу, умеют быстро приводить в исполнение любое повеление, исходящее сверху. Жумаш сознавал, что будет не в состоянии увернуться от цепких рук крепких парней, не в силах оказать какое-либо сопротивление. Призрачная надежда на спасение все больше и больше улетучивалась. Он уже не сомневался в реальности надвигающейся трагедии. Казалось, сейчас колени согнутся, и он без чувств рухнет на землю. Он перестал различать, что творилось, все поплыло перед глазами, теряя свои очертания. Он потерял равновесие, но чьи-то руки, подхватив его, куда-то понесли и уложили. Кто-то заботливо сложил его руки на груди. Лишь маленький лучик брезжил в сознании, он не в полной мере осознавал, что происходило с ним и вокруг. Ему казалось, люди, которые накрывают плотной крышкой основание гроба, старательно укутывают его в одеяло. Он забылся, ему вдруг стало хорошо, по телу распространилось приятное тепло. Неожиданно сознание вырвалось из полузабытья, когда застучали молотки, вгоняя гвозди в древесину. Внутри сработал механизм, который пробуждает человека в самый критический момент. Жумаш истошно закричал, упершись руками в крышку гроба, он напряг силы, чтобы вытолкнуть ее, однако она, сбитая крепкими гвоздями, не поддавалась. Он кричал, кричал во все горло, кричал сколько есть сил, но крик, исторгнутый из груди, не находя выхода из тесного пространства ящика, оглушал его. Юноша до боли, до крови царапал крышку гроба, плотно подогнанную к основанию. Ящик смерти, сработанный на славу, не пропускал не единого лучика. Он лежал в гробовом мраке, не имея возможности ни подняться, ни перевернуться, словно придавленный тяжелым камнем. Он, задыхаясь, судорожно хватал ртом воздух. Вдруг гроб взмыл вверх и легко поплыл по воздуху. Жумаш почувствовал облегчение, прекратил колотить крышку ногой и истошно кричать, надеясь, что люди на этом закончили испытывать его нервы. В душе снова забрезжил свет надежды. Но вдруг ящик скользнул вниз и стукнулся о дно роковой ямы. Он понял, что это могильная бездна.

- А-а-а-а-а-а!.. – Пронзительный крик вырвался из его груди. В ответ раздался дробный стук – комья земли барабанили по крышке гроба. Люди, набрав в горсть сырой земли из свежей кучи, засыпали могилу, воздавая последнюю дань тому, кто лежал в ней. Люди с облегчением в душе подходили к краю могилы и разжимали руки над зловещим ящиком, чтобы как можно скорее усеять его землей. Молодые парни, не дожидаясь, пока каждый бросит горсть земли в могилу, взяли за лопаты.

Несчастный неожиданно умолк, больше не в силах издать ни звука, казалось, огромная масса земли и глины обрушилась на него и сдавила грудь. Только теперь он почувствовал ледяной холод могилы, его охватила дрожь, все тело затряслось, его бросало то в жар, то в холод. Сознание медленно покидало его. Казалось, какая-то трясина втягивает его и не за что ухватиться, чтобы удержаться на поверхности, липкая масса глотала его, он больше не сопротивлялся. Он впал в забытие.

Через некоторое время сознание вернулось к нему. Он, надеясь вырваться из тесноты, дернул головой и почувствовал боль от удара. Правой рукой сверху он нащупал

что-то плоское, нависшее над ним. Теперь он полностью осознал, что зажат в тиски. Вдруг грудь его стала сжиматься, и казалось, сердце, не выдержав, выскочит наружу. «Эта крошечная тьма – конец, смерть», - страшная мысль прокатилась в его сознании.

Вдруг откуда-то из глубины всплыл образ таинственного старика. Лицо, лицо, где он видел это лицо? Разглядеть человека мешает полумрак тамбура. Он хочет поднести к нему руку с зажженной спичкой, но старик поворачивается к нему спиной, спускается по лестнице вниз и уходит в ночную степь. Неожиданно сзади раздается гнусавый голос муллы. Все его тело передернулось от неприязни. Он увидел его сверлящие глаза. Не выдержав, отвернулся. Рядом оказался чей-то мясистый нос, подняв глаза, удивился – перед ним стоял **Он**. На **Его** лице застыла зловещая улыбка. Вдруг **Он** разразился адским смехом. Жумаш, не выдержав, побежал, на ходу открывая двери вагонов.

- Ох-хо-хо-хох-ху, о-ох-ох-ох-хох-ху! – Преследовал **Его** зловещий смех. Наткнувшись на запертую дверь, юноша стал лихорадочно искать ключи, но в карманах ничего не нашел. Неожиданно дверь распахнулась, и в проеме появились двое с черными повязками. Он, увидев знакомые лица, снова побежал назад. В голове было одно – избавиться от преследователей. Он все бежал, пока грохот колес не заглушил оглушительный хохот **Его**. Обычно неожиданное пробуждение спасает от опасности, избавляя от угрозы преследователя. Чудовище вот-вот должно было настичь жертву. Чувствуя затылком его холодное дыхание, собрав последние силы, отрывается от него. И вдруг спотыкаешься и падаешь. «Все кончено, ничто не спасет тебя», - охватывает тебя отчаяние. И тут срабатывает удивительный механизм человеческого сознания, и ты вовремя успеваешь выскользнуть из опасной полосы. Неожиданно все кошмарные действия остаются за той невидимой чертой, разделяющей сон и явь.

Однако для Жумаша спасительное пробуждение не наступало. Он бежал, бежал, впереди снова раздался смех **Его**. Он остановился, не зная, куда деться, потом забежал в ближайшее купе. Отдышавшись, увидел перед собой сундук, тот сундук, на котором обычно спал. «Где ключ? Надо залезть в этот ящик, спрятаться от всех кошмаров! Боже, где ключ? Может, все сон, долгий сон, ночи в это время года держатся долго», - успокаивал он себя. Постепенно в душе воцарялось спокойствие.

Временами ему казалось, что он безмятежно спит в прекрасном саду, забравшись в спальный мешок. Утро – милая девушка, рассеяв мрак ночи, утверждало свои порядки. Ее легкое движение пробуждало птиц, оживляло все вокруг: цветы, деревья. Ее молодое тело распространяло необыкновенно чудесный благоухающий запах, от которого приятно кружилась голова. Он не открывал глаза, боясь, что Утро, устыдившись наготы своего тела, убежит из сада. Молодая девушка еще не успела прикрыть свое тело, нарядиться в платье, сшитое золотистыми солнечными нитками из ткани цветов и листьев. Откуда-то прилетела муха и назойливо закружилась над его лицом, садясь то на нос, то на глаза. Муха будто специально искушала его открыть глаза. Ведь он никогда не видел нагое женское тело! Он оказывал сопротивление мухе, мотая головой, двигая веками, морща нос. Муха изводила его, а руки, как у запеленатого ребенка, невозможно было вытащить, они покоились в спальном мешке. Муха успешно атаковала, пользуясь своим превосходством, и, вконец доняв его, победоносно воцарилась на кончике носа. И тут он резко выпустил изо рта мощную струю воздуха и сшиб муху. Она больше не появилась, вокруг стало тихо.

Он открыл глаза и увидел потолок своей комнаты. Нет, оказывается, никакого сада, мухи. Все привиделось. Он лежит на своем сундуке и напрягает память, чтобы извлечь из пережитого какое-либо интересное событие. Ему ничего не удается припомнить – в голове

вертится слово, вернее, сидит внутри и, словно червь, точит его мозг. Боль, причиняемая словом, занимает все мысли. Он прячется под одеялом, чтобы избавиться от неприятных ощущений в голове. А слово, как зубная боль, от которой никуда не убежишь, сводит на нет все его усилия. Невозможно отмахнуться от него. Слово – недуг, проникший в мозг. И есть только один способ исцеления – разрезать мозг, чтобы достать навязчивое слово.

Жуткая реальность вновь вернулась к нему. Он ощупал гроб изнутри и с содроганием удостоверился, что по-прежнему заточен. Его обдуло ледяным холодом. Он отчаянно заметался в тесном пространстве рокового ящика. Задыхался от гнева и обиды, задыхался от нехватки воздуха. Чувствовал, что конец близок, и надеялся, что смерть вскоре избавит его от всех страданий и невыносимой тесноты.

«О боже, где родные? Отец, мать, братья, сестры? Им невдомек, что близкий человек умирает. Они не услышат его предсмертный хрип...» Он ощутил безмерную тоску. Тоску одиночества, тоску заброшенности. Он почувствовал глухую боль в сердце.

Перед ним лежало огромное поле, усеянное трупами людей. Голод-стервятник парил над степью. Минуты... Секунды... блуждали в темноте. А караван Времени уходил через степные барханы. Песок, словно вода, быстро заполнял следы.

Знакомая фигура обладала необыкновенной силой притяжения. Она возникла на фоне темнеющего неба. И теперь у него в голове было одно – во что бы то ни стало подняться и идти за стариком. Идти до наступления утра, восхода солнца.

Он шел по ночной степи. Вокруг ни единой души, кроме старика, идущего на некотором расстоянии впереди. Одинокий свет, то загораясь, то угасая, звал их к себе. Старик и юноша шли к слабо светившему огню, словно к двери, через которую можно выбраться из ночи.

Ночное небо бурлило. Огромные облака волной накатывали на луну – одинокое судно, попавшее в шторм. Судно то исчезало, то появлялось, борясь со стихией. Ему пока удавалось удержаться на поверхности разбушевавшегося неба – моря.

Широкая степь раскинулась впереди. Вдали возвышается огромная стена – это горы-гиганты вздымают свои вершины к небу. В громадном каменистом массиве выдолблено отверстие, через него пробивается слабый свет. Неожиданно в сознание юноши врывается мысль: «Там спасение, если удастся пробраться через туннель, мир тьмы и кошмаров останется позади!» Вот впереди мелькнул знакомый силуэт. «Значит, и старик направляется к спасительному выходу», – юноша лихорадочно рванулся вперед, ускоряя шаги. Но неожиданно горы растворились в ночном тумане.

Юноша шел по степи, охваченной ночной тьмой. Он едва поспевал за стариком. Ночь то поглощала, то извергала из своей глубины фигуру старика.

Темнота угнетала юношу. Больше всего он боялся наступить на тело покойника. Он в нерешительности останавливался, отступал назад, как бы предупреждая опрометчивый шаг. Кромешная тьма разорвала связь с человеком, идущим впереди. Он ждал появления луны, чтобы при свете найти старика и продолжить путь. Луна будто канула в пучину. Вокруг образовалась беспросветная пустота. Рука юноши потянулась к карману брюк, где лежал спичечный коробок. Достав последнюю спичинку, он, чиркнув по коробку, извлек огонь, чтобы ощутить величие и силу той стихии, без которой немислима жизнь.

Свет, вспыхнув, потух, обливав огненным языком его пальцы. Зримый мир исчез.

Разве он не вернется? И его долгая дорога никогда не озарится лучами света?!..

- О боже, не лиши света!..

1987 г.

Ана Кастийо

Ана Кастийо известна в Америке как автор коротких рассказов, она имеет большую импательскую аудиторию. Ее работы переведены на многие языки мира. В настоящее время пишет статьи и рассказы для всемирно известных изданий «Los Angeles Times» и «Salon». В мае прошлого года она посетила Алматы, Шараз и Шымкент с программой презентаций, дискуссий и круглых столов по вопросам прав женщин, литературы, самовыражения различных этнических групп в США. Писательница встречалась с подростками, журналистами, студентами, преподавателями, исследователями, лидерами НПО и молодыми писателями и поэтами Казахстана.

Вспоминая Лас Картонерас

В последний год двадцатого столетия казалось, что во всех уголках мира люди строят планы выехать в такое место, которое было бы для них значимым – место, где они могли бы ощутить себя жителями этой планеты, и которое бы обострило восприятие, и заставило бы вспомнить, что значит *быть живым* – и больше уже никогда не терять это потрясающее ощущение *радости жизни*, в которой они становятся свидетелями наступления третьего тысячелетия. Выбор такого места, куда бы они специально поехали, чтобы проводить уходящий век, зависел от того, насколько философичен их взгляд на жизнь, от их воображения, и их чековой книжки - от которой зависело, будет ли это кемпинг на Галапагосах (до возможного похолодания), или поиски родины предков в Галиции или Дублине. Холодная война была уже позади, и это, конечно, было еще до событий 9/11. На протяжении 90-х годов страна купалась в волнах экономического благополучия и мира. Казалось, в новом столетии, нации невозможно было пожелать чего-либо большего, чем сохранения того, что она уже имела.

Моя тетушка Флора – мать пятерых детей, бабушка восемнадцати внуков и прабабушка девяти правнуков, которая ни разу не отдыхала за более чем двадцать лет, и даже никогда не летала на самолете – не была исключением из таких людей. В начале нового столетия она забронировала пару билетов, ни с кем не обсуждая свои планы (за исключением ее покойного мужа и моих родителей, которые теперь были ее духовниками, как она говорила), схватила своего младшего внука (того, который жил поблизости, фактически, в квартире этажом выше), и, опираясь на палку, которая уже семь лет служила ей ходунками, с трудом поднялась на своих артритных ногах на борт самолета, вылетающего прямым рейсом в Мехико Сити - *Эль Де Эф*.

Тетя Флора, единственная сестра моей мамы – покинула Мехико Сити, в котором она родилась, в возрасте семнадцати лет. Она отправилась по тому же маршруту, который проделала моя мать до нее, то есть, остановилась ненадолго в Нуево Ларедо, куда переехали их дедушка с бабушкой, пока моя мама не вызвала ее в Чикаго. Потом она переехала на север как молодая невестка со своим мужем – мексиканцем из Техаса и маленькими детьми на буксире, и уже там осталась на всю оставшуюся жизнь. Чикаго

для нее был идеальным городом. Он стал ее «Парижем», как она стала говорить по мере того, как уходили годы – с его чистым Гранд Парком и цветным Букингемским фонтаном, «Великолепной милей» (где женщина с ограниченным достатком могла любоваться витринами, даже если не могла позволить себе войти в магазины, чтобы что-то купить), его оживленными летними ярмарками, и снежными зимами.

Ее новый муж получил работу на фабрике, и как только все дети начали ходить в школу, она нанялась белошвейкой в одну фирму по изготовлению обивочных тканей. «До этого я никогда не шила на швейной машине», рассказывала она мне тогда, «но когда хозяин фирмы спросил меня, умею ли я шить на швейной машине, я, разумеется, сказала, что умею. И ему не пришлось пожалеть о том, что он нанял меня, я его ни разу не подвела. Мне было хорошо все те годы, которые я проработала на этой фирме. Мне нравились мои напарницы-белошвейки, и мне даже нравился наш прижимистый хозяин!» Моя тетя не использовала слово «нравиться». Она говорила “*encantada*”, что в переводе на английский язык означало «быть в восторге», и что не могло соответствовать тому, что она испытывала, работая по восемь часов в день, и нажимая одной и той же ногой на педаль промышленной швейной машины Singer, с уколотыми до онемения пальцами, и все более негнушимися запястьями по мере уходящих лет жизни, в которые она честно отработывала каждую минуту рабочего дня.

Такова была моя тетушка Флора, которая «испытывала восторг».

На самом деле, вся ее жизнь была лишена каких-либо привилегий – она почти не знала свою мать, которая умерла, когда она была совсем маленькой. Ее отец едва сводил концы с концами, зарабатывая на жизнь продажей подержанных книг на улицах, чем невозможно было прокормить своих детей. Она провела свое отрочество как живущая в доме хозяев прислуга в Мехико Сити.

И тем не менее, в ней было что-то, что как притягивающий аромат, который, как гласит реклама, окутывает женщину обворожительным шлейфом, что придавало ей особый класс, стиль, некий всплеск цвета алого заката на ее абсолютно серой палитре жизни. Это были не шик, не изысканные украшения, или экстравагантные вечеринки – это был ее безукоризненный вкус. Он проявлялся в деталях, что я заметила будучи еще ребенком, когда проводила с ней и другими детьми канун Нового Года. (Где был ее муж – или где были мои собственные родители в тот момент – я никогда не знала. Но уж, конечно, не с нами, а, скорее всего, гуляли на какой-нибудь вечеринке, или танцах, отмечая праздник с его, или ее друзьями).

Моя тетушка Флора накрывала официальный обед для нас, детишек – для меня и моих пятерых кузенов и кузин, разложив на столе столовое серебро, как если бы мы были взрослыми и важными персонами. Она подавала каждому из нас по роскошному куску мяса. Двенадцать фиолетовых виноградин ожидали каждого из нас в маленьких чашах до боя часов ровно в полночь, когда каждая виноградина, проглоченная нами, означала загаданное желание. Мы пили свой напиток Tang, или молоко из ее самых лучших бокалов. У нас не было нового нижнего белья красного цвета для удачи, но она давала нам воздушные шары красного и желтого цвета и булавки, чтобы надувать шары и потом, как только наступала полночь, прокалывать. Пустой *чемодан* у порога – мы по очереди выходили, чтобы вернуться с ним, чтобы в новом году обеспечить себе путешествие – и это мы, дети родителей, у которых не было автомобилей, которые никогда не ездили куда-либо в отпуск, и которые даже не могли себе позволить воскресные поездки за город. Но именно так, по ее мнению, должен начинаться год – когда на столе выставляется все самое лучшее, и когда загадываются самые лучшие пожелания на каждый месяц нового года. Паф, паф, паф, чмок, чмок, чмок.

На обеденном столе, на котором она подавала для нас роскошный обед с вышитыми салфетками в своей крошечной квартирке, которую она арендовала в столетнем старом кирпичном многоквартирном доме, который (за исключением туалетов с деревянными баками, и висячими цепями, замененными на кнопки для слива; периодически сменяемом линолеуме на полу, и автоматическим газовым обогревателем, сменившим старый обогреватель, который обогревал гостиную всю зиму, и который летом накрывался салфеточкой, на которую ставился вазон), вряд ли когда-либо ремонтировался, и, тем более, реконструировался.

Но самым кайфом были шляпка и перчатки, которые одевались в церковь в 60-х годах во времена Джеки Кеннеди, элегантные босоножки на невысоких каблуках, и коктейли Маргарита, которые она делала и подавала в бокалах для мартини, а также, если она позволяла Вам услышать его, ее высокий певучий голос.

Одна из моих самых любимых историй про мою тетушку Флору, которая мне не просто тетя, но и мой сердечный друг (имея в виду наши разговоры «между нами, девочками» за обеденным столом, когда мы закатывались от хохота) произошла в 70-е годы, когда ей было сорок с чем-то лет. Это отличный пример ее романтической и страстной натуры.

Моя мама и тетушка Флора имели разных отцов, поскольку ее мать вышла повторно замуж после того, как стала вдовой. Отец моей мамы, судя по его фотографиям, был в основном *indio* [индейских кровей]. Они оба были из одного штата Гуанохуато (Guanajuato), который находился внутри страны. Отец моей тетушки Флоры, кажется, приехал из города-порта Вера Круз, куда корабли в какие-то давние времена завезли рабов из Африки. Вера Круз пропитана карибской культурой – маримбой и жареными бананами; карибскими людьми – высокими мулатами; теплым бризом, дующим с карибских пляжей, когда-то покрытых пальмами, а теперь залитых нефтяными разливами.

Тетушка Флора унаследовала от своего отца курчавые волосы (которые она всегда коротко стригла, что подчеркивало ее красивое лицо с огромными золотыми серьгами – кольцами, которые она всегда так любила). Она убеждена, что свою любовь к музыке она унаследовала тоже от него, отца, которого она едва знала; который, как она думала, хотя на то не было каких-либо оснований, приплыл в Мехико на лодке с Кубы - как молодой матрос, или как безбилетный пассажир, ну какая разница? До Кубинской революции, когда тетушка Флора подростком проработала всю свою юность на кухне в частном особняке, она слушала песни Бени Море, Качао Лопеса и Мигеля Матамороса – которые перенесли свои *сонес*, *болерос* и *мамбос* из этой страны в Мехико. Она была девочкой, которая мечтала как все юные девушки, и то, о чем она начала мечтать, было островом, где воздух был напоен жасмином, и где молодые люди проводили вечера, потягивая из кокоса ромовый напиток, и ели сладости из гуавы; далекой страны, окруженной солеными водами, с которыми, как она верила, у нее была какая-то связь.

Но она так и не смогла побывать в Гаване. Она так и не станцевала при свете Кубинской луны под звуки «Lagrimas Negras». Ей так и не пришлось облачить свое от природы медно-смуглое тело в купальник, чтобы поваляться на пляже – во всяком случае, не в Гаване. В Вера Круз, и даже в Чикаго, моя мать и она часто вывозили всех нас детишек на Пляж 12^н улицы в летнее время. Но ни одна из них не заходила в воду, чтобы искупаться, они следили за нами с песчаного берега с золотистыми *такос*, завернутыми в вощёную бумагу, сваренными вкрутую яйцами, и напитком «Kool-Aid» в большом термосе, нашим походным завтраком для дальних поездок. Слишком много ребятишек, наверное, думали они, чтобы забираться в переполненные автобусы. (Или любой другой повод сэкономить доллар, возможно, был девизом моей матери).

Когда она достаточно повзрослела, чтобы покинуть кухню, в которой она проработала так много лет, юная Флора отправилась в Нуево Ларедо к своим бабушке с бабушкой. Там она вскоре вышла замуж за солдата, и родила двоих детей, и стала вдовой, когда ей еще не исполнилось двадцать лет. После повторного замужества она осела в Чикаго. Хотя моя тетушка научилась готовить многочисленные деликатесы мексиканской кухни, она всегда была рада пополнить свое меню любимыми блюдами своего мужа, который был выходцем с севера страны: мучные тортилас, фасоль пинто, жареный картофель с яйцами, и, разумеется, много красного мяса. Моя тетушка не была из тех женщин, которые любят спорить, поэтому она делала все, чтобы ее муж был доволен.

Но больше всего на свете она любила танцевать, а он это не любил. К сожалению, ее муж в ковбойских ботинках ни разу не пригласил ее даже на медленный танец, чтобы порадовать свою женушку. В 70-х, ей очень нравилось слушать мелодии страстной сальсы, которые просачивались из Нью-Йорка, и которые она слушала по радио, или по телевизору, который она держала на кухне, чтобы не пропустить ни одну популярную *теленовелас*.

Однажды терпение ее мужа уже лопнуло от ее вечных грез по хулиганистому актеру Андресу Гарсиа, снимавшемуся во всех испанских мыльных операх. По дороге к двери во внутренний двор ее муж успел не только высказать все, что он об этом думает, но и нанес сокрушительный удар по телевизору. Из кинескопа посыпались искры. Моя тетушка Флора стояла у плиты, онемев от этой сцены. Ее муж посмотрел на нее торжествующе и вышел, хлопнув дверью. Однако, когда он спустился вниз и вышел наружу, если бы не свист моей тетушки, он бы не успел вернуться от сломанного телевизора, который она выкинула из окна второго этажа, и который летел прямо ему на голову.

Но не эту историю я хотела бы рассказать о своей тетушке Флоре, хотя это тоже классная история. Мы были с ней подругами, наперсницами, как я уже говорила, с ее стороны это было так, как обычно происходит с замужними женщинами с детьми, которые заводят друзей на кухне, за приготовлением пищи, быстро переговариваясь по телефону, когда предоставлялся случай оторваться от домашней рутины, на домашних собраниях, когда уши посторонних не были слишком близко, чтобы услышать конфиденциальные анекдоты. Моя тетушка была семейной женщиной, а я – независимой одиночкой, представительницей нового поколения, символом надежды. После того, как я вышла замуж и родила сына, мы уехали из Чикаго. Прошло еще десять лет, уже после моего возвращения, когда она вновь поделилась со мной историями о своих приключениях.

Последняя такая история, которую я услышала перед отъездом из Чикаго, была связана с супер исполнительницей песен *сальсера*, Селией Круз. Это произошло до того, как она стала разъезжать по всему миру, до появления огромных розово-платиновых крыльев, которые делали ее пародией на саму себя (хотя она и продолжала выпускать хиты), до ее деклараций в духе партии правого крыла. *Ля женте (народ)* был готов последовать в любой зал, где она пела, чтобы танцевать до потери сознания под ее песни, которые она исполняла так, как не мог исполнить никто другой, в сопровождении оркестра королей *сальсеро*. По крайней мере, таковы были мои ощущения, как я помню, когда я была на таком концерте в Сан Франциско в 1978 году.

История моей тетушки о Селии Круз относится к другому периоду, когда она переживала лучшую пору своей жизни со своим мужем, которого, как она клялась после его смерти, она страстно любила всю их совместную жизнь. Всю ту неделю по радио шла реклама предстоящего концерта Селии Круз, который должен был состояться в субботу в знаменитом зале Арагон в Чикаго. Зал Арагон находился в противоположной части города от *касита* (домика) моей тетушки в мексиканском *баррио* (квартале). Ее мужу нравилась только одна певица, собираясь на концерт которой, он поплевав на свои

ботинки, до блеска натирал их – Лючия Вилла, исполнительница народных песен, пение которой, по убеждению моей тетушки, напоминало звуки влюбленной овцы. Поскольку концерты Виллы были для него редким удовольствием, ему не было дела до толпы, цены билетов на концерт, и особенно всех этих танцев во время концерта.

Но в планы моей тетушки не входила возможность пропустить концерт Селии Круз. Вопрос был только в том, как организовать это посещение. После обеда в субботу она делала свои обычные дела по дому. Ее самые младшие дети были подростками, и почти весь день их не было дома. Как большинство работающих мексиканских женщин, которые не снимали фартук на пуговицах впереди и удобными карманами, моя тетушка Флора никогда не снимала свой фартук, даже когда ходила на рынок. На ее любимом рынке, который находился в целой миле от ее крыльца, был большой выбор любых ингредиентов, которые могут понадобиться такой хорошей хозяйке как она. Когда ее муж пришел домой в тот день (в воскресные дни он то и дело выходил из дома, пока, наконец, не возвращался поздно вечером домой с упаковкой из шести бутылок пива, чтобы комфортно провести воскресный вечер), она, сияя, сказала: «Мне хочется приготовить что-нибудь вкусенькое сегодня вечером. Как ты думаешь? Давай устроим поздний ужин?»

Если бы Вам пришлось отведать блюда из ее кухни, Ваши глаза засияли бы таким же светом, каким загорелись глаза ее мужа при таком предложении. Они договорились о времени (видно, субботние вечера были для них особыми вечерами встреч, когда происходило нечто большее, чем официальный ужин), и она сказала: «Я иду на рынок, *Вьехо*. Не сиди в ожидании меня, мне надо купить несколько особых вещей, которые я еще должна отыскать на рынке». Она достаточно хорошо знала своего мужа, который никогда не сидел и не ждал, а просто отправлялся в свою любимую таверну в двух кварталах от дома, где он и сидел, пока она не присылала кого-нибудь из младших ребятишек, чтобы позвать его на ужин. Моя тетушка накрасила губы помадой сливового цвета, которая была единственной косметикой, которой она пользовалась (и в которой, я бы добавила, она могла нуждаться, поскольку она от природы обладала даром безукоризненного цвета лица), и положила свой кошелек с мелочью в карман своего передника. Выйдя из дома и повернув за угол, она помахала рукой своему мужу, который пошел в противоположном направлении, и направилась на главную поперечную улицу, где она быстро подозвала проезжающую мимо машину-такси.

Даже в переднике моя тетушка всегда привлекала взгляды мужчин. Это напомнило мне о недавней истории, которую моя тетушка рассказала, пригласив меня зайти на обед. Прожив несколько лет в Чикаго, моя тетушка начала придерживаться традиций Старого света, подавая главное блюдо в три часа после полудня – после того, как она вышла на пенсию, ее муж скончался, а все дети повзрослели и разъехались по свету. Поэтому у нас был не просто сытный обед из трех блюд, но это было наше главное блюдо дня, если мы не хотели лопнуть от переедания. Она сказала, что ходила за продуктами на тот же рынок (тот же самый, на который она отправилась в истории, рассказ о которой я прервала посередине), и возвращаясь домой пешком, и неся в каждой руке по тяжелому пластиковому пакету, она вдруг почувствовала, что за ней кто-то идет следом. Она остановилась и оглянулась. За какую-то долю секунды она заметила парня, который сразу юркнул в какой-то подъезд. Она пошла дальше. Пройдя еще полквартила, и уже уверенная в том, что за нею следят, она снова оглянулась через плечо. Никаких сомнений. Она узнала парня с рынка. Он там работал, и когда она его видела раньше, он обычно укладывал штабелями юкку, или *малангу*, или какое-нибудь другое корневое растение в производственном секторе. Они молча смотрели друг на друга. «Он так смотрел на меня», сказала она. «А ведь он был так молод. Было неловко». Возраст всегда относительная

категория. Насколько «молод»? спросила я вслух. «Самое большее, двадцать восемь – тридцать лет», сказала тетя. Ей уже было больше семидесяти. Он точно был для нее слишком молод. «Ты хочешь меня ограбить?» спросила она его. Она протянула свой кошелек в руке: «Вот, возьми. Но не ходи за мной. У меня артрит, я не могу бегать». Молодой человек покачал головой. «Нет, сеньора», сказал он. «Зачем мне Вас обижать? Вы мне нравитесь». Моя тетя вздохнула с облегчением. «Ради святых, сказала она, я пожилая женщина. Достаточно пожилая, чтобы годиться тебе в матери, или может даже, в бабушки». «Какая разница?» сказал парень. «Когда мужчине нравится женщина, ничто другое не важно». Это было мукой всей ее жизни, сказала она мне. Вот так-то. Но разве можно сочувствовать женщине, которая сетует на то, что неотразима?

Возможно, у мужа моей тети были основания ревновать к сексуальным жеребцам на телевидении – имея жену, которая не только получала лучшие куски говядины на рынке, даже в свои преклонные года, но жену, которая в переднике и в *своих стоптанных башимаках*, не стеснялась отправиться на концерт Селии Круз в Зале Арагон. «Заберете меня через час», сказала она водителю такси тогда, когда происходила последняя история, купив билет, войдя, и направившись сквозь толпу прямо к сцене. «*Детка*, я танцевала сама с собой, и постоянно смотрела на Селию, а молодые люди вокруг просто пялились на меня, наверное, думая: «Что за *лока* (сумасшедшая) старая тетка?» А мне было все равно, мне надо было услышать мою Селию, и я была счастлива».

Час спустя она запрыгнула в такси и отправилась домой. «А что случилось с продуктами, за которыми ты ходила?» спросила я. «И что с особым блюдом, которое ты обещала приготовить?» «Аа!» Моя тетушка Флора махнула рукой в ответ, как будто швырнула плохие карты. «Я просто сказала, что рынок уже закрылся к тому времени, когда я туда попала, и я была в таком чудесном настроении, когда он вернулся поздно домой, что, если ты понимаешь, *детка*, мужчину можно ублажить и другими способами, кроме еды».

Моя тетушка никогда не говорила о себе как о красавице, но она никогда не отрицала то сексуальное влечение, которое она вызывала у мясников, бригадиров на фабрике, на которой она работала, у водителей автобусов, и любого другого мужчины, с которым она могла пересечься в любой день. Это было то сексуальное влечение, которое возникало вместе с медленными улыбками, значительными взглядами вскользь, и другими тонкими штучками беззастенчивого флирта. Но к семидесяти годам, она называла мужчин, которых привлекала, просто «больными». «Мужчины! Они хуже детей. Как далеко можно зайти с пожилой женщиной?», спрашивала она. Ясно, что это был риторический вопрос. Возможно, он предназначался для того, чтобы остудить гнев ее покойного мужа, который даже в той жизни, возможно, терзался сомнениями относительно ее верности.

Однажды у меня была возможность наблюдать собственными глазами, как действует на окружающих обаяние моей тети, и как она с этим справлялась. Это случилось, когда моя тетушка Флора позвонила мне через несколько месяцев после смерти моей матушки – самой последней кончины одного из их четверки – двух неразлучных сестер и их мужей, которые годами собирались вместе по всем важным событиям, иногда просто по воскресным дням, но обязательно на Рождество, когда еще мои кухни и я были маленькими. (Повзрослев, мои кухни рассказывали мне, как сильно они ждали приезда, поскольку именно моя мама была для них «Санта Клаусом»). «В Чикаго приезжает Альбита, *детка*», сказала она. Альбита Родригес была сбежавшей из Кубы исполнительницей *сальсера*. «Ты единственная, кто я знаю, поможет мне попасть на этот концерт... да?»

Мы стояли в очереди за билетами у Дома Блюзов в одну из обледенелых ночей, которые делают зимы в Чикаго такими знаменитыми. Моя тетушка была одета, как обычно,

в скромный, но элегантный костюм, и на нас обеих было шерстяное пальто до середины икры. Это была длинная очередь, а мы стояли где-то посередине ее, когда один симпатичный белый мужчина подошел прямо к нам. На нем было кашемировое пальто – такое, какие носят центровые мужчины. Вручив нам пару билетов, он сказал: «Меня только что срочно вызвали. Желаю вам получить удовольствие от концерта». Как всегда моя тетушка скромно промолчала про этот инцидент, и мы довольные направились прямо в зал.

Еще было рано, и люди только начали собираться. Из всех колонок звучала музыка сальсы. Не успели мы снять пальто, оглядываясь вокруг, где бы усесться, как другой симпатичный мужчина подошел к нам – а вернее, к ней снова. Этот джентльмен, тоже в костюме с галстуком, был подходящего для моей тетушки возраста. «Вы хотите потанцевать?» спросил он.

Я увидела мою тетушку в действии. В ее обычной грациозной манере, с ее широкими золотыми кольцами серег, поблескивающими в свете затемненного зала, не смотрящей ему прямо в глаза (это было бы слишком дерзко, слишком примитивно), но бросая на него эти всегда осторожные взгляды вскользь – и не улыбаясь как какая-нибудь ветреная школьница, или как какая-нибудь мамаша, ведущая себя непристойно, но достаточно внятно, чтобы дать *кабальеро* понять, что она не совсем закрыта для предложений – она сказала таким тихим голосом, что если бы я не смотрела на нее прямо, всего в нескольких дюймах от нее, в ожидании, как и *тот кабальеро*, ее ответа, я бы не услышала его: «Немного позже».

Возвращаясь назад к началу нового столетия, увидеть которое довелось моей тетушке Флоре как единственной оставшейся в живых из своих дорогих сверстников, когда в мире царила набожность, и все такое, когда все, чем были озабочены американцы, была сексуальная нравственность их президента, она сумела вернуться к истокам своей родины.

Младший брат тетушки Флоры, единственный брат, который остался жить в Мехико, и который через некоторое время там умер, оставил за собой ни больше, ни меньше, чем десять детей, как единственное наследие. Они все были бы рады встретить с распростертыми объятиями свою издалека прибывшую тетю. (Или, по крайней мере, девять из них, пресытившись собственными семействами. Самый старший из них успел за это время переехать в Соединенные Штаты). Они уже распланировали недельный маршрут: визит в места ее детства; остановка в Санта Инés, маленькой церкви, где ее крестили, одна из немногих мест ее воспоминаний, которая остались почти неизменившейся, за исключением того, что она, как и многое другое, была немного искривленной. (Мехико Сити была построена на болотистой земле кочевыми Ацтеками, которые, наконец, решили там осесть). Они бродили там через прелестную Шочимилко – доколумбовой эпохи мини-Венецию с каналами – и отправились на однодневную экскурсию в живописный городок Тепозотлан. Они ели такос на улицах, как это было в те времена, когда она была девочкой, и они обедали в шикарном ресторане с декором «типико» и туристами. Это была вечеринка.

Но больше всего на свете, моей жизнелюбивой тете хотелось отправиться в Салон Лос Анжелес. Это был старый бальный зал, который открыл свои двери еще в тридцатые годы, и в котором все еще устраивали спектакли кабаре, и который служил танцевальной площадкой, где вы могли всю ночь протанцевать *дансон* (национальный танец на о-ве Куба). В лучшие времена там проходили премьеры совместных концертов лучших оркестров, исполнявших музыку *дансон*. «Если Вы не знаете, что такое Эль Лос Анжелес, Вы не знаете, что такое Мехико», эти слова все еще были девизом города.

Моя матушка и ее братья и сестры остались сиротами в раннем детстве, и вместе с кузенами их растили их дедушка с бабушкой. Нужда заставила девочек начать работать

в очень юном возрасте. Моя мама начала работать прислугой, когда ей было одиннадцать лет. Моя тетя была младше моей мамы и некоторых кузин, поэтому она тогда еще не работала. В пятнадцать лет, моя мама уже работала на полной ставке на фабрике по производству картонных коробок.

В этом-то и была проблема для мулатки, которая не только не видела расцвета Гаваны до Революции, но и всего остального: тетушка Флора, еще ребенком, так и не стала «лас картонерас», как звали девочек с картонной фабрики. Как помнит моя тетя, моя мать, вместе с двумя кузинами, которые тоже работали на этой фабрике – принаряжались после работы, красила общей красной помадой свои губы, надевали свои лучшие платья и танцевальные туфли на высоких каблуках, и отправлялись в кабаре Лос Анжелес.

Моя тетя ждала их возвращения поздно ночью, чтобы услышать рассказы старших девочек об их приключениях в Лос Анжелесе. Разумеется, это не было тем местом, где можно было рассчитывать встретить «серьезного» ухажера. Но любая девушка могла вволю натанцеваться в таком месте, и забыть, что к семи утра она должна вернуться на фабрику делать коробки. Всякий раз, когда моя мама и ее кузины появлялись на площадке, руководитель ансамбля обязательно посвящал очередную песню моей маме и ее кузинам: «этот номер посвящается картонным девочкам!»

Они чувствовали себя почти знаменитостями.

Именно этого хотела моя тетушка Флора от своей поездки в Мехико Сити: потанцевать хоть разок в Зале Лос Анжелеса, поскольку теперь ей не удавалось это делать. Поэтому ее племянницы, желая угодить своей любимой тете, которая никогда раньше не приезжала, и, возможно, больше уже не приедет, приделались и повезли ее в Ла Колониа Герреро, где Лос Анжелес все еще устраивал шоу.

Она была в восторге, сказала она, наблюдая кабаре. Ее сердце стучало так, как если бы она была той самой *картонера*, которая видела представление впервые. Она даже взяла автограф у одного из звезд (могу добавить, что, судя по фотографии на компакт диске, это был звезда, который тогда выступал). И позже, когда заиграла танцевальная музыка, и пожилые люди вышли потанцевать, один джентльмен (что не удивительно) пригласил ее на танец.

Куда делась эта хроническая боль от артрита? Она сама спрашивала себя об этом. На самом деле, эта боль, казалось, исчезла, как только она сошла с трапа самолета. «Коварные старые колени», сказала она. «Они болят только там, где им не хочется быть!»

Было уже почти время закрытия, когда, уходя, она увидела женщину почти ее возраста, которая танцевала одна. «Я поставила свою сумку на пол, подошла к ней, подхватила ее, и мы затанцевали вместе», рассказывала мне моя тетушка Флора. «Она не сказала мне ни слова, просто улыбнулась и позволила мне вести танец», смеялась моя тетя. Когда она смеялась, она немного стеснялась своих зубных протезов, и старалась немного их сдвинуть, чтобы убедиться, что они плотно сидят. «Думаю, что эта пожилая женщина тоже грустила о былых временах! Даже о том, чего у нас никогда не было!» добавила она, а затем вновь засмеялась.

Однажды моя тетушка Флора решила и пошла на поводу своей давней фантазии – хотя была достаточно старой и мудрой, чтобы понимать, что уже никогда не будет так, как это было раньше. «Ну и что?», возможно, думала она.

“Ну вот, я это сделала», сказала она мне, показывая свои сувениры, надписанные постеры, музыку, и, конечно, все фотографии. «Теперь мое сердце успокоится, зная, что хотя бы раз я потанцевала в эль Салон Лос Анжелес. Разве кто-нибудь говорил, что нельзя вновь возвращаться домой?»

Кроме тех болей и огорчений, которые появляются с возрастом, моя тетья, далеко не богатая женщина, продолжает жить на пенсию, но с той же жадной жизни, которая заставила ее совершить путешествие в Мехико Сити.

В прошлое Рождество я позвонила своей тетушке, чтобы поздравить ее с праздниками, и поболтать с ней немного, как мы обычно делаем. Я прошлась по всему списку кузенов, чтобы узнать новости. Мы поговорили о болезнях наших стареющих собак. (Все, кто жили в ее доме, возвращаясь в Мехико, оставляли ей щенка. Отсчет времени начинался снова, ее переживания были похожи на все, что имеет времена года).

Потом появилась тема о Кубе, которая нередко появлялась в течение проходящих лет наших разговоров. Я помню, как ей не терпелось услышать все подробности о стране, когда я вернулась из поездки в эту страну. В кинотеатрах только появился фильм *Буэна Виста Соул Клуб*, на который я, разумеется, ее пригласила. Я купила ей компакт диск с записями, и, само собой разумеется, что с тех пор она знала мельчайшие подробности о музыке каждого из старых музыкантов. Среди других вещей, о которых я должна была ей рассказать после этой поездки, было то, как готовить настоящий коктейль *мохито*. (Мы использовали *траву буэна*, и другие важные ингредиенты, прорастающие на ее заднем дворике).

В прошлое Рождество, во время нашего разговора, мы посокрушались над еще более серьезными обвинениями со стороны правительства в отношении взаимоотношений между США и Кубой и поездок на остров. Она всегда могла проехать туда через Мехико, предложила я, как будто семидесятилетняя женщина, у которой плохо гнулись суставы, уже собиралась на следующий рейс, вылетающий в Канкун, и следующий далее в Гавану, чтобы отпраздновать Новый Год. «Нет, детка, я больше не смогу туда поехать», сказала она серьезным тоном. «Если я поеду на *ми* Кубу, ты знаешь, мне не разрешат вернуться в США».

Дом, как я поняла со временем, и как учит пословица, это место, где находится твое сердце. Что касается моей самой любимой тетушки, то она смогла создать в своем сердце такую богатую и интересную внутреннюю жизнь, что сама поверила в нее. Это была та фантазия в ее жизни, которая давала ей стойкость. Всю свою жизнь, которая была полна трагедий с самого раннего возраста, она думала только о том, что ей было приятно, в чем она нуждалась и во что она верила – даже если ей пришлось это придумать.

Лагримас Неграс /Черные слезы¹
 Хоть вы оставили меня
 Хоть вы разрушили мои последние иллюзии,
 Вместо проклятий, рожденных гневом,
 В своих фантазиях я шлю вам,
 В своих фантазиях я шлю вам сонм благословений ...

...Я плачу, хоть вы не знаете об этих слезах
 Черных слезах, черных
 Как моя жизнь

“Lagrimas Negras” была написана Мигелем Матаморосом, кубинским музыкантом который основал Трио Матаморос 1925 году, группой с уникальным стилем *песен-болеро*, и с которой Бени Мор выступал в 1940’х годах.

Перевод с английского - Манат Тасеменовой

Ауэзхан Кодар

ЗЕРКАЛО АТЫМТАЯ

Когда я думаю о нем, мне больно и грустно, его смерть была первой осознанной потерей в моей жизни, означив рубеж, за которым многое кончилось: и моя способность к глубокой привязанности, и моя былая открытость, и желание жить интересами какого-то сообщества. Без него я впервые ощутил одиночество во всем его экзистенциальном ужасе, как невозможность соприкосновения с людьми. Когда-то я не мог докричаться до них, теперь они не могли бы достучаться до меня. Я был не то что пуст, я все время обваливался, каждое чужое прикосновение сдирало с меня кожу, а ведь душа не может чувствовать себя без плоти. И, возможно, первой потерянной мной оболочкой был он, Атымтай, мой каган, мой император, мой друг...

Я не представляю его бегущим или едущим в машине, я представляю его только грустно шагающим по осеннему или зимнему городу, шагающим не спеша, в полном одиночестве, как бы волокущим свою тень... Его шаги отмеряли не столько сколько ему осталось жить, но скорее сколько им пройдено, удлиняясь на шаги нескончаемых дум, написанных и не написанных стихов, на обрывки бесед и состояний, на еле всплывающие блики былых озарений.

Итак, если бы решился о нем написать, я начал бы так...

По осенней Алма-Ате, величественно вышагивая, шел человек в черном кожаном плаще – небольшого роста, но плотный, с еле видными признаками седины в волосах и усах. Было явно, что он весь в себе и ничего не замечает вокруг - ни цепи угрюмо нахохлившихся пятиэтажных домов по обе стороны улицы, ни оголенных деревьев, ни шуршанья листвы под ногами, ни луж на тротуаре, ни этого чудесного осеннего воздуха, смешанного с землей и сыростью. И никто не мог бы подумать, что пять минут назад он выскочил из своей квартиры, захлопнул дверь, пнул ее и нервно простучав каблуками по лестнице, выбежал из подъезда. Теперь когда он, спустившись по Маркова почти дошел до Тимирязева, перед глазами стояло яростное как у Мегеры, лицо жены, попрекавшей его безденежьем и неспособностью жить, или точнее, неспособностью жить без водки, или если еще точнее, неспособностью жить без фантазий. Ей, как и всякой умной, достойной женщине казалось, что стоило бы ему с высот своих грез спуститься на грешную землю, у него вместо иллюзий были бы деньги, пусть сначала хоть и небольшие, зато потом она помогла бы ему развернуться. Ведь она-то, Заягуль, была пробивной бабой, если бы не он, их дом давно был бы как полная чаша, да и карьеру сделали бы не хуже других. Логика, казалось бы, неотразимая, но только не для Атымтая. В последнее время он вообще был встревожен поведением жены. На его взгляд, с ней творилось что-то неладное. Раньше, как и всё их атеистическое поколение, она была равнодушна к религии, но сейчас когда с неожиданно объявленной эпохой гласности вылез весь этот религиозный дурман с культом астрологии и мистики, когда вслед за почти примелькавшимися кришнаитами стали шастать Свидетели Иеговы, а за ними и мусульмане с Кораном и четками, его жена стала водиться со всякими целительницами и святыми старцами, в результате чего ранее неколебимый авторитет мужа стал расшатываться с невиданной силой.

Вот и сегодня с утра вместо того, чтобы сбегать в магазин и похмелить мужа, она заявила, что едет на паломничество в Арыстанбап и забирает с собой дочку, поскольку ее не с кем оставить.

- Как это не с кем? - возмутился Атымтай. – А почему со мной нельзя? Я что – труп что ли?

- Труп не труп, а толку от тебя мало! Мы же тебя с ребенком целыми днями не видим! Все шастаешь со своей шелудивой кодлой по барам да пивнушкам! Рад стараться, что всякие пацаны-поэтишки величают тебя каганом, а на деле разыгрывают из тебя шута горохового, - махнула на него рукой Заягуль.

- Слушай, что с тобой случилось? – спросил Атымтай затянувшись сигаретой. – Ты же их всех знаешь, с каких пор они стали для тебя кодлой? Кодла – это бандиты или мафиози, а в них ты что нашла мафиозного? Это же молодые поэты и каждый со своей непростой судьбой, но зато и со своим голосом, с желанием и способностью сказать что-то свое.

- Но почему тогда только один ты должен с ними нянчиться? Вон же есть Союз писателей, секретариат, секции всякие, пусть там собираются, а не прожигают свою жизнь по кабакам.

- Да там одни мертворожденные мутанты, в твоём Союзе, - усмехнулся Атымтай. – Вот кого я назвал бы мафиози, а не моих нойонов.

- Ладно, оставим этот разговор, - сказала Заягуль, - тебе дороги твои нукеры, а мне – моя дочка. И она сейчас поедет со мной!

Атымтай потушил сигарету и улыбнувшись, обернулся к дочке.

- Пусть она сама решит. Айфер, я прошу тебя остаться со мной, пусть мама одна едет, если ей так хочется.

Его дочери было семь лет и она была красива как восточный ангел, если существуют подобного рода ангелы. По крайней мере, смотря на нее казалось, что она из их рода. Однако Айфер была не только красива, но и очень воспитанна. Она очень любила папу, но ее давно приучили, что слушаться надо маму. Она посмотрела на отца и, немного помолчав, сказала:

- Папа, я помолюсь за тебя!

- Кто тебя этому научил, - спросил Атымтай, окинув ее растерянным взглядом.

- Мама! – не стала врать дочка.

- Вот видишь, я так и знал! – вскочил как ужаленный Атымтай. – Это все твои старые ведьмы-целительницы и доморощенные святоши, это они попирают наших предков именем бога! Вот и меня распнули словами моей же дочки. – А ты доченька, знай, у нас, казахов, молятся за мертвых, а я пока еще живой! Не верь этой твари, она тебя еще доведет!

С этими словами он кинулся вон из дома.

Теперь, шагая по улице полной машин и пешеходов, он подумал, что, в сущности, никогда не имел дома. Потому что дом – это нечто большее, чем семья, дом – это дом бытия, где ты не киснешь, не вянешь, а живешь, дыша полной грудью и позволяя себе все что захочешь. Дом – это когда тесно на двуспальной кровати, поскольку мужа и жену прибывает друг к другу огнедышащий демон страсти, дом – это когда тебя постоянно тянет в дом, а его почему-то постоянно тянуло из дома.

Надо признаться, подумал вдруг Атымтай, что я женился не по любви. Просто я так устал от своей кочевой жизни, от своего вечного бродяжничества, что захотелось семьи, уюта, преданного существа рядом с собой. А тут встретилась Зая, такая молодая, чистая, страстная, к тому же, поэтесса, коллега, так сказать. И пошло, и поехало, в ее лице он действительно нашел для себя преданнейшее существо, готовое из любви на все. Он хоть и женился, продолжал гулять со своими друзьями, а Зая как бы стала частью их

закидонистого дионисийского сообщества. Атымтай много читал в те годы и однажды в какой-то энциклопедии вычитал про бога Диониса и сравнил его культ с казахским культом сал и серэ понял, что казахи – это дионисийцы. Ведь что самое важное для кочевника? Праздничное, карнавальное мироощущение, присущее ему с детства до самой смерти. Таков был и сам Атымтай – он прекрасно скакал на коне, играл на домбре, легко отвечал стихами на самые каверзные вопросы и, естественно, был неотразим для аульных красавиц, девушки буквально бегали за ним как вакханки за Дионисом. Но Заю в те годы это вполне устраивало, она была так уверена в себе, что и мысли не допускала о возможных изменах мужа. Ей в те годы все в нем нравилось, и даже его успех у женщин. Зато теперь он для нее – непосильная ноша, непроходимый абсурд ее жизни и если раньше у нее хватало сил все его недостатки превращать в достоинства, то теперь даже стоило ему уронить пепел мимо пепельницы, это ее раздражало так, что убила бы. Заягуль сама по себе была очень гибкой женщиной, умела вовремя поддакнуть, легко соглашалась на чужое предложение просто из вежливости, чтобы не обидеть. В принципе она и в самом деле не имела никаких возражений этому миру, все ей казалось понятным и очевидным. По ее представлениям люди были связаны между собой круговой порукой взаимоприятия и взаимовыручки. Она не могла представить, что есть какие-то вещи, которыми нельзя поступиться, а ведь мир состоит как раз только из таких вещей и таких состояний. Если отказаться от них, значит, отказаться и от себя. Только твоя безальтернативность к таким странным вещам или событиям создает твой дух и твою нежную душу, потому и нежную что у нее тонкий металлический остов.

В груди Атымтая как будто заиграла музыка, глаза стали застилаться туманом, и, как всегда, из этого тумана светлым облаком выплыло лицо Лейли, прекрасное и задорное, как тогда, в далекой юности, двадцать лет назад.

Тут надо сказать, что в юности Атымтай был далек от поэзии, ему хотелось стать боксером. В то время казахи гордились Сериком Конакбаевым, но если бы Атымтай не заблудился бы между поэзией и боксом, все могло бы быть иначе...

Атымтай был на ринге легок, напорист, непредсказуем. Побеждал противников только нокаутом. Но однажды сам получил такой нокаут, что мало не показалось. Одно утешает, что получил его не на ринге. В тот день он по своему обыкновению собрался на пробежку и через некоторое время побежал по аульному саду. Было чудесное летнее утро, на зеленых листьях играли солнечные лучи, воздух приятно охлаждал легкие, слышалась соловьиная трель. Юноша бежал по аульному саду как в раю, ему казалось, что он один на всем белом свете, такой бодрый, сильный, красивый, летучий. В спортивных трусах и майке он ровно бежал по дорожке, но на повороте увидел такое... Навстречу ему бежала высокая изящная девушка в красивом красном платье как будто из восточной сказки. Трепетали на ветру иссиня-черные волосы, как будто в изумлении поднимались черные брови, трепетные ресницы подрагивали над черными зрачками, на губах играла улыбка, у кончика губ справа была маленькая родинка...

Атымтай встал как вкопанный, ему хотелось ей что-то сказать, но дар слова отказал ему. Девушка, продолжая улыбаться, высоко поднимая колени, легко пробежала мимо него.

Это было какое-то мгновение, но запомнилось ему на всю жизнь. Эта столь скоротечная встреча стала для него, как посвящение в веру. Раньше он и подумать не мог, что красота сражает, что она победоносна, что она – манифестация своей избранности, не позволяющая тому, кто ее увидел, отвлечься на что-то иное, кроме ее прославления. Кто знает, возможно, и пророк Мухаммед, был сражен неким видением, где он понял, что

стал посланником Аллаха, невиданного Бога, единственного и единого как мироздание. Так и Лейля с первой минуты стала для Атымтая прорывом в неведомое, «дуновением вдохновения», имеющим божественный статус. С тех пор он посвятил ей несколько поэтических книжек, он уже попросту не мог думать об ином. Но и поэтом не стать он уже не мог. Казалось, ему суждена была легкая слава. Ведь у публики больше всего в чести стихи о любви...

Однако все оказалось сложнее. Он писал о любви, когда люди писали о тракторах и

комбайнах, когда Цветаеву только начали издавать, когда Ахматова уже закончила свой век земной. Он писал о любви, когда на каждом перекрестке прославляли «Целину» и «Малую Землю». В этом он упрямо не совпадал со временем. Да и в Союз писателей его приняли, когда ему было за тридцать. Правда, рекомендацию дал сам Аскар Сулейменов. Она состояла только из одной строки: «Если все остальные наши поэты – рысаки, то Атымтай – иноходец».

Казалось бы, прошло столько времени, пора бы уже повзрослеть, пора бы понять, куда дует ветер. Его сокурсники прекрасно это понимали. Едва окончив вуз, выбивались в начальники, становились лауреатами всевозможных премий, их имена гремели по всей республике, а Атымтай знали только в узких кругах литературного бомонда. Люди писали о покорении космоса, находили высоких покровителей, а Атымтай как писал о Лейле, так и писал, только теперь он называл ее сестрой цветка шугунук¹, т.е. она стала для него не просто возлюбленной, а олицетворением Родины. И это пришло так легко, так естественно, что сам поэт не заметил этой метаморфозы, а критики и литературоведы – тем более. Они вообще не видели в нем ничего, кроме праздной витиеватости и досужего словоблудия. Самый лучший из них явно подтрунивая над ним, писал, что этот поэт все путает, вместо того, чтобы писать пером на бумаге, он тончайшей иглой выписывает причудливые орнаменты по металлу. Между тем, хотя и шутя, критик докопался до главного: Атымтай работал не с темами, а с языком. Для него язык был выше всего и прежде всего. Даже прежде Бога. Ибо язык творит мир, а поэт ему сотворчествует. И не язык – инструмент поэта, а поэт – инструмент языка. Посредством реинтерпретации времени, он убирает швы смерти и все к чему бы он ни прикоснулся, превращается в целостное неуноичтожимое бытие. Не потому ли он добился такой музыкальности, что рифмовал почти целые строки? В любом языке бывает пласт заимствованных слов, перемешанные с чисто казахской лексикой, они звучали у него как родные. С недавнего времени он стал писать на русском, используя те же приемы. Продолжая вышагивать, Атымтай зашевелил губами.

Локти выше, легкий бег –
 На Турбазе водки нет.
 Но приятный вот хабар,
 На Клочкове водка бар.

¹ Высокогорный цветок Иван-да-Марья с желто-синими соцветиями. Символ верности.

Разве предложишь такие стихи на обсуждение секретариата Союза писателей?

В Алма-Ате он пробовал состояться дважды. И каждый раз судьба, казалось, была к нему благосклонна. В студенческие годы, учась на журфаке, он был баловнем всего факультета. Его все любили, цитировали, приглашали на веселые попойки. Но однажды случилось так, что на одной из таких попоек избили его друга. Поймали где-то и безжалостно затоптали. Юность – самое жестокое время для человека. Там все впервые и на все вызовы надо отвечать моментально. И в то же время юности не присуще чувство меры. Атымтай с друзьями пошел искать обидчиков друга. Состоялась групповая драка, о которой стало известно в деканате. Чтобы не отчислили, пришлось взять академический. Так Атымтай опять оказался в родном краю, в горах Сарнокай, на высокогорном джайляу. Лет через десять друг стал там директором совхоза, а Атымтай вернулся опять в Алма-Ату.

И поначалу опять все было как нельзя лучше. Один очень известный поэт пригласил его в свой молодежный журнал. Вот тогда он и связался с молодежью, став для нее и придирчивым критиком, и наставником, и мэтром, и собутыльником на равных. Друг, к тому времени ставший директором совхоза, тоже его не забывал, иногда увозил его на джайляу и они отрывались там по полной программе. Кстати, звали его Жайлаубай и он был ему дорог тем, что был посвящен во все пережитые им отношения с Лейлей.

С тех пор как он впервые встретил Лейлю, он узнал о ней все, но все это было для него не важно. Он хотел встретиться с ней, поговорить, признаться в любви, показать ей свои стихотворения, посвященные ей и только ей. Ведь с тех пор как они встретились, стихи из него лились потоком. Он сам не ожидал, что поэзия придет к нему как совершенный дар и увенчает его чело вечнозеленым лавром избранности и посвященности в неземное. Но стоило ему с ней встретиться, как он лишался дара речи и просто превращался в ее щенка, всюду бредущего за ней в поисках добра и милосердия. Их уже давно познакомили, он прекрасно знал на каких вечеринках она бывает, но между ними так и не произошло настоящего общения, или подлинного контакта. На самом деле Лейля нисколько его не избегала, охотно вступала с ним в разговор и даже однажды сама пригласила его на танец. Но Атымтай в эти моменты был как сама бездарность, говорил что-то нечленораздельное или вяло отшучивался, а от танца с ней отказался, сославшись на то, что не танцует. Он шел домой и всю ночь сидел над стихами, а днем бежал к другу и читал их ему. Порой забывал у него свою тетрадку. Другу надоело наблюдать как он погибает буквально на глазах, робеет перед какой-то самоуверенной особой, однажды он взял тетрадку со стихами и передал их Лейле, выразив свои опасения, что если она не поймет его, юноша на грани безумия. Лейля улыбнулась и сказала, что обязательно прочитает стихи и уж, конечно, не допустит того, чтобы человек из-за нее стал Меджнуном. И сдержала свое слово, приехала однажды в тот чабанский отгон, где Атымтай по своему обычаю проводил все лето. У чабанов глаза на лоб полезли, когда к ним приехала шикарная городская девушка на черной, наверное, обкомовской «Волге». И стар, и млад побежали искать Атымтая, который как всегда «квасил» с друзьями у бурнотекущей горной речки. Когда ему сказали, что за ним приехала Лейля, он тут же хотел броситься за ней, но вспомнил, что недавно постригся наголо и это обстоятельство его настолько смутило, что он решил не показываться ей на глаза. Бегая туда и сюда в поисках укрытия, он нырнул в речку. Лейля к счастью, не видевшая эту сцену, недоуменно хмыкнув, уехала ни с чем. Больше они не виделись. Потом он узнал, что она закончила какой-то московский вуз, вышла там замуж и с тех пор не появлялась в родных краях. А Атымтая прибрала к рукам его первая жена, девушка, с которой он дружил с первого класса. Но брак с ней оказался недолгим. Через

год он развелся с ней, оставив ей сына. Потом у него было множество других романов, он не отказывал ни одной красивой девушке, заслужив славу гуляки-поэта, которого в старину называли «сал», т.е. безудержный, распущенный, неистовый. Раньше в степи был культ таких поэтов. Особенно он расцвел в 19 веке. Сал – это предводитель вольного мужского сообщества. Как правило, все они были холостыми, не связанными узами брака. Сал – это сама щедрость во всем, сверходаренная личность, универсальный талант – поэт, музыкант, бард, гуляка и затейник. Причем девушкам не положено отвечать ему отказом. Обычно он подъезжал к аулу и падал с коня. Девушки должны были подхватить его на руки и притащить в самую богатую юрту. Его веселая свита, спешившись, бежала за ним. Оказавшись в юрте, сал брал домбру и мог петь несколько дней, всячески веселя публику и приставая к юным красоткам. При всем при этом он мог перемигнуться с одной из них, а ночью встретившись с ней в логу, у речки с ароматом пряных трав и метелками камыша, так ее приболтать, что она никогда ни в чем ему не отказала бы. Этот дар каким-то образом проснулся в Атымтае в стране, где больше привыкли собираться на партсобраниях, чем на гулянках, где потомки грозных казахских батыров робели как дети перед секретарем райкома, где по вечерам слушали не салов, а скучную программу «Время». Как бы то ни было, сын председателя аульного совета Атымтай стал поэтом и вскоре ему стало тесно даже в рамках области. Но если бы он знал, что столица станет для него капканом, что она обломает его гордый нрав, лишит его избранности и что ему суждена судьба быть одним из пятисот писателей, членов Союза писателей Казахстана, разве он поехал бы в эту проклятую Алма-Ату?

Сойдя с автобуса он обогнул здание Детского мира и увидел уютное трехэтажное здание Союза писателей. Здесь всегда былолюдно – кто-то тащил свою книгу на обсуждение, кто-то шел просить помощи в Литфонд, но многие шли сюда просто так – потолкаться, пообщаться и пропустить рюмочку-другую в писательском баре «Каламгер», самом популярном заведении этого квартала. В те годы было почетно быть писателем или поэтом, за тобой все бегали, стремились взять автограф, звали за свой стол угоститься. Вот и сейчас не успел Атымтай зайти в фойе, как к нему подбежали два молодых поэта и потащили его в бар.

Писатели и поэты... Это... так и хочется сказать, враждующие кланы. Но это не так, враждуют или писатели между собой, или поэты друг с другом. Но когда писатель встречается с поэтом, нет милее общения и нет романтичнее дружбы. Ведь им не надо ничего делить, никто и не думает посягать на чужое поле, зато, напротив каждому приятно сообщить о своих достижениях коллеге, который вроде бы и коллега, но, слава богу, не соперник. Но нет ничего печальнее, когда общаются поэт с поэтом или прозаик с прозаиком, тут всегда всё начинается во славу друг друга, а заканчивается полным взаимным неприятием и разрывом всяческих отношений. Что же тогда сказать о том несчастном, кого угораздило сочетать в своем творчестве и легкий слог поэта, и склонность к тяжеловесным рассуждениям, обычно столь выгодно отличающий прозаика? Такое необычное дарование сразу лишается почтения у всей литературной братвы. Ведь его склонность к рассуждениям угрожает хлебу и литературных критиков! А это уже вам не шуточки. Критика у нас хоть традиционно и хромает, но корыто свое бдит и по кому надо «вставить» всегда сумеет.

Атымтай улыбнулся, на этой неделе в казахской литературной газете появилось три статьи против него. В одной статье он осуждался как поэт-диссидент, омархаямствующий и верленободлерствующий, в другой статье говорилось, что он морочит голову молодежи, собрав их в какой-то вечнопьянствующий каганат, а в третьей поносились его

историческая повесть о наследнике Чингисхана, как попытка имперской метафизики, нереальной в эпоху горбачевской Перестройки и свободы слова. Тем не менее, солнце не померкло для Атымтай и сегодня, впрочем, как и всегда, он сидел в «Каламгере» в обществе писателя, поэта и литературного критика, которые всячески показывали, что в этой дурной полемике они на его стороне. Особенно старался писатель – высокий, сухощавый, с смуглыми лошадиными скулами, с живыми, быстрыми глазами.

- Слушай, - посмеивался он, жизнерадостно похлопывая Атымтай по плечу, - тебе надо радоваться. Ты так долго не появлялся в печати, а тут тебя прямо троекратно отметили!

- Не говори, - усмехнулся Атымтай, - даже на воре так шапка не горит!

- Один – ноль в пользу в шапке угорающего! – хладнокровно констатировал критик – небольшого роста, тоже сухощавый, но в черной шляпе и черной рубашке, из-под которого торчал его смуглый ястребиный нос. Голос критика звучал неожиданно густо и трубно, что не соответствовало минимализму всей его внешней фактуры.

- Ну что, давайте чокнемся за нашего Кагана! Критика все же лучше молчания! Как сказал наш друг Иса, «от замалчивания и до заклятия недалеко!» - улыбнулся поэт, встав и чокнувшись коньяком со своими друзьями постарше.

- Иса – этот тот, который на костылях, мустанг-самоучка? – усмехнулся критик.

- Да, Асеке, не зря вы спрашиваете, это вы говорят его раскопали?

- Я не причем, это вот он Багдад, - указал он на писателя, но того, видать, такое реноме не особо устраивало.

- Аскар, признайся ты имеешь к этому бузотеру не меньшее отношение, чем я. Кто первым написал хвалебный отзыв на его стихи?

- Это я сделал, чтобы досадить этому бездельнику Хасанали. Тот снимал тогда фильм о Чокане, но в стихах нашего Исы было больше правды, чем в этом фильме.

«Вот так всегда, - грустно подумал Атымтай. – Ждешь что, наконец, что-то внятно скажут о тебе, но, увы, тут же переходят на другого!».

С Исой, молодым литератором, недавно приехавшим из Кзылорды, он успел не только познакомиться, но и подружиться. Конечно, у него сейчас не было настроения воздавать осанну своему молодому другу, но и остаться в стороне он не мог.

- Говорят, его выгоняют из Дома творчества за драку с Узуновым?

- Как, он еще и дерется? – искренне изумился Аскар. – Я знал, что он хорошо играет в шахматы, но чтоб драться, да еще с Узуновым. Это же двухметровая громадина. Да и не по шахматному как-то, поэту и лезть в драку.

- Этот Узунов, он кого угодно доведет, такой мелочный, сварливый, противный. Всего и делов-то было, что в номере Исы собралась толпа друзей, ну, что-то там отмечали. А этот полез в чужой номер делать замечание. А Иса был на взводе. Вот и нашла коса на камень. Ведь не все же такие терпеливые как Мерей! – указал Атымтай на улыбчивого поэта. – Ты вон расскажи им, как натерпелся от этого старикашки. Три года держал твою книгу в издательстве!

Мерей как будто подавился улыбкой. Он так скривился, что все покатались со смеху.

- Кто не знает Узунова?.. - грустно протянул Багдад. – Говорят, он скоро наш Союз писателей будет возглавлять.

- А как скромно начинал. Написал повесть под названием «Пуговка» – о том как профессор расстегнул пуговку на халате студентки, - меланхолично промолвил Аскар.

- Ну, когда-то это была заява-а-а! – опять протянул Багдад.

- Зато Госпремию получил за воспоминания о Мухтаре Ауэзова, - показал свою осведомленность Мерей.

- У нас всегда громкие заявы заканчиваются скромным бздишком, - не преминул заметить Аскар.

- Нет, наш Иса это явно не бздишок, - сосредоточенно сказал Атымтай. – Надо что-то делать. Говорят, его собираются исключить из Союза писателей.

Все повернулись к Багдаду.

- Это от вас зависит, - обратился он к Мерей. - Его будут разбирать на молодежном совете.

- Ну, если от нас, то мы что-нибудь придумаем, - осклабился Мерей. – Но разве от нас что-нибудь зависит?..

Атымтай подумал, что надо бы захватить к Исе, предупредить его о затеваемых мерах.

Между тем кафе наполнялось. Если с часов четырех-пяти тут и там занимались только отдельные столики, то теперь было не протолкнуться. Все столики были заняты и даже очень. Но, не смотря на это, к Атымтаю пришла толпа ребят и пригласила его за свой столик. Багдада с Аскаром тоже звали коллеги с соседних столов. Вскоре они откровенно пошли по рукам и Атымтай уже не помнил за чьим столом сидит и перед кем настаивает на своей водочной идентичности вопреки коньячной, и кому в очередной раз рассказывает свою историю о Чингисхане.

- Каган наш из рода борджигин, понимаешь? Это можно понять только на казахском языке – «бори жеген», т.е. «волкоед», понимаешь? Мы же не казахи, мы монголы. Я давно об этом говорю. Я же торе, чингизид, вон даже каганат свой основал, кстати, ты туда входишь?

- Конечно, Атеке!

- Ко мне надо обращаться – «Каган», а не как попало. Я же у вас Император, забыл, что ли?

- Извините, Каган, исправлюсь.

- Ты у меня на какой должности?

- Нойон я, нойон!

- Я горный пик тебе жаловал?

- Нет еще, каган!

- Значит, не заслужил!

- Я потому и пригласил вас, каган, чтобы исправиться!

Но Атымтай сидел уже с другими.

- Вы знаете, что водка кровь в мозг подает? Вот то-то и оно, в наше время поэты не пьют вино. Чтоб в мозг попасть прямой наводкой пейте, други, водку!

- Чё Пушкин? Чем он лучше меня, или, к примеру, Саади? Вы знаете, что мое отчество Сагадиевич! А ты всё Пушкин, Пушкин! Вы знаете, у кого он содрал «Мой гений чистой красоты!», у Жуковского! А тот у восточных поэтов, не зря же он их переводил!

Атымтая было не узнать. Он весь стал каким-то рыхлым, его большие красивые глаза теперь выпирали как рачьи, волнистые длинные волосы растрепались, из них и из усов откровенно выпирала седина. Трудно было поверить, что это поэт-лирик, певец прекрасной Лейли, которую он воспевал из книги в книгу. Ведь молодые поэты потому к нему и тянулись, что прекрасно знали его лирику. Но сейчас, когда ему перевалило за сорок, он все реже вспоминал свою первую любовь, со временем она стала для него сродни наваждению, он теперь любил другую девушку. Она была поэтессой и поначалу

очень привечала его. Но когда узнала, что последние его стихи посвящены ей и что он это ни от кого не скрывает, старалась меньше попадаться ему на глаза, избегая их привычный каганатовский круг. Вот и сейчас, сколько Атымтай ее не высматривал все было бесполезно. Здесь было много интересных девушек, но ее здесь не было. Честно говоря, это уже не удивляло Атымтая, он стал понимать, что не нужен своей избраннице. Да и чем он ее мог привлечь? Ни денег, ни звания, ни положения... Это в юности он был красавцем-поэтом, удачливым ловеласом, победителем-боксером. Но теперь глядя на него, такого пожухлого и обессиленного, с печальными беспросветными глазами, кто скажет, что это романтик Атымтай, поэт Атымтай, что его назвали в честь человека, чье имя стало символом щедрости, благородства и бескорыстных благодеяний? Но не смотря ни на что он чувствовал, что только Ляззат, эта юная найманка (найманы это такой род у казахов, не путать с еврейской фамилией!) с светлейшим буддистским лицом и бархатными черными глазами могла бы сбросить с него и бремя лет, и непонятно тяжелую карму, где в обмен за свой богатый дар он получал только низменную зависть, и злые оковы, сковывающие его мозг, и незримые кандалы нищего, попрошайничьего быта. О, отдайся она ему, о, если бы они слились без малейшего просвета воздуха между телами, о, если бы он проник в нее, то простил бы этому миру и невнимание сильных мира сего, и жуткий безглазый профиль полуудачи, и стихи, так и не удостоившиеся лицемерья бога. Это было самое его сильное желание за всю жизнь, и дело было не в сексе, не в либидо и даже не в удовлетворении влечения. Это было для него как дверь в иную жизнь, так иногда умирая верят, что там, за смертью, высшее воздаяние. И стихи свои Атымтай считал данью Харону, или пропуском в эту иную жизнь. Он искренне верил, что можно обольстить стихами, что ими можно обыграть смерть, ведь смерть – это не только уход из жизни, но это и непонимание, и крошечная мера ума, и вообще, полное отсутствие вменяемости, и все же, прежде всего, стихи – это игра со смертью, где все сакральные таинства на стороне поэта.

Он уже сидел за третьим или четвертым столом, куда его пригласили. Вдруг после очередной рюмки ему показалось, что в зал вошла Лейля. Вернее, она уже уходила из зала. Он вскочил и хотел побежать за ней, но ее и след простыл. А может, это ему показалось? В полной растерянности Атымтай сел и хлопнул еще одну рюмку. Ему стало жутко. Это видение как бы вернуло его ему самому. Как же он мог забыть свою Лейлю? Как он мог променять ее на другую? Даже в мыслях? Что с ним творится в последнее время? Почему он стал таким безвольным и жалким? Жрет и жрет эту водку? Окружил себя льстецами и подхалимами? Купается в похвале и дифирамбах? Раньше он воспринимал это как должное, а теперь добивается, чтобы его хвалили? В последнее время объявился только один человек, который его не хвалит. Это Иса. Правда, он тоже его поначалу хвалил, но потом стал говорить ему горькие вещи. О том, что нельзя вечно пить, вечно упиваться собой, что такими людьми легко манипулировать, что ему многое дано и что он все это так легко разбазаривает. Поэтому у него было двойственное отношение к Исе. С одной стороны он уважал его требовательный, острый ум, с другой стороны, его не устраивало неуважительное отношение со стороны молодого критика, который, на его взгляд, уж слишком откровенно не соблюдал субординацию.

В это время к нему подошел Мерей и протянул ему журнал.

- Каган, поздравляю, тут вышла статья Исы о Вашей поэзии. Шикарная статья! Ни о ком у нас так еще не писали!

Это был журнал «Простор», самый престижный русскоязычный журнал в республике.

Раскрыв его на нужной странице, он увидел свое фото молодых лет и переводы Исы с его вступительной статьей. Моментально протрезвев и забыв обо всем, Атымтай погрузился в чтение статьи. Особенно его поразило следующее место.

«В Атымтае каким-то чудесным образом возродился рыцарский дух поэзии Золотой Орды и эпохи после ее распада. Если Хорезми в «Мухаббат-наме» создал непревзойденные образцы любовной лирики, то образ Лейли, созданный Атымтаем, это состязание не с Петраркой, а с Хорезми и с созвездием восточных поэтов от Низами до Навои. В поэме, посвященной Бабуру он описывает завоевание им Афганистана и Индии, но там превалирует не восторг от завоевания, а скорбь по своим соплеменникам, растворившимся в экзотике Индии. Абсолютная погруженность в восточный дух Великой Степи делает поэзию Атымтая исключительно национальной, но в то же время это поэзия настоящая на духе индивидуализма от Бодлера до Лотреамона».

Атымтай улыбнулся, он испытал такое ощущение, что если все прочие статьи о нем, даже самые лучшие были написаны наждаком по бархату его поэзии, то тут как будто шелк прошелся по бархату, коснулся и унесся ввысь и затерялся в занебесной дымке, вернее, не затерялся, а, видимо, попал в руки богов, ибо в сердце Атымтая наступила удивительная гармония, и главное, испарилась обида на этот мир, обида, за которой тяжкой поступью шло зло. Атымтай встал, потом наклонился и приобнял присевшего рядом с ним Мерей.

- Спасибо, родной! Пойдем, поехали к Исе! Поздравим со статьей, а переводы почитаем там, в Доме творчества, вместе с ним!

Но Мерей, медленно отстранившись от его объятия, замотал головой.

- Каган, да что Вы? Уже поздно! Нас туда не пустят! Я тоже рад за Ису, но ведь к нему можно поехать и завтра, днем, в нормальное время!

- Иса сказал, что завтра он съезжает оттуда, его уже выселили и дали время только до утра!

- Ну, я тогда приеду к нему и заберу его к себе, а Вы приходите ко мне, тогда и поговорим.

- Смотри, держи свое слово! Забери его пока к себе, а потом устрой куда-нибудь на квартиру.

- Конечно, каган, конечно! Какие могут быть разговоры?

Атымтай испытующе посмотрел на Мерей.

- Так ты идешь со мной?

- Нет, каган, и вам не советую!

- Ну, ладно, ильхан, я пошел. Дай трояк на такси.

Мерей вытащил бумажник и дал требуемую сумму.

Атымтай взял идеально свежую трешку, засунул журнал во внутренний карман плаща и двинулся к выходу. Отошедший куда-то Мерей догнал его и сунул в карман плаща пол-литру и кое-какую закуску.

Когда он подъехал к Дому творчеству было около одиннадцати. Дверь была заперта, в фойе горел приглушенный свет. Атымтай стал стучаться в двери, ему повезло, на стук вышла знакомая вахтерша и открыла ему дверь.

- Опять к Исе? – спросила она игривым голосом, не стареющей кокетки. Высокая, дородная, с разметавшимися курчавыми волосами она никак не была похожа на отставную спортсменку, каковой на самом деле являлась.

- К нему, к нему! – заулыбался Атымтай, едва не припав к высокой груди нетленной красотки.

Через минуту он был на втором этаже и стучался в дверь к Исе.

- Кто это? Дверь не заперта, входите! – раздался звонкий голос из комнаты.

Атымтай толкнул дверь, прошел сквозь небольшой коридорчик и оказался в комнате, где у правой стены на диване облокотясь на подушку лежал Иса и читал какую-то книгу. Это был курчавый черноволосый парень в очках, с широкой грудной клеткой, которая трапецевидно сужаясь, переходила в узкие как у подростка ноги. Рядом, между диваном и тумбочкой стояли массивные деревянные костыли, дальше у стены пустовала аккуратно застеленная кровать.

- О, каган! – радостно воскликнул Иса и тут же вскочив на костыли оказался у пустого стола, придвинутого к черному провалу окна. Видимо, критик забыл задвинуть занавески.

- Извините, каган, но у меня шаром покати, - грустно констатировал Иса, усаживаясь за стол.

- Да погоди ты, это не проблема! Я приехал ближе к полночи не затем, чтобы у тебя питаться! Вот, смотри, вышла твоя публикация в «Просторе»! Поздравляю, гоуан!

- Это где я написал о Вас и перевел ваши стихи?

- Она самая! А я пришел это дело обмыть! Как ты не понимаешь? – удивился Атымтай и подойдя к столу стал выкладывать туда содержимое своего широкого кармана, потом пошел в коридорчик повесить плащ и шляпу.

- Да я уже устал ждать, когда она выйдет! Они же целый год тянули! За этот год Вы меня гоуаном сделали, а в «Просторе» я до сих пор в приживалах хожу! Вон целый год тянули из меня жилы!

- Ничего, гоуан, - сказал Атымтай, усаживаясь за стол. – Зато твоя статья стоит там особняком, никто и близко не может сравниться! Такое впечатление, что остальные критики – пешеходы, а ты один только крылатый всадник!

- Душа моя млеет от блажи такой! – расхохотался Иса и тут же достал из-под стола два граненых стакана.

Атымтай своей каганской рукой налил по сто грамм и чокнувшись они выпили. Теперь их было не узнать, особенно Атымтай. Он как будто скинул лет двадцать, с лица исчезла всякая одряблость, глаза блестели, усы искрились весельем. Он рассказал все, что произошло в писательском кафе, в лицах передавая то Аскара, то Багдада, то Мерея, не позабыл упомянуть и про призрак Лейли после чего встревожено уставился на Ису.

- Может, я гоню? Как такое может привидеться? Но... я ее видел, как будто наяву?

- Понимаешь, она вселилась в тебя, еще тогда, в твои семнадцать лет. А потом ты ее всю жизнь изгонял – стихами, выпивкой, другими женщинами. А сегодня ты, видать, ослаб, перестал себя контролировать, тут тебя она и настигла! А у меня обратный случай, мне нельзя себя не контролировать! Вот я всю жизнь хожу на костылях, *такой судьба* у меня! Так вот, я не на костылях хожу, а на мозгах своих хожу, стоит мне чуть ослабить контроль, меня выкинет как стекло на скользкий лед!

- Да, гоуан, ты потому и великий, что никогда не расслабляешься!

- Почему? Я люблю выпить! Это же мой способ беспересадочного полета по Вселенной! – рассмеялся Иса. Он явно уже входил в стадию вдохновения и раскрепощения. Лицо его раскраснелось, длинные кудрявые волосы отливали как вороново крыло, в узких раскосых глазах сверкала безуминка, как бы написанные акварелью разлетистые брови не поспевали за полетом его мысли. – Кстати, каган, - воззрился он вдруг на Атымтай, - а что это за титул – «гоуан»? Ты мне как-то объяснял, но я опять забыл.

- Это он так звучит в монгольской подаче. А по-китайски, это «го ван», т.е. «большой

ван», или великий властитель. Так китайцы величали зависимых от них степных владетелей. Но Чингисхан, наш каган, дал этот титул своему любимцу Мухали, из племени жалайыр, после того как тот покорил Китай. Говорят, что завоевав шестьдесят китайских городов, он послал кагану конную телеграмму с вопросом: «Вот я покорил столько-то городов? Идти ли мне дальше?». Каган сказал: «Идти!» и Мухали в безудержном броске покорил еще четверть Китая!

- А ильханы это кто?

- Это наместники провинций.

- Так выходит ты поставил меня выше всех из твоего окружения? Они не обидятся? Ведь они были с тобой гораздо раньше?

- Гоуан, приказы кагана не обсуждают!

- Тогда выпьем, мой славный каган, мой единственный ценитель в этом бренном мире!

- Поверь, мой гоуан, это ненадолго! У тебя великое будущее!

Они чокнулись и выпили. У Атымтай захорошело на сердце, а когда у него хорошело в него словно вселялся дух Чингисхана, он чувствовал себя пророком чингисова рода и как бредящая в конопляном дыму пифия он прозревал все в чингисовом свершении.

- Понимаешь, если бы кагана не было, его следовало бы выдумать. Иначе бы степной мир так и остался бы во прахе, ничем не проявив себя за вереницы столетий! Понимаешь, ни-чем! В степи нет истории! К 13 веку там уже никто не помнил ни Мо Дэ, ни Атиллу. А тут на тебе – какой-то сирота Тэмуджин объявляет себя Чингисханом и покоряет Китай, этого непобедимого колосса! Мало того, он вырезает Тангутское царство, завоевывает Среднюю Азию, устанавливает свое трехсотлетнее владычество над Россией! Попробуй, обойди такую фигуру! Европа дрожит от свершений великого монгола, римский папа шлет ему своих послов-прелатов! Если бы ты родился в то время, ты не ходил бы на костылях, тебя носили бы в паланкине и кушал бы ты из золотой тарелки! Ты же сам говорил, что происходишь из рода «алтын», а «алтын» - это золото. Так что ты тоже, видать, из чингисова рода, теперь ты понял, почему я тебя гоуаном поставил? Ты же знаешь, наши ханы – потомки Чингиса и наследниками славы Золотой Орды являются не татары, а мы, казахи!

- Конечно, это все хорошо, но ведь на нем столько крови... Реки в Китае и Средней Азии были красны от крови, над степью долгие годы стояла трупная вонь...

Атымтай рассмеялся.

- И ты туда же... Право на кровь добывается мерой страдания, а Степь к этому времени так настрадалась, ее так затоптали всякие исламские и иные завоевания, что она не могла не покуситься на кровь. И хорошо, что это произошло тогда, иначе это произошло бы сейчас. И если сейчас у нас тишь да гладь, это благодаря нашей генной памяти, навсегда запомнившей уроки Чингисхана. Да, Иисус, говорят, взял все людские страдания на себя, но каган понимал, что абстрактное добро ничему не учит, каждый должен сам перестрадать!

- А нельзя без страдания?

- И этот вопрос ты задаешь мне? Ты же мне сам только что говорил, каково тебе ходить на костылях? Разве тебя на это Чингисхан обрек? Тебя же сейчас Узунов гонит отсюда, а не каган! А что, ты разве не имеешь права жить по-человечески? А хочешь, я сейчас пойду к Узунову и накажу его, заставлю его на коленях ползать перед тобой?

- Что вы каган, не надо! Это очень опасный человек! Он милицию вызовет, подаст на вас в суд! Не надо, каган!

Но Атымтай был уже неудержим. Он знал, что Узунов живет буквально за стенкой, в соседнем номере и как был в одних носках, бросился туда. Немного погодя раздался страшный грохот, потом еще, еще, казалось что что-то большое бьется то об одну, то об другую стенку, а то может быть и об пол. Потом все затихло и наступила какая-та непонятная тишина. Потом раздался шум льющейся воды, потом опять наступило затишье. С тревогой прислушивающийся ко всему этому Иса решил, наконец, встать и узнать, в чем там дело. Но не успел он опереться об костыль, как тихо открылась дверь и в комнату вошли Узунов и Атымтай. Никто не мог бы подумать, что Узунова минуту назад били об стенку, он был в пиджаке, при галстукe, чисто выбрат и очень ухожен. Пройдя к севшему обратно за стол Исе, он сел на стул Атымтая.

Потом обратился к Исе.

- Дорогой Иса, я пришел извиниться перед тобой! Ты очень талантливый человек! К тебе приходит много людей! Я не имел право обижаться и вторгаться в твою комнату! Ты правильно тогда меня ударил! Прости меня, если можешь! Завтра я пойду в секретариат и заберу свою жалобу, тебя не будут обсуждать на Совете и продлят твою путевку сюда еще на месяц! А это вот расписка в том, что я к тебе претензий не имею. Она заверена моей личной печатью.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака расписку и передал Исе.

Иса взял расписку, прочитал и спрятал в нагрудный карман рубашки. Потом с улыбкой посмотрел на Узунова и сказал:

- Пиши теперь расписку в том, что не имеешь претензий к Атымтаю.

Тот полез в карман пиджака, достал ручку и взяв протянутую Исой бумагу написал расписку с датой и подписью.

- Поставь свою печать! – не унимался Иса.

- Но я кажется... - не захотел было Узунов, но посмотрев в сторону как бы невинно стоящего Атымтая, мгновенно нашел печать и удостоверил ею свою подпись.

- Теперь можете идти, - сказал Иса, еле сдерживая смех.

Когда Узунов ушел, аккуратно закрыв дверь, друзья расхохотались.

- Ой, каган! Ой, не могу! – заливался в хохоте Иса. – На каком языке вы разговаривали, что он так присмирел?

- На языке Чингисхана! – скромно ответил Атымтай.

- Вот бы вам так поговорить со всеми членами нашего Союза писателей! – воскликнул Иса.

- Стоит ли мараться? – усмехнулся Атымтай. – Я ведь уже воспитал самого главного.

- Так выпьем за это! – и Иса опять потянулся к бутылке.

Через некоторое время Иса стал клевать носом, его кудлатая голова то и дело клонила к столу. Надо было двигаться домой. Атымтай помог Исе подняться, ему проводил его до постели. Потом прошел в коридорчик, оделся, спустился вниз по лестнице, холл был пуст. Атымтай прошел в закуток, разбудил вахтершу, она ему открыла дверь.

Когда на такси он подъехал к своему дому, ему показалось, что в одной из комнат его квартиры горит свет. Он рассчитался с таксистом и медленно стал подниматься к себе на третий этаж. Все это время он думал, почему в его комнате горит свет, показалось это ему или в самом деле так? Но если это так, кто мог его включить, кто мог его ждать в столь позднее время, ведь Заягуль должна приехать через неделю?

В этом полубессознательном недоумении он вставил ключ в дверь и открыл ее. В прихожей было темно. У Атымтая отлегло от сердца, он включил свет, разделся и пошел в туалет. Умывшись и почистив зубы, он накинул халат и пошел не в спальню как обычно, а к себе в кабинет. Но стоило ему открыть дверь, как в залитой светом комнате у себя

за столом он увидел молоденькую девушку, сидящую к нему спиной. Однако ее лицо отражающееся в зеркале, висящем перед столом, показалось ему странно знакомым: те же длинные черные волосы, тот же точеный нос, та же родинка, - за столом озорно улыбаясь, сидела Лейля. Но как это может быть, ведь это никак невозможно, ведь столько лет прошло, ей-то наверно уже под сорок, а тут сидит такое юное создание и улыбается ему, смотря на него в зеркало.

- Сестренка, откуда ты взялась? – вырвалось у Атымтая. – Или, может быть, я схожу с ума? – еле закончил он фразу схватившись за сердце.

- Ради Бога не волнуйтесь. Вот сядьте на диван.

Вскочив со стула, она подбежала к нему и полуобняв, повела к дивану.

- Простите меня, я хотела сделать для Вас сюрприз и, кажется, перестаралась.

- Лейля, ты откуда? – шептал как в забытьи Атымтай. – Неужто это ты? Неужели ты пришла ко мне? Я же ждал тебя всю жизнь! Я же и сочинять стихи начал, чтобы очаровать тебя.

- Ну, вот я и пришла к тебе! Пойдем в спальню, я помогу тебе раздеться!

- Но это же невозможно! Ты впервые меня видишь!

- Зато ты носишь мой образ в сердце всю жизнь!

- Но ты же не ты, то есть, ты же не Лейля! – бормотал Атымтай, покорно двигаясь с девушкой в сторону спальни. У него все смешалось в голове – Иса, Узунов, призрак в кафе, он уже не знал чему верить, чему не верить, что считать фантазией и что считать реальностью. К тому же девушка так приятно пахла, была так свежа и притягательна, что сердце Атымтая таяло, а тело так напряглось, что он уже не мог сдерживаться. Он дошел с ней до спальни, повалил ее на постель и впился в губы. Она ответила ему таким горячим поцелуем, что в следующий момент он очутился нагим в объятиях обнаженной девушки, пахнувшей духами Лейли, его Лейли...

Назавтра, проснувшись, он не обнаружил рядом с собой вчерашней девушки. Только запах духов все еще витал в спальне, как тогда, двадцать лет назад, когда на одной из вечеринок он сидел рядом с Лейлей... Отбросив одеяло, он обнаружил на простыне пятна крови... Теперь он не знал, что и думать.

С тех пор у Атымтая опять пошли веселые, языческие стихи, как у Катулла. Таинственная девушка так больше и не появилась. Но разве тайна может исчезнуть? Она так и жила в его душе с уже давно прошедшего времени ее единственного ночного визита. Не потому ли теперь, когда он шел по улице, как всегда величественно вышагивая, на губах его блуждала непроизвольно счастливая улыбка?

Конечно, суровый современный читатель заподозрит меня в мистификации, запросит всяческие объяснения, скажет, что так не бывает. Что я могу на это ответить? Я тоже не знаю, как все это объяснить. Может, это была юная поклонница Атымтая, бесконечно влюбленная в его поэзию и настолько воплотившаяся в Лейлю, что решила исправить ошибку судьбы и слиться со своим обожателем, как Галатее с Пигмалионом? Возможно, это дух Чингисхана, довольный почти религиозной преданностью Атымтая, решил послать ему девственницу? Но в любом случае эта девушка могла забеременеть и объявить потом, как Дева Мария, что непорочно зачала супергениального ребенка! И в любом случае, если ранее в нем мера страдания зашкаливала настолько, что почти застила свет, после этого загадочного визита он понял, что бывает мера радости и порой всего лишь одна ее щепотка перевешивает горы страдания. Ибо то, что нечаянно, то и божественно. Мифы о воздаянии – всего лишь мифы. Нет ни кармы, ни воздаяния. Есть только то, что ты взрастил в своей душе и пустил в свободный полет. Есть только это. И оно обязательно к тебе вернется.

Айман Кодар

Монолог Госпожи Дедукции

Я муза истинных детективов. К ним прилетаю в минуты, когда никто не знает что делать. Переворачивая верх тормашками ход убийства, легким шепотом, промелькнувшей мыслью подсказываю, озаряю, да так, что иногда господа детективы вздрагивают и подпрыгивают от счастья видеть тонкую грань между догадкой и истиной.

Я – механизм обратного отчета, исключение из правил. Я очень важная госпожа – не даюсь всем и каждому. Проливаю свой свет лишь тем, кто мозговым штурмом пышет, пашет.

Завожу сознание в гости к подругам – Элементарности и Очевидности и стираю пелену тумана, чтобы не мешал видеть истину. Врываюсь без стука в мозг, но как ворвусь – держитесь, на всю мощность заставлю мозг работать. Электрическим током молниеносно бью в нейроны, чтобы быстрее шевелились (чтобы, вообще, шевелились хоть иногда)

Весь день и всю ночь без усталости...пресекаю преступность.

Мега умам я радуюсь, не нарадуюсь, простым никак не даюсь

Кто я? Элементарно ж, Ватсон –

Госпожа Дедукция.

Госпожа Интуиция

Я как слух – либо есть, либо нет(и не будет). Если есть – экстрасенс, если нет – то «Привет» не скоро ожидает этих людей. Не быть им проводниками и сенсорами. Невидимой линией пишу траекторию жизненного пути. Ты меня не тронешь, но ощутишь – поймешь куда же идти. Сомнений клубки легко расплетаю, ведь направляю отлично тебя. Ты чувствуешь это сжиманье желудка? Это все я...

(интуиция)

Господин парадокс

Я так сложен и так прост, я неистов и спокоен, могу воображение довести до предела и позже все опровергнуть. Я как двуликий бог. Смотрю на мир под другим углом...то есть под углами. Их все пытаются сопоставить, а зря стараются. Они вроде похожи, но не сопоставимы. Те, вещи, что в гармонии имеют свою противоположность, я о них сейчас говорил. Я объясняю все, но сам я необъясним, я импульс догадки в сердце, что молниеносно движется по трубке в мозг. Я был есть и буду пока мир стоит. Я не исчезну. Даже когда ты меня не видишь, мое существование нельзя опровергнуть, как бы ты не хотел. Я есть и все, но я неуловим. Медленно, но верно, с каждым твоим взглядом на мир, заплетаю клубок противоречий в твоей душе и ты становишься личностью, сложным человеком. За один звук и одно появление могу убедить тебя в бесполезности твоих суждений, ни разу их не опровергнув, так, показав другой мир. Я раскрываю людям глаза на нечто более интересное чем нет и да. На это волшебное И между «а» и «б».

Каждому в мире нахожу пару – противоположность и доказываю, что и то и другое имеет право на существование. А как доказываю – вынос мозга. Я сложен и прост, я слаб и силен, я крик и молчанье, я существование всех истин и их бурное опровержение.... Знакомьтесь, я парадокс.

Госпожа Обида

Я проникаю в твое сознание через душевные раны – черные дыры души, что никак не свернутся. Изнутри пройдясь иглой по всему живому и человеческому, уничтожаю, не оставляю в покое ни одну клеточку. Но могу успешно вытечь с слезами, через жалобу, страдания, но если ты держишь меня в клетке своего тела, (а я им питаюсь) то не удивляйся, что нет его. Коварная и роковая, ищу раны в твоём организме, чтобы попить живой крови – тот деликатес, что я иногда себе позволяю. Но все зависит от тебя. Ты мой хозяин. Подпустишь слишком близко – съем тебя, а нет, так улечу в просторы, но если залечу в просторный дом твоей души... Держись! Я зло, я смерть, я в сердце оставляю сообщения шрамами инфарктов. Да...не обижайся на людей... Обида - роковая женщина, она утянет туда, откуда нет возврата.

Снегопад

(монолог снежинки)

Что это? Где я? Я еще жива? Я еще парю? Неужели я еще могу позволить себе лететь над суетой сует?

О, да. Приземляться всегда рано, ведь мое приземление означает смерть – отказ от легкости полета. Вот подул вихрь, и я со своими подругами пустилась в снежный вальс и снова поднялась. Я все еще с вами, но, все же, я чувствую силу тяжести и медленно, но верно иду к матушке-земле. О, да, она ждала меня, я знала. Вот я тихо, совсем незаметно

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

и бесшумно приземлилась.

Поцелуй смерти, вот, что чувствую я. Земля постепенно засасывает мое существо, она увлажняется поглощая мою чистую белую душу, а я с такой же легкостью, что пришла, исчезаю в вечности, и процесс этот длится всего несколько секунд, полных парения и счастья!

Сумерки (монолог тумана)

Неуверенно я делаю свой первый шаг. Окутываю все своей мягкой, почти не видимой заботой. Меня никто не видит, но все чувствуют мое присутствие. Я засел в этом городе. Обвил каждую улицу, столб, фонарь, скамейку и дом. Вдохнул в этот обычный вечер нечто необычайное, сделал его загадочно – волшебным. Я обнял всех своим теплым холодом и светлой темнотой. Я смотрю прямо в глаза людям, затуманиваю им рассудок и все равно они не видят меня или делают вид, что не видят и я чувствую себя изгоем. Но я велик и величие мое меня тешит. Белой пеленой я опустил облака на эту грешную землю, пришел в гости к черту, чтобы разведать обстановку. Но так же я хотел сделать приятное грешным людям, которые в этой пелене чувствуют себя как в раю. Они в неведении и неопределенности. Не видят дальше своего носа. Ха, близорукие! Один я ясновидец, ведь я всегда ясно вижу и знаю, когда опустятся небеса облаками на землю и поцелуют ее.

Любовь и шахматы

Дорогой, давай поиграем в любовь,
Ты ходишь белыми, я черными,
Ах, хочешь черными... что ж, уволь,
Меня послушаться изволь,
Иль вон из сердца моего!
Найду я игрока другого,
Он шаг и шах- влюблюсь в него.
И плакал ад мой черный – черный,
Кипел от злости и пыхтел,
Я в рай хочу, ведь я влюбленная,
Мне не до адских мук и дел.
И вот... на шахматном столе
Ты съешь меня или не съешь?
Ах, съел? Ну, все! Теперь в сетях...
Я шаг - тебе и шах, и мат!

Әуезхан Қодар

Өтежан мен Гомер

Кезінде орыстың ұлы ойшылы Чаадаев Ресей жөнінде былай деген:

Біздің өзгеше өркениетіміздің ең қайғылы сипаттарының бірі— біз өзге жерлерде және, тіпті, бізден де бетер артта қалған халықтар үшін жауыр болған ақиқаттарды енді ашып жатырмыз. Бұның бұлай болатыны біз өзге халықтармен ешқашанда қол ұстасып бірге жүрмегенбіз; біз адамзат ошағының ешбір ұлы тармағына жатпаймыз; біз Батысқа да, Шығысқа да жатпаймыз, және бізде бұлардың ешқайсысының дәстүрі жоқ. Уақыттың сыртында тұрғандай біз бүкіләлемдік адамзат нәсілінің тәрбиесінен ада қалғанбыз.

Меніңше, біздің мақаламыздың кейіпкері Өтежан Нұрғалиев осы тұжырымды қазаққа бұрып, өз ұлтының мәдениетін әлемдік мәдениетпен жақындастыруға бүкіл ғұмырын арнаған.

Жана, 2011, жылдың басында қазақ әдебиеті ауыр қазаға ұшырады. 73 жасына қарағанда өмірден ардақты ақынымыз, орасан зор парасат иесі Өтежан Нұрғалиев өтті. Бұл кісінің қадірін біз ол о дүниелік болғасын ғана түсіндік, өйткені Жазушылар Одағына қоштасуға көп адам келді, жиналған адамның қайғысында шек болмады, Президент әкімшілігінен, Үкімет үйі тарапынан қайғыны бөліскен, туысқан туғанына көңіл айтқан телеграммалар келді. Бұл бәрімізді қатты толғандырды, себебі соңғы отыз жыл бойы Өтекең беделді қызметте болмақ түгіл жұмыста жоқ болатын, егер оны жас, балаң кезінде қазақтың Пушкині деп атаса, одан кейінгі тірлігінің бәрі атақ, лауреаттыққа жетпек түгіл тек шетқақапай көрумен өткен еді, поэзияға, қазақ мәдениетіне деген адал қызметі үшін бүкіл ғұмыры бойы жеткені «Құрмет» ордені болатын. Сол жалғыз орденімен және ондаған том шықпаған кітаптарымен Өтекең өмірден өтті.

Ендігі біздің борышымыз: тіріде қимаған сөзімізді қияйық, кейде бізге екіұшты, сенімсіздеу көрінетін, ал іс жүзінде қатпар- қатпар сыры бар, теңіздің тереңіндегі тұңғыық шығармашылығына үңілейік, бұрында біраз айтылған, әлдеде айтыла беретін ғайбат сөздерден, тоңмойын түсініспеушіліктен Өтекеңді арашалайық.

Өтекең кез келген адамды өзіне еріксіз тартатын, тез баурап алатын көпшіл, қауымшыл адам еді. Ал ондай адам тым қорғансыз, қарапайым көрінеді. Өйткені ол бәрімен өзін тең ұстайды, бәрімен әділ болғысы келеді. Оның осы көпшіл, халықшылдығы кейбіреулерге ол өзінің ақындық, жазушылық беделін түсіргендей көрінетін, кейде шындық бәрімізге бірдей болсын деген ерке мінезімен Өтекең де біреудің беделін түсіріп жататын. Бірақ осының бәрі белгілі бір қоғамдық дау туғызудың орнына, әркімнің жеке шаруасы болып қала беретін. Міне, осы болмаған, сыры ашылмаған даулардың бәрі Өтекеңнің жүрегін жаралай-жаралай, ақыры жүрегі ұстап, өмірден озды.

Егер ақын кітап болса, өлім оның мұқабасы. Мұқабасы жабылғанда ғана кітапты оқуға болады. Егер Өтекең тірі кезінде ол бізге мәңгі өлмейтін, әлдеде бізге өз сырын өзі ашып беретін жандай көрінсе, енді оның сырын біз тек қана оның өлеңдерінен, кітаптарынан, шығармашылығынан іздейміз.

Мен Өтекеңнің жырларын көп оқыған адаммын, 25 жыл қасында жүрдім, сырлас болдым, ол кісіні танып ұғынуға менде мол мүмкіндік болды, сондықтан, ең алдымен,

оның творчестволық принциптарына, творчестволық кредосына тоқталғым келеді.

Осы тұрғыдан келгенде, Өтекеннің ең басты қағидасы, «қазақты адамзаттан бөлмеу керек». Бұл тек үстірт қарағанда ғана қарапайым қағида сияқты. Ау енді қазақты адамзаттан ажыратқанда, ол енді адам емес пе деуге болады? Мәселе онда емес, қазіргі этнологиялық, фальсафалық ұстанымдарда әрбір жеке этнос тек өзінің жергілікті жағдайынан туған ешкімге ұқсамайтын бөлек құбылыс. Юнгтың айтуынша әрбір этностың өз түп тамыры, өз архетипі болады. Осы архетиптер жиынтығы ұлт менталитетін құрайды. Мысалы, қазақтың архетипі ол көшпенділік, немесе Қорқыттың өлімнен қашу архетипі. Ал Қорқыттың аңызында ол қалай ұғынылады? Онда өлімнен қашу, жаңа, өлім жоқ жер іздеу ретінде ұғынылады. Енді қазіргі оймен қарасаңыз ондай жер табу мүмкін бе? Бұл өте ертеде қалыптасқан балаң түсінік емес пе? Ал қазіргі адам геномының сырын ашқан заманда осындай нәрсеге сенуге бола ма? Міне, Өтекен барлық архетиптерді сыйлай тұра, қазақтан адамзат жеткен жетістіктерін қабылдауын, өзінің ананы да мынаны да жатырқайтын жабайы халық боп қалмай, сол адамзат өткен рухани сатылардың биігінен көрінуін талап етеді. Болмаса тек арзан ұлтшылдық жетегінде біз онша алысқа бармаймыз.

Ұлтшылдық демекші, Өтекен қазақтың ұлттық болмысы да жат емес. Оның екінші қағидасы «қазақ ешкімнен кем емес». Міне, сондықтан ол өзінің «Афина мектебі» кітабында, көне грек философиясының шытырман тарихын баяндай отырып, арасына қазақ даласының кейіпкерлерін қосады және оның ойынша әрбір ауылдың ақсақалы Сократтан, немесе Гераклиттен кем емес.

Сонда Өтекеннің өз шығармашылығында сонша сыншыл болуы неліктен?

Егер қазақ ешкімнен кем емес халық болса, неге оны ақын кейде кемсітеді. Жоқ, ол олай емес! Ол халықты кемсітпейді, сол халықтан өзін жоғары қоятын, табыну объектісіне, мифке айналған халық қалаулыларына мінін бетіне басады. Олар ақын, әкім, жазушы болуы мүмкін. Өтекен бәрібір. Өйткені олар өздерінің арзан құндылықтарымен халқын адастырмауға тиіс. Сондықтан әлгі тұлға Әлжаппар Әбішев, немесе Мұқтар Шаханов болсын, Өтекен олар туралы жазады және кездескенде өздеріне оқып беруі мүмкін. Бұл сонау көне Грецияда Сократтан басталған дәстүрдің қазақ топырағында жаңғыруы.

Сонымен, Өтежан шығармаларының басты ұстанымдары ретінде «қазақты адамзаттан бөлмеу», «қазақ ешкімнен кем емес» және «арзан құндылықтарымен қазақты кемсітпедер» деген қағидаларды атаймыз.

Тағы бір айта кететін жәйт, біз қазір біздің қазіргі лирикамызды, азаматтық поэзиямызды қалыптастырған ақын Мұқағали деп санаймыз. Ол белгілі мөлшерде рас та болар. Бірақ біз әдеби аренаға Өтежанның Мұқағалидан бұрын шыққанын ұмыта береміз. Тіпті Мұқағали Өтежаннан бата алған деген деректер бар. Ол туралы мысалы Сейфолла Оспанов «Таңшолпан» журналында жазған. Расында да, егер Өтежан әдебиетке 50 жылдардың аяғында келсе, Мұқағали 70 жылдарда ғана дараланып шығады. Мұнда мәселе екеуінің арақатынасында емес, тарихи шындықта боп тұр. Онсыз біз Өтежан поэзиясының шынайы масштабынан айырылып қаламыз.

Ал егер осы тұрғыдан келсек, Абайда «шығандап, шыға ойламай» деген тіркес бар. Өйткені ол өзі дәстүрден озып, үйреншікті ауқымның шекарасын бұзып, «шыға ойлауға» талпынған тұлға. Міне, Ұлы Отан соғысынан кейінгі жаңа заманда бұл ірі әрекетке қайтадан барған ақын - Өтежан Нұрғалиев. Өйткені ол бірден сол кездегі совет поэзиясы қалыптастырған нормалардан аттап өтеді. Оның алғашқы кезеңінде махаббат лирикасына баруы да сол. Махаббатқа енді кеңес лозунгларын қоспайсың ғой, махаббат ол таза адами сезім, пролетариатқа да, буржуйға да тән. Және оны жас ақын жырласа, одан қандай күдік тууы мүмкін? Сөйтіп, алғаш идеологиялық барьерлерден Өтекен махаббат жыршысы боп

өтіп кетті. Сөйтіп, ол өзін идеологиядан, саясаттан тыс ақын ретінде қалыптастырды.

Ал дүниежүзілік поэзияда идеологиядан тыс алғашқы ақын – Гомер. Ол бәріне бірдей ыстық ықыласпен құдайларды да, адамдарды да жыр етеді. Және осы барлық мүдделерден тыс болуы арқасында ол бұрын болмаған Олимп құдайларының өшпес ойнақы бейнелерін жасайды, «Илиада» деген біртұтас поэмасына поэзияны да, мифологияны да, драма мен трагедияны да сыйдырып жібереді. Сондықтан болар, ортағасырлық гравюларалда Гомердің осы жанрларды құсып жатқанын көрсетеді. Сол сияқты Өтекең үшін сол кездегі советтік Қазақстан Гомердің Грециясы сияқты. Оның олимпі ЦҚ мен Жазушылар Одағы, оның құдайлары – қазақ әдебиетінің сол кездегі классиктері, оның пенделері мен геройлары – әртүрлі тағдырдағы ақын- жазушылар мен қарапайым жандар, оның мифологиясы – әлгі мифке айналған тұлғаларды аспаннан жерге түсіру. Демек, Өтекең антимифология жасаушы Гомер наоборот, яғни, тонын айналдырып киген Гомер.

Міне, осы тәңіріуи күлкісі арқылы, аспани әжуасы арқылы Өтекең Маркс айтқандай «весело прощается с прошлым». Бірақ біздің юморы жоқ классиктеріміз Өтекеңді түсіне қойған жоқ және кешіргісі де келмеді. Оның жас кезінде қазақ Пушкині атанып, кейін әдеби процесстің сыртына итерілгені де содан болар. Бірақ бір Пушкин болған адам Пушкиндігін қоймайды, о жағын Өтекең де таныта алды. Ол аздай «Афина мектебі» кітабын жазып, қазақ Гомері деңгейіне көтерілді.

Кезінде осы атақты сауатсыз Жамбылға да қиып едік қой, енді Өтекеңе де қияйық. Өйткені ол грек мәдениеті мен қазақ мәдениетінің сабақтастығын тауып отыр ғой. Тіпті бір өлеңінде;

**Қажет болса, қазақ болмай, грек болып кетіңдер,
Күллі адамзат баласына жүрек болып кетіңдер - дейді.**

Ал мұндай биік талапқа жетелеу үшін, ақын қандай уәж келтіре алар еді?

Біріншіден, грек және қазақ мәдениеті кең құлаш эпикалық дәстүрден нәр алған мәдениеттер. Екіншіден, бұл екі халықтың да дүниетанымы қатаң моральдық, діни нормалармен шектелмеген. Үшіншіден қазақ та, грек те өнерсүйгіш, өмірсүйгіш халықтар болған. Міне, осылай кең ауқымды постмодернистік тәсілмен келсек, Өтекеңнің грек антикасына баруы өте орынды. Сосын, шынын айту керек, көне грек мәдениеті аттап өтуге болмайтын мәдениет қой. Бұл адамзат өркениетінің алғашқы негіздері салынған мәдениет. Сондықтан, ол әрбір этностың, әрбір ұлттың жадында жаңғыруға тиіс. Өтекеңнің табысы сол, біздің философтарымыздың өзі бұл тақырыпқа назар аудармай тұрғанда, Өтекең «Афина мектебі» атты көлемді дастандар жинағын жазады. Ең ғажабы, бұл батыс философиясына арналған шығарманы Өтекең шығыстық назиралық үлгісімен жазады. Екі жолдық бәйіт нұсқасында жазылған бұл өлеңдер Жүсіп Баласағұнның, Әлішер Науаидің, немесе Низамидің жыр-дастан үлгілерін еске түсіреді. Бірақ Өтекең Абай сияқты, шығыстық үлгілердің формасын ұстанса да, мазмұнын өзгертеді. Егер Абай «Ескендір» поэмасында Александр Македонскийді идеализациялаудан бас тартып, бүкіл хамсалық үрдіске кереғарлық танытса, Өтекең мүлде тың тақырыпқа, қазақ поэзиясында ешқашан жырланбаған тақырыпқа барады. Ондағы мақсаты көне грек және қазіргі қазақ мәдениетін жақындастыру, тіпті, бір-біріне сіңіріп жіберу. Іс жүзінде бұл қазақ поэзиясына жаңа кеңістік ашып берумен тең еді. Себебі, мәдениет тоғысында, үрдістер тартысында, биік интеллектуалдық сайыста өз-өзін сынап көрмеген әдебиет әрқашанда томаға тұйық, ауыларалық деңгейде қала береді.

Сөйтіп, Өтекең «Афина мектебіне» кіріседі. Әрине, бұл айтуға ғана оңай, бірақ орындалуы өте қиын іс еді. Себебі, эпикалық аңыздық әдебиеттен шыққан қазаққа оған грек

философиясының қажет екенін ұғындыру мәселесі тұрды. Бұл қиын жағдайдан Өтекең өте сәтті жол тауып кетеді. Ол грек ойшылдарының пәлсәпалық жүйелерін эпостық тәсілмен

жырлап шығады. Сонымен қатар, Плутархты еске түсіріп, әрбір грек философына балама ретінде қазақы кейіпкерлер қосып отырады. Сөйтіп, Өтекеңнің Сократы базардағы сотқар гангүнге айналады да, ал әлгі сотқар Сократпен тең болып шығады. Міне, осындай жағдайда ғана кітап абстрактылық деңгейде қалмай, тартымды, оқиғалы, желісті, оқуға жеңіл, қызық дүниеге айналады. Сонымен қатар, Өтекеңнің бұл интенциясында, немесе ниетінде, данышпандықтың бәрі

тең деген ғажап тұжырым жатады. Өтекеңнің осы көзқарасы постмодернизмнің басты қағидаларына өте-мөте дәл келеді. Себебі, постмодернистер үшін мәдениет биік пен төменге, немесе басты мен қосалқыға бөлінбейді. Олар үшін Гегель де бір, жұртта қалған сыпырғы да бір. Тек ойната білсең болғаны. Міне, Өтекең «Афина мектебі» кітабында осының бәрін ойната білген. Ең сәттісі, ол зердеуи грек және эпикалық қазақ мәдениетін вертикалды иерархиялық қатынаста емес, горизонталды тең қатынаста көрсете білген. «Афина мектебінің» мәнісіне келсек, Өтекең қазақ оқырманына грек антикасын ашып берді және академиялық іш пыстырар нұсқада емес, сал-серілік лепірме түрде, биік артистизмге толы, асқақ, шабытты үлгіде.

Бірақ «Жазушы» баспасында 1996 жылы шыққан бұл кітап, ең өкініштісі, толық нұсқасында шықпады. Екіншіден, тиражы аз және көп қатемен шықты. Үшіншіден, бұл кітаптың шығуы жабайы нарықтың шырмауында жүрген оқырман және әдеби қауымды селт еткізе қоймады.

Егер Өтекең шығармашылығының даму кезеңдеріне тоқталсақ, оның бірінші кезеңі махаббат лирикасына арналса, екінші кезеңі «Соғыстың соңғы жазы» өлең кітаптар циклына байланысты. Осы жинақтардан бастап оның сыншыл, азаматтық лирикасы тамыр жаяды. «Афина мектебіне» байланысты үшінші кезеңі Өтекеңнің әлемдік философияға көтеріліп, әлемдік әдебиетпен сұхбаттасқан кезеңі болса, 90 жылдарын қамтитын төртінші кезеңінде Өтекең, ең ғажабы, қайтадан қазақы формаларға ауысып, жыраулық, сал-серілік поэзиясының үлгілерін жасайды. Алайда бұл тегін оралу емес еді. Өтекең өзінің жаңаша жыраулық нұсқаларында поэзияға Батыс пен Шығыс поэзиясынан таңдаған үлгілерін еркін сапырылысқа түсіріп, қазақ топырағында жаңғыртады.

Бұл тұрғыда Өтекеңнің әсіресе ұрым эпиграммасынан үйренгені көп. Жалпы, эпиграмма дегеніміз өте пәрменді жанр. Ол әрқашанда қазіргі оқиғаға, ақынның көз алдында өтіп жатқан көріністерге арналады. Бұл тұрғыда, оны қазақ айтыскер ақындарының суырып салма әрекетімен салыстыруға болады. Ертедегі көптеген айтыстарда, әсіресе қыз бен жігіт, бәдік айтыстарында дөрекі әзілге бару, боғауыз қолдану, қарсыласын уытты сөздермен кекетіп-мұқату тәсілдері көп кездесетін. Ұрым эпиграммасында да мұндай тәсілдер молынан ұшырасады. Мысалы, Катулл, Ювенал, Марциалдардың эпиграммалары кейбір адам төзбес теңеулерге, еріксіз езу тартқызатын ұтқыр қақпақайларға толы. Әйтсе де, ұрым ақындары өздерінің мұндай қылықтарына еш

арланбаған. Лириканың осы түрінің негізін қалаушы Гай Валерий Катуллдың айтуынша «Ақынның жүрегі таза болуға тиіс, бірақ жырлары өзгеше болуы мүмкін». Ұрым ақындары өздерінің ұятсыз эстетикаға баруын тек әдеби тәсіл деп түсінген. Эпиграмманың тағы бір қасиеті, ол әрқашанда ақынмен замандас тірі адамға арналады. Бірақ оның мәртебесін өсіру үшін емес, сырт көзге көріне бермейтін жағымсыз жақтарын бадырайтып ашып беру үшін. Ал мұндай әдепсіздікке барудың қанша қажеті бар дейсіз ғой? Біріншіден, әдепсіз ортада, өзінің кекірігі мен шығарған желіне дейін риза ортада әдеп сақтаудың өзі қиянат. Екіншіден, әрбір қоғамда шексіз марапаттала беретін белгілі бір алқалы топ, жақсы мен жайсандар бар. Және де айналасындағы өмір қанша өзгерсе де, олар өзгермейді. Өмір көшінен қалып бара жатса да, олар өздерін алдыңғы қатардамыз деп сезінеді. Эпиграмма дегеніміз осындай марқасқалардың әрбіреуіне сый дайындап тұрады. Мінеки, Өтекең соңғы отыз жыл шамасында осындай эпиграммалық арнаулар жазуға көшеді. Және бұл ұзын балладалар түріндегі эпиграммалар қазақ әдебиетінің ең көрнекті қайраткерлеріне арналады. Ең өкініштісі, олардың бірде біреуі әлі жарық көрген жоқ. Былайынша басуға ешкім кедергі салмаған, бірақ оларды басып шығаратын жүрегі түкті редактор әлі шыға қойған жоқ.

Ал енді Өтекеңнің эпиграммалық толғауларының құрылысына келсек, олар таза жыраулық үлгіде жазылған. Бірақ, сонысына қарамастан, ол жазба ақынның туындысы. Қазақта, өкінішке орай, жазбаша ақындарды қадірлеу салты қалыптаспаған. Қалыптасса да, қисық қалыптасқан. Бізде, егер біреуге табынса, маңдайын жарғанша табынады. Ал егер біреуді қабылдамаса, ол пақырға өмірі кешірім жоқ. Себебі, біз қоғамдық сананың орташа деңгейімен санасуға ғана дағдыланғанбыз. Ал шығармашылық дегеніміз орташа деңгейге көнбейтін нәрсе. Мысалы, Ницше мен Хайдеггер орташа деңгейге көне ме? Олар, керісінше, сол орташа деңгейді жою үшін тірлік еткен тұлғалар емес пе?

Адамзат тарихындағы ең басты қайшылық тұлға мен қоғамның өзара байланысы. Себебі қоғам мойындамаса, тұлға қанатын кеңге жая алмайды. Бірақ қоғам әрқашанда тоңмойын, керенау бірқалыпты тірлікке бейім. Ол жаңалық пенен өзгерістерді жақтырмайды. Себебі, ол өсіп-өніп, болып-толған, өзіне дән риза. Әйтсе де Гераклит, Сократ замандарынан бастап философтар қоғамның, егер ол әрдайым өз-өзін тексеріп, түзетіп, жаңартып отырмаса, түкке тұрмайтынын дәлелдеген.

Хайдеггердің ойынша, дамымаған қоғамдық сананың ең басты құралы – былшыл. Неміс ойшылы бұл қарапайым сөзді терминологиялық деңгейге көтерген. Оның айтуынша, «былшыл» дегеніміз ешбір негіз, дәлелі жоқ, тек біреуді көтеріп, біреуді өшіру үшін идеологиялық мақсатта айтыла беретін болжам-долбарлар. Міне осының нәтижесінде ақылға еш қатысы жоқ предрассудок кеңістігі қалыптасады. Предрассудокты қазақшаға аударсақ, «алдын ала ойланып қойылған» боп шығады. Сол сияқты біздің қазіргі қазақы санамызда да көп нәрселер алдын ала ойланып қойылған сияқты. Және, ең қызығы, мұндай алдын ала үкім шығарып қою дарынсызға емес, талантқа қарсы ұйымдастырылады. Кезінде Мандельштам жазған екен: «Я один с голоса пою, а вокруг меня одна густопсовая сволочь» деп. Міне, біздің қоғамдық пікір деп жүргеніміз ылғи да кадр сыртында қалатын белгісіз біреулердің айтағынан туған ырыл мен дүрсе қою. Өтекеңнің өмір бойы көргені осы болғасын мынандай бір жолдар қалдырып кетіпті:

**Ауыл сырты қаптаған мал. Айтақтаған қойшылар.
Кім біледі, қазақ үшін айтақтау да ой шығар...**

Мұндай жағдайда қандай шығармашылық болуы мүмкін? Жоқ, әрине! Тіпті, ең ізгі ниетіңнің өзі бордай тозады, немесе дәмді тағамға емес, тезекке айналады.

**Жалғыз жартас төбесінде моласы бар бақсының,
Абай шыққан ой биігі – тас толтырған қапшығың.**

**Дүние деген осы шығар қапшық толы тезекті,
«Өшіреттің соңы кім деп?» сұрайсың сен кезекті.**

Міне, осындай сүреңсіз жағдайға қарамастан Өтекең өзінің тәңіруи дархандығын, Гомерлік нұрлы танымын сақтаған ақын. Оның осы жарқын болмысын «Афина мектебінің» эпилогы саналатын Қайта Өрлеу дәуірінің өкілі, суретші Рафаэльге арнауынан байқауға болады:

**Ватиканның қабырғасын құрбан етіп Бояуы,
Мені оятты Рафаэльдің қиялының ояуы.**

**Айтты Бояу Өлілерге тірлік керек екенін,
Айтты Бояу тірілерге бірлік керек екенін.**

**Айтты Бояу Аспанның да жұлдыз жағып өтерін,
Жалғыздықтың жалғандығын, қараңғының бекерін.**

Айтатыны жоқ, Өтекең бәрін дұрыс түсінген. Рафаэльдің «Афина мектебі» картинасы адамзатты нұрлы қоғамға біріктіріп, биік мақсаттарға жетелеу. Әрбір данышпанға тиісті бағасын беру. Тек көне замандардың кемеңгерлері емес, қасындағы өз замандасыңды да танып, сыйлай білу. Сонда ғана адамда жұлдыздық, ғарыштық табиғат пайда болады. Өтекең айтқандай:

**Жер жұлдызы жақындайды жұлдыздарға көктегі,
Оған куә бізді оятқан Афинаның мектебі.**

**Солай дейді Рафаэль – Искусство көктемі,
Аспан егер мектеп болса, ол Афина мектебі.**

**Солай дейді Рафаэль, күллі әлемнің ұл қызы,
Аспан егер жұлдыз болса, ол Афина жұлдызы.**

**Өз атымнан қосатыным, айтып-айтып шаршаған,
Ұлы тудың астында тұр адал ниет БАРША АДАМ.**

Мінеки, Өтекеңнің қазақ топырағынан адамзат бірлігіне талпынуы оның тұлғалық деңгейін ғажап жоғарылатып, шыныменен гомерлік деңгейге көтереді. Гомерге тіпті оңайырақ болды, өйткені ол адамзаттың адаспаған, күнәға батпаған, дүниеге енді көз ашқан заманында өзінің жырларын тәңірлік шабытпен жырлай салды. Ал Өтекеңе замандастарын ұзақ арылу жолына шақыруға тура келді. Мұндай жанкештілікке сендіру қиын еді. Бірақ ол, ең кемінде, осы бір-бірімізге деген жанкештіліктің қажет екеніне сеніп өтті. Меніңше, енді Өтекеңнің екінші мәңгілік өмірі басталғанда, оны біз жер мен көк жұлдызы қосылған осы биіктен түсінгеніміз жөн.

Әуезхан Қодар

ТАУ ТҮБІНЕН

*Таулар, таулар, ала таулар, паңдарым!
Таң атырған, таң тауларды таңдарым.
Орным менің тау түбінде, өйткені
Одан өткен ойламаймын маң барын.*

*Тау жарамас қажетіңе, муңыңа,
Тау өзгеше, баға жетпес құнына.
Тау – Тәңіргің еркелігі, ойыны,
Тау ол – өлшем, биік қу мен сұмынан.*

*Тау ол – өлшем асқақтаған аспанға,
Кім болады қас мейрімге, қас таңға.
Таң шығады себелеумен таулардан,
Биік, тіпті, қартыңнан да, жастан да.*

*Таң шығады тау шыңына жабысып,
Таң болмас ег тау болмаса табы – шық.
Таң мен таудан бізге тарту – күншуақ,
Тау ол – өзен адуынды ағысы.*

*Тау талдырмас, жалықтырмас жалғанда,
Тау ол – досың мүлде жалғыз қалғанда.
Тау – Тәңіргің көрінісі, дәл өзі,
Дұға оқымай, қалып қойма арманда.*

*Тау ықтай бас, төбесі шабылған,
Қара төбыр жоқ қылуға жабылған.
Таудың шыңы көрінбейді тұманда,
Таудан құлау әрқашанда әділ заң.*

*Тау көтермес олқылықты, шолжаңды,
Тау бола алмас ұғынықты, болжамды.
Таудың заңы Тәңіріге биіктеу,
Тау түбінен қолдаймын мен сол заңды.*

II

*Құраным да, Тәуратым да тау өзі,
Мен Қодар мен Әбдіраманның Әуезі.
Көрқұмының жүз он екі жасында
Мен келіпін дүниеге дау езі.*

*Ездер ез зой, жүріп өсті үстімен,
Көрге туып, көр маңында өстім мен.
Көр бір ғажап, бәрі оған табынағ,
Өлік иісі болсадағы – қос түмен.*

*Көр бір ғажап! Көр ұлының мекені,
Қолдамайды, оңдырмайды жекені.
Көр – төбырдың жиынтығы есірген,
Һәм ұмытқан кім кімге сын екенін.*

*Мер астында жатсамдағы, тірімін,
Хас қазақтың көрге туған ұлымын.
Арақ ішіп өстім енді, қайтейін,
Ащы болды маған дүние шырыны.*

*Ащылықты таңдағанмын о бастан,
Дүние өтіп бара жатыр оңбастан.
Ат басындай алтын берсем, жұта сап,
Маған, сірә, арнай қоймас оң дастан.*

*Дастансыз да қала берем тұздайын,
Өмірге де, өлімге де біз дайын.
Тұзсыз маған ешбір астың бұйырмас,
Тау шыңының бұрмағымен тұздайын.*

* * *

*Бақыт табы көбеймейді бұл істен,
Болмайды екен арсыз тұрде көп ішкен.
Тшкен сайын құсқым келіп, қиналып,
Болғандаймын шайтандармен өбіскен.*

*Қанша уақыт кетті ішіспен заяға,
Мен емеспін өз-өзімді аяған.
Итпен де іттім, құспен де іттім үздігіп,
Тұзға іздеп әрбір жаннан таяған.*

*Тше іше дауысты да тауыстымы,
Үнсіз енді ішуге мен ауыстымы.
Рюмкі ішінде кетсе барды жазылмай,
Талай дастан он орайтын «Раустыты».*

*Келген едім көтеруге Қорқытты,
Мына заман мені жаман қорқытты.*

ӘУЕЗХАН ҚОДАР

Тлаба алмадым ембір тіреу ет жерден,
Ергежейлер өзін өзі зор тұтты.

Ергежейлер қиял шегі – бір тұтам,
Мен оларды қазір көсем, бір тұтам.
«Ергежейдің ең ұлысы сау бол!» - деп,
Мың теңгелік коньяктан қылғытам.

Шәкірімше қас емесін ішкіммен,
Бірақ қалай дос боласың, міскіммен?
Тшкенде мен бақтан емес, жәй емес,
Замандасқа жиіркеніштен іштім мен.

Далам толы болып шықты мақұлық,
Қалам толы – көтөніне сақ ұлық.
Көт болған бет, бет болған көт, тәңірі-ай,
Қайда кеткен көркі менен ақылы?

Көлден шығып төл болмаған балық – біз,
Тланым бізде қайдан болақ жарықсыз?
Ұлыардың қарғысынан ауыр не?
Біз қарғысқа ұшыраған халықпыз.

Абай, Ақан, Мағжандардың қарғысы
Аспанда жүр ет құлаққа шалғысыз.
Сәуле қайда тұл денеге қаритын?
Мүрде қайда тірілетін ар қысын?

Идеям көп, берем оны кімге мен?
Қарсы емесін иман менен қінге мен.
«Тламыр» деген шығарып ем бір журнал,
Сол журналмен көшөмін-ау бірге мен.

Ттарам-ттарам бәлімдері тереңдеп,
Жариялар еңбегімді ерен деп.
Қан тамырмен жетермін мен ұрпаққа,
Айманымды сізге берген зерем деп.

Сол кезде тек шығып жастар күйі бар,
Ұынуға қайбір піскен мыы бар,
Болмысы да, бейнесі де маған жат,
Бір жарбизған өлі мүсін бұйырар.

ТАБЫЛҒА

Тлабылды, ақын табылар ма екен дәл сендей?
Біздің де мүшкіл өзіндікіндей хал, сенгей!
Ттлағай, сірә, қажетсіз біздің қоғамға,
Көшірер тауды, даланы таумен әсемдей.

Далаға дейді бәрі де, бәрі қажетсіз,
Ттурмаймыз, бірақ, әжетхана мен әжетсіз.
Мешіт те қазір дәретхана ғой байларға,
Картина қылар болса да ниет бағетсіз.

Біз ғажап ұлтпыз аспанға сөзбен талпынған,
Аспан ол Ттәңірі, жалбырауынсыз алқынған.
Ниет пен тілек арналар қазір басқаға,
Аспанын соққан нефітедоллар мен алтыннан.

Мыымда менің қазақы рух ед баяғы,
Қазақты қазір жоққа бұлар таяды.
Есіме менің Майқы би түсед арбадан
Ақылын айтар, шалажансар боп аяғы.

Аяқ пен көтті құдайға қазір теңедік,
Ттаңдадық сосын капитализмді ене ғып.
Ал олар бізге көтін ашумен күледі,
Ттоқтатар одан мен, әлде, Тлабыл, сен едің.

Ттоқтатар одан корона киген шұт еді,
Ттолтырды оны кислород емес, су ітегі.
Ттолтырды оны хюбрис, әлде, менмендік,
Халық боп шықтық абыройы мен бу кегі.

Халық боп шықтық өз елінде біз айдалған.
Біздерге қазір күн емес, күнті ай қалған.
Біз жарық күнде тұртінектееуде келеміз,
Құттықта көрден осымен елді майталман!

ҚЫЗЫМ АЙМАНҒА

Қызым менің, жаным менің, үмітім,
Жаралдың сен мінезі мен түбі тың.
Ақтаса екен деп ойлаймын өмірде
Ақ қанатты періштенің түбітін.

Періште ол хабаршы ғой нұрға ие,
Періштесіз ойран болар дүние.
Сен хабаршы, хабарыңа мықты бол,
Бұл жалғанда ақыл-ойға кім ие?

Бұл жалғанда бәрі жалған, тек ниет
Әр адамға қондырады қасиет.
Ниетіңнен айырылма ақ қанат,
Бір нәрсеге ие болса, бас - ие.

Баспен дос бол, қиялыңнан айныма,
Айман дейді шалқалаған ай мына.

*Егер дәл сен өмірінде болмасаң,
Оранар ем орны толмас қайғыға.*

ЖАЛҒЫЗДЫҚ

*Қалауым едің қашанғы,
Шағы да мені қабылда,
Тартып ал мені жасанды
Дақпырттан және қабылдан.*

*Тартып ал мені жат күшпен
Плуыс боп жүрген өтірік.
Мен шаршап болдым тәтті іздеп,
Өзімде болып жоқ ырық.*

*Тартып ал мені өзімнен,
Мен енді өзім емеспін.
Мен қора – мұң һәм төзімнен
Тімі бос және көмескі.*

*Қорадан әлгі қуылған
Сырларым, ойым, қиялым.
Осы ма маған бұйырған
Шағдырым әйбәт, миялы?*

*Жоқ бақыт қуып жүргенде,
Болыптын аға барымнан.
Жалғыздық қана тұр менде
Үміттен барлық арылған.*

*Қызым менің – жалғыз талшық мені өмірге
байлаған,
Мансыз тастай, қылм етпейді ешнәрседен
айналам.
Амалымды тауысқан соң, күресуді қойдым мен,
Жұлдыздармен тілдесемін, жазу жазам, Ай
бағам.*

*Өз-өзіме сүңгіп кеттім, тұңғыыққа түскендей,
Жұртқа менің арзан бағам, сіріңкедей үш теңге.
Шабыңдаршы қайда менің болмыс-бедер,
суретім?
Кім береді жылу маған жаз өзінде үскенде?*

*Кім айтады ойымдағы сан қиялды, сан жырды?
Ойым менің ешбір заттан медеу таппай
қаңғырды.*

*Адам да бір зат емес пе аяқ-қолы, басы бар?
Бірақ сол зат бола алама тұр-түсі жоқ жан
қурлы?*

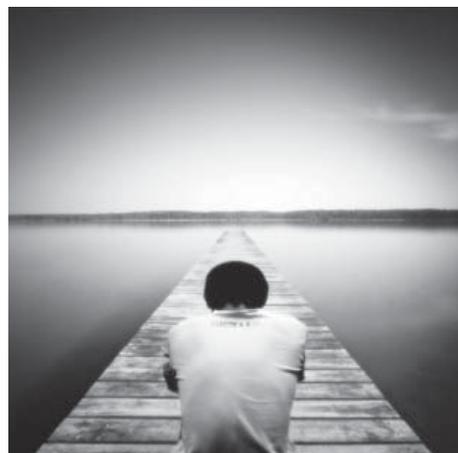
*Мен бір жұмбақ бойы да жоқ, салмағы да
жоқ қасы,
Црек-црек қисық әріп бар ұсынар ботқасы.
Ой денеден туындамас, ойға тек ой себепкер,
Дене деген шексіз ойдың созылмалы ноктасы.*

*Мен қиналар нокта батса, сабаласа үзеңгі,
Үзеңгіден жиіркенумен саяжайға күз енді.
Саржапырақ - бопыр ақта таба алмаған
нарығын,
Сен де, жаным, бақыт-бақтан күдерінді үз енді.*

*Сен де, жаным, күтпе енді құдыретті өзгеден,
Саған өлең бола алмайды сенікі емес, өзге өлең.
Саған болмыс бола алмайды өзге жанның
болмысы,
Өзін бәрін тұдырасын тек өзіндік сөзбенен.*

*Бұл өмірге қызың емес, жарың емес байлаған,
Ол жәй сылтау туындаған жарыместеу айлаған.
Сен болмысың өшпес мәңгі, тіпті, өзін өтсең де,
Сол болмысың саған көтсін, қалып қоймай
айнада.*

*Айна - айдың, сен де - айдың, жаны бар
сен айдыңсын,
Құлқң түгіл айналаңа білдірмейтін қайғың - сын.
От жандас ед, жаралмаса жану үшін о бастан,
Жаның біт те, жоқ бол енді,
сырыңды тек Ай білсін!*

Асылбек Ықсан

ШЫҒЫС МОНШАСЫ, немесе есектің дауысы

Әңгіме

Мұхит қоңырсалқын бөлмеге шығар алдында, терін шайып тастайын деп душтың астына келді. Алдындағы жігіт салқын жағын ағызып кеткен екен – біреу тура үкіден алып бір шелек суды қақ төбесінен құйып жібергендей бар денесі қалш-қалш етіп тітіркеніп кетті. Жылы суды қосып, сәл тұрды да ені бір елі қалың әйнек есікті ақырын ашып, моншаның шешінетін, демалатын кең бөлмесіне шықты. Кіріп, шығып жатқан жұрттың арасынан өтіп, шкафтан ақ дабыны алып оранды да, жағалай қойылған, жасанды былғарымен қапталған орындықтардың шет жағына келіп отырды. Үстіне үймелеген моншақ-моншақ сулардың құп-құрғақ матаға сіңіп жатқанын сезіп, денесі салқынға рахаттанып, шашынан аққан суды алақанымен сүртіп тастап, шалқайды да көзін жұмды. Мұрынына шым-шымдап, әбден үтіктелген ақ дабының күйік иісі келді.

Осы моншаға қолы қалт еткенде келіп тұруға тырысады. Ең әуелі дөңгеленген үлкен залдың ортасындағы қызуы ең төмен пештен бастайды. Осында танысқан түрік шалдың ақылымен аяғын ыстық су толы табаққа салған күйі сүт пісірім уақыт шалқалап жатуды бұлжымас әдетке айналдырып алды. Түрік ата бұның келуін әдейілеп күтетін сияқты, көре салысымен қалбалақтап, жанынан шықпайды. Шығыс моншасының өзі білетін құпия-сырларын әңгімелеп, құлағына құйып, туған әкесінен бетер үбектеп жүреді. Көкейінің ар жағында Мұхитқа айтар бір сыры бар сияқты... Кейде сол кісінің өзі біртүрлі болып көрінеді... – тобығына дейін түсіп жүретін ақ дабысы үнемі құрғақ, үсті-басына бір тамшы да су қонбайтын сияқты... Ыстық су мен пештің жылуы бойына тараған Мұхит алпыс екі тамыры босап, өн бойы балбырап, жанын рахат сезім әлдилеп, Ахмет атаның еміс-еміс, күңгірлеп естілген үніне құлақ түріп, ұйқылы-оюу күйде жата бергісі келеді.

Қариямен кездесер алдында, бейсенбіден жұмаға ауған түні оны түсінде көрді. Ертесінде моншада жолықты. Қызылшырайлы өңіне сұс беріп тұрған үлкен қыр мұрыны, қар басқан шыршадай едірейген аппақ қалың мұрты, көз ұясының үстінде сірескен қайратты қастары, самайдан басталып, шықшытын жиектеп келіп, қолақпандай иегіне шошайған, ұқыппен бастырған сақалы... Мұхит түсіне енген қарияға егіздің сыңарындай ұқсас атамен бетпе бет келіп қалғанында іштей таңданған да қойған. Бұған өз қолында өскен баладай жылыұшырап бір ғана көз тастаған ақсақалға өзінің еміреніп, іші жылып қоя бергенін аңдады. Ата осы моншада есек барын айтады. Ол өзі кез-келген кісіге көрінбейді екен... Ал көріне қалса... Жаңағы мұздай судікі ме, Мұхит рахаттана екі-үш мәрте қатты түшкіріп жіберді де, ойы үзіліп кеткен соң орынынан тұрды.

Шкафқа жақындай бергенінде, біреудің өзіне қарай сүйретпесін сырпылдатып жақындап қалғанын жонарқасымен сезді. Оның аяқ басысынан іштей жиырылып қалған ол, өтіп кетер деп күтіп еді, әлігі тез-тез басып келіп, ту сыртынан қапсыра құшақтай алды. Мұхит шынтағымен түйіп жібере жаздап барып өзін ұстап қалды. Жалаңаш тақымына су-су тізесін тақап жабысып тұрған денеден жиіркеніп, қатты бұлқынып босап шықты. Ылғал еденнен аяғы тайып кетіп, жығыла жаздай барып тіктеліп жалт бұрылса – қарсы алдында

құшағын жайып Жантемір тұр. Сүзгелі тұрған бұқадай мойынын күржитіп алыпты. Өңменнен өткізе түйрей қарайтын әдетімен көздерін қысыңқырап, жымың-жымың етеді. Сол иығын тоса аттай беріп, Мұхиттың бетіне қарап іркіліп қалды. Күлімсіреген көзінде «танымай қалдың ба?» – деген сұрақ. Қолтығына дейін тартып, қымтана оранып алған ақ дабының етегімен бетін бір сүйкеп шыққанымен сүйриген шортан тұмсығының ұшында қалып қойған бір тамшы тер секіріп кеткісі келіп мөлт-мөлт етеді. Мұхит күліп жіберді де, құшағын қомдап ұмсына берген одан қашқақтап, бір шеттегі, күн сәулесі түсіп тұрған ұзынша орындықты нұсқады. Сәл ашық қалдырылған терезеден көктемнің салқын желі келіп тұр екен. Жантемір орындыққа еңкее берген күйі, қабағын кіржитіп тұрып қалды. Ауырсынып барып отырды. Мұхиттың иығынан құшақтады.

– Ей, Гений, салқын тигізіп алмайсың ба?

Жантемір үлкен залдың анау шетінде тұрған моншашы жігіттердің бірін шақырды.

– Мәрмәр пештің қызуы сүйекті балқытып жібере жаздады.

– Орыс моншасына өтіп, мұздай бассейнге сүңгіп алмадың ба?

– Белде ұстамалы жел-күз бар, бірден шап береді.

Моншашы жігіт башайына іле салған резеңкі тәпішкешін сырпылдатып келіп жандарына үнсіз кідірді. Жантемір қысқа бұйырды.

– Анчоус пен сыра әкел!

– Моншада балық жеуге рұқсат жоқ. Ұрыс естиміз.

Жантемір сіңірлі аяқтарын көстите созып, орындықтың арқалығын сындырып жіберердей керіле түсті. Түсі суып кетіпті. Бұл екеуінен төрт-бес жас үлкен жігіт кердиіп тұрған қалпынан кенет өзгеріп, елпең ете қалды.

– Көптен бері келмей кеттіңіз, танымай қалыппын, айып етпеңіз ағасы...

Кете беріп күлімсірей бұрылып, жем шұқыған тауықша мойнын қылт еткізді.

– Айтсаңыз болды ғой.

Мұхит моншашы жігіттің соңынан қарады. Басын иығына тығыңқырап алып, жауырыны шүміе түсіп, тез-тез басып барады екен. Жантемір құлашын жайып жіберіп, орындықтың арқалығына тастапты.

Әлдеқайдан есектің ақырғаны естілді.

– Ау, Гений, неге хабарласпайсың?

Мұхит терезеге қарады. Қыс бойы көшенің түтініне ысталған қарағай жабырқау көрінеді.

– Біз бітіргелі қанша жыл өтті өзі?..

Жаңбыр бір құйып өтсе ана кірлі қардың сорбағы қалған инелері ашылып, жап-жасыл боп, жарқырап шыға келеді-ау...

Шынымен білмей отыр ма, бұл не өнері?

– Он жыл. Жазда курс түгелге жуық жиналды.

– Мен Батыс Европада, бір шаруамен жүргенмін.

– Жұмысың ауыр ма?

Моншашы жігіт шағын ғана дөңгелек столды алдарына әкеп еппен жайғастырды. Үстіндегі анчоус пен сыра қойылған жайпақ табақшаны ортаға қарай түзегіштеді.

– Тағы не қалайсыздар?

Жантемір кружка толы сырадан көбігін үрлеп жіберіп бір ұрттады.

– Үйреніп кеттік қой.

Кружканың біреуін Мұхитқа ұсынды: – Сырадан алсаңшы.

Мұхит жіпсіз байланған моншашыға иек қақты:

– Рахмет.

Жантемір жайпақ табақшада тұрған сыра ыдысының қалың шынысының суретті бедеріне тесіле қарап қалыпты:

– Былтыр Кельнде болғанымда концерт залының алдынан өтіп бара жатып бір афиша көзіме түсті. Орган ойнап отырған жігіттің түрі таныс сияқты болып кетті. Машинаны тоқтатып жақын келсем, өзіміздің Ринаттың концертінің жарнамасы екен. Кешке концертіне келдім. Сенің «Сағыныш» симфонияңды орындады. Немістер көп келді. Орындарынан тұрып кеткен халық Ринатты көпке дейін жібермей қол соғып тұрып алды. Құттықтайын деп сахнаға көтерілдім. Қайдан толып кеткені белгісіз, сахнаға жүгіріп шығып Ринатты бас салып құшақтап жатқан өзіміздің қазақтарды сыртынан бақылап тұрдым да, босқа мазасын алармын деп кейін қайттым...

Мұхит анчоустардың етін тырнағымен еппен сылып алып, сүйегін жайма табаққа салып отыр. Қылдай қылқандары үлбіреген титімдей ғана балық ыдыстың ернеуін жағалай қаз-қатар тізіліп қалыпты. Тырнақтай ғана басы мен құйрығы аман қалған балықтың көздерінің орнында иненің жасуындай ғана тесік қылтияды.

Сәл ашылған терезеден ұрған салқын ауа іштегі ылғал қапырықпен шарпысып буға айналып жатыр.

Бармақтай бір тамшы сарт етіп табақшаға түсті де мың сан ұсақ моншаққа бөлініп жан-жаққа шашырады. Мұхит төбеге қарады – түйелі кісінің қолы жете қоймайтын төбеге тамшы иіріліп, мөлтілдеп тұр екен. Енді бір тамшы тура балықтардың сүйегіне тиді де жайма табақтың ернеуінен бастары қылтиып, қалқиып тұрған қаңқалар шашылып кетті. Сыраны ала берген Жантемір зілді ақырып моншашыны шақырды.

Елпелеңдеп жетіп келген манағы жігіт көздері мөлдіреп Жантемірге қарады.

– Ана төбені сүртіндер! Сыраны ауыстырыңдар!

Моншашы жігіт мойыны қайырылғанша шалқайып төбеге қарады. Көздері жыпылықтап, астыңғы ерінін тістелей береді. Өзінің созылып барып, ана төбені дәл қазір сүртіп тастайтындай алып болып жаратылмағанына өкініп тұрғандай.

Жантемір еріндерін жыбырлатып тісінің арасынан бірнәрсе айтты да, екі тізесін сарт еткізіп ұрып жіберіп шалт көтеріліп ішке беттеді. Таразының жанынан өтіп бара жатып қалт тоқтап, «кел өлшенейік» деді де таразыға тұрды.

– Тоқсан жеті. Бес келі арықтаппын. Кел, Гений, енді сен тұр. О-о! Артық салмақ жинамапсың. Менен жиырма келі жеңіл екенсің. Демек, ұзақ өмір сүресің. Көздері күлімдеп жадырап тұр, сол баяғы мінезі – аяқ астынан бұрқан-талқан болып, алдында әкесі тұрса да аямастай қатты ашуланып шыға келеді де кірпік қаққанша өзгеріп, сәби сияқты шуақ шашып күлімсірей қалады.

Төбесі күмбездене біткен, ақмәрмәр қабырғалы кең бөлменің іші өкпені қысып, тынысты тарылтатын басқа моншалардай емес, құрыс-тырысыңды жазып, өзінді иен далада жүргендей сезініп, емін-еркін демалуға шақырады. Биік орнатылған мойнақ құбырлар білінер-білінбес гуілдеп ауа тартады. Шаңырақша жабылған зәулім әйнек төбеден мол құйылған жарық даланың кеңпейіл мінезін сеуіп тұр.

Мұхит жаймашуақ қана қызуы бар мәрмәр пешке беттеп еді, Жантемір ең ыстығына бастады.

– Ей, неғыласың соны, сүйектен өтетініне барайық.

Мұхит табанын күйдіріп бара жатқан мәрмәр пештің үстіне ақ дабыны екі қабаттап төсеп бірқырындап жантая кетті. Шөл даланың аңызағындай ыстық ауа денесін тістелеп шым-шымдап қыздырып, бірден терлете бастады. Оншақты адам еркін сиятын ең ыстық бөлмеде бұлардан өзге ешкім жоқ екен.

Жантемір сай-сүйекті балқытып алып бара жатқан ыстық пешке денесін төсеп, көзін жұмып алып рахаттанып жатыр. Ақ дабыға сол тас қылып оранған күйі, тізеден төмен көрінген аяқтары терлей бастапты. Мұхит та көзін жұмды. Тырс еткен дыбыс жоқ

тыныштық. Бүкіл ғалам тамылжып, тынып тұрғандай. Сай-сүйекті майдай еріткен ыстықтан балқыған тәні әдемі әуенге айналғандай күй кешіп, жан жарықтық жеті қат көкке самғағандай қоңыр сезім жүректі суырып барады. Шабыт шақырудың бір сыры – жан мен тәннің уыз еріндері емшекке жабысқан күйі ұйықтап кеткен сәбидің ұйыған рахатына жетуі. Шабыт та шалықтаған нәрестенің езуіне іркілген ананың ақ сүтіндей пәк те кірпияз... Санасы әлдебір сағынышты сезеді. Шабытпен бірге келетін сағыныш. Жүрегін шымши қашып, дүние-әлемге сиғызбай, құйын-пері көтеріп әкететін сағыныш. Мына дүниеге анау айтқан өкпесі болмаса да көңіл түкпірінен ін қазған бір қамырық сезім кей кезде жайсыз түс көріп шошып оянғандай, жұлқына тұрып, жанталаса көмейге жетіп кептеліп алып, не әрі қайтпай, не бері көрінбей көкейіндегісін жасырып, күлбілтеге салып, жатып алатыны бар. Бұны әрі-сәрі күйге салып қойып, сол жатқаннан тұяқ серіппестен мол жатады.

Күндердің күнінде басын көтеріп, ешкінің құйрығындай селтең-селтең бір көрінеді де қарасын мүлдем батырады.

Ал кейде, одан өткен сыпайы жоқ – жымын білдірмей жымысқы жыбырмен жақындап, жәдігәй жәпекөстене мың құбылып жүріп, әлди әнін сызылта салып отырып жүректі жібек тормен құндақтайды да, түк болмағандай жорға бүлкілге салып көкірегін кезіп кете береді. Бұл болса бар мұратының күл-пәршасы шығып азапқа түседі. Осындай азаптан туған, асыл деп жүрген бұрыңғы жұбаныштары болса – бір-ақ сәтте көкжасық бірдеңеге айналады. Жарық дүниенің де мән-мағынасы қалмай, мұрындығын ауырсынған тайлақтай боздап, сағыныштың жетегінде әбден болдырғанша желп-желп желіп жүре береді. Жаңа тесілген мұрын ұзақ қансырайды... Бір күні, жүрегін езгілеп аяусыз сынаған сағынышы әуенге айналады. Осы сәттен бастап бұрыңғы азап айналайын болып қалады. Бірде сүлесок, құлағынан шертіп жіберсе жылай салатын ез, босбелбеу біреу; бірде арыстандай айбатты, көрінгенді шайнап жердей арқырап жүреді. Бірде бұ дүниеде ас ішіп, табақ босатып неге жүргенін түсінбей күйіп-піседі; бірде жан біткенді құшағына алып аймалағысы келіп тұрады. Енді бірде бойын есірік күй буып, бәрін тәрік қылып, екі қолын төбесіне қойып тентіреп кетуді қалайды. Бірде...

Өнерінің арқауы... сағыныш екенін жан баласы сезбейді. Кімді сағынады, өзегі өртеніп кімді аңсайды?.. Бұл құпияның кілті қай жалмауыздың аранында жатқанын өзі де білмейді.

– Ей, Гений, не қиялданып жатырсың?

Сол баяғы ит мінезі. Ішіндегіңді дүниенің қай бұрышында жатсаң да иіскелеп

АСЫЛБЕК ЫҚСАН

тауып алып, аяқ киімінді алып қашқан күшік сияқты арсалаңдап, әрі сүйреп, бері сүйреп, әуреге салады.

Манаураған күйін қашырғысы келмей, үнсіз қалды.

– Домбыранды тастағаныңа өкініш жоқ па? Кез келген нашар музыкант композитор бола берер еді ғой. Мен сені үлкен домбырашы болады деп жүрсем...

Маңдайдан аққан ащы тер Мұхиттың көзінің ұясына келіп кілкіді. Жасаураған көзін сүртуге ерініп, аяғы аяқ, қолы қол күйін бұзғысы келмеді.

– «Қара домбыра, қасиетті қара домбыра» деп жұрттың аузын аштырмайтын едің, қайтып қыйдың? Төбемізге көтеріп, эз-әулие қып жүрген сен домбыраны тастағасын мен де қойдым скрипканы.

Әні... Салды қара себелені қақ жүректен. Енді көзін сығырайтып алып, қара қанының қалай шапшығанынан ләззат алып жатқан шығар. Мұхит көзін ашқысы келмеді. Көзін ашса Жантемірді көреді. Бұны теспей сорғанына мәз болып айызын қарш-құрш қасып отырғанын көреді. Иттің баласының арам күресте әдісшілін-ай... Келсең кел деп өзіңше тас-түйін тұрғаныңда, бір бүйірден періше тап беріп аяқ-қолыңды ербеңдетіп көтеріп әкетеді де іші-бауырыңды солқ еткізіп жерге бір-ақ ұрады. Бұл жолы да дені айналып, есеңгіреп қалды.

Қала бойынша музыка мектебі оқушылары арасында Жантемірден аса қоятын скрипкашы жоқ еді. Мұхит домбырадан алдына жан салмайтын. Екеуі кейде қатар отыра қалып жарыса кететін. Пианинода Жанна сүйемелдейтін. Жантемір Жаннаның алдына барын салады. «Саусақпен емес жүрекпен ойнадың» деп Жанна Мұхиттың жағында болатын.

Мұхит музыка мектебін бітірген соң, ойламаған жерден консерваторияның композиция класына түсті...

Әкесі бір күні Англиядан тұлпардың төресін әкелді.

Қаладан шығып күншығысқа бет алған жүрдек машина әкелі-балалы екеуін тербей қозғалып, жүйткіп келеді. Рульде отырған әке үнсіз. Бұдыр-бұдыр жалпақ табан резеңкі дөңгелектердің қара жолды сыр-сыр еткізіп жосып келе жатқан дыбысы ғана құлаққа жетіп тұр. Жылдамдық үдеген сайын алапат күш қосылған ауыр машина үрей тудыра бастады. Спидометр тілі жылжып 180-ге барды. Бұтақтары жолға иілген алып дарақ қараң ете түсті. Самұрықтың қанатындай желп ете қалған дарақтың көлеңкесінен тамып кеткендей маңдайша әйнекке бір жұтым су соғылды. Мұхит, қарсы соққан желмен жаншылып, қайда барарын білмей мөлтілдеген су жоғары қарай қалтырай жылжып, пышырап жоқ болып кеткенше қарап отырды. Әкесі ауылдардың үстімен де ұшыртып өтіп келеді. Қаладан алыстаған сайын жол бойындағы ауыл қарасы да сирей түсті. Бір сағат шамасында даңғыл жолдан түсіп тауға қарай бет алды. Әншейінде машинасын баппен айдайтын әкесі жолдың кедір-бұдырына қарамай әлі қатты келеді. Алдыңғы дөңгелектер лақтырған жұдырықтай тастар машинаның бауырына тарс-тұрс соғады. Шаң көтерілді. Мұхит тілдей тетікті көтеріп, терезелерді жапты. Тегеуріні мықты көлік жолға кесе-көлденең жатқан арықтан сол бойы ытқып өткенде, әкесі тежеңкіреп деп қамсыз отырған Мұхит қопаң ете қалып, төбесін оңдырмай соқты. Маңдайша әйнекке су шашырады. Рульді тас қып ұстап, алға шүйілген әкесінің жүзіне ұрланып көз қиығын тастап еді – түрі тас жабық екен.

Бұлардың келе жатқанын алыстан байқаған қызметші жігіт жүгіріп барып шарбақтың есігін айқыра ашты. Машинаны еңселі үйдің көлеңкесіне қойған әкесі бірден атқораға бастады. Үйден шыққан аққұба келіншек кесесін ұмсынған күйі қала берді. Иелерін көріп темір торға атылып, арсалаңдаған төбеттердің арпылы қыңсылауға ұласты.

Ұзын атқораның дәлізімен келе жатқан Мұхиттың көзі ағылшын тұлпарына түсті.

Қора толы аттардың арасынан шоқтығы биік тұлпар ерекше көрінеді екен. Әкесі құшақ толар мойыны садақтай иілген көксұр көлікті жетектеп атқорадан алып шығып өзі еріттеп, баласының алдына тартты да, арабысын ойнатып алға түсті.

Мұхит атының аяқ тастасынан, әр бұлшық етінің серпілісінен сезіп келеді – жануардың бабы келісіп тұр екен.

Әкесі әлі үнсіз.

Аяқ астынан жел тұрды. Екеуі маңайдағы жұрттың бау-бақшасына су беретін бетон астаушаларды бойлап біраз жүрді. Жел күшейе соқты. Жер бетін жайпап жібергісі келгендей долыра соққан дауылдан ебелек қаққан жеміс ағаштарының жапырақтары суылдай жалпылдап, гүлдері ұша бастады. Діңі майыса желдің ығына жығылып, бір уыс болып бүрісе желбіреді. Дауыл ішін тартып бәсеңсігендей болғанда еңсе тіктей берген ағаштар, қайта күш алып орай ұрған желден бастарын алағай-бұлағай шайқап алып, белі сынып кетердей иіліп-бүгіліп, бұтақтарымен жер соққылап құлдық ұрады. Мұхит қоршаудың аржағында жалаудай желбіреген алма ағаштарына көз салып келеді. Дауыл қуған гүлдері мыңсан пәруанадай ағараңдап жер мен көктің ортасында жанталасады.

Бүр жарған ұясын тастай безген гүлдер опа іздеп көкке ұшқанда шексіздіктің тозаңымен араласып аты өшеді?.. Әлде, жатырына көк түйнек біткен ағаш та балшырын жемісін берер алдында, сырт көзден таса іздеп бошалаған інгеннің бебеулеген күйін кешіп қымсынады... Тілсіз ағаш екеш, ағаш та бойындағы асылының өмірі үшін қандай азапқа да бақиыл...

Танаураған атының басын тартқан Мұхит тізесін тақай тоқтаған бетон астаушалардың бойымен жүгірген суда ағып бара жатқан алма ағашының гүлдерін көзімен ұзатып біраз тұрды. Ақ жолаққа айналып ирелендей алыстаған гүл жапырақшалары салған нәзік әуенге құлақ түрді. Мұхит олардан сыбызғы үнін естіді. Ызындаған желмен жарыса естілген күй жылт ете түскен бір сәттік жарыққа салауат айтады. Бақтың әр тұсынан сызылып ұшқан ағаштар әуені аппақ жапырақшалар құйқылжыған көкте бір арнаға құйылып, құйындай бұратылып ұлы симфонияға айналуға.

Түртінектеп енесінің мол бауырынан сүт іздеген ботадай тынымсыздана еркелеп, көкірек тұсын әлдебір мақпал сағыныш түрткілей берді.

Инш Алла, қазан туа бұл маң түгелімен сап-сары түске малынып, мына алма ағаштары да күреңсары алтыннан жапырақ тағады.

Сол кезде, еріндері кезерген сағыныш, қара да емес, көк те емес көздерінен мұң құйылып, иығына төгілген сап-сары шаштары тікенекке айналып, Мұхиттың жанын оскылайды.

Сары түс сыбызғының үнімен үндес?..

Жүрегі тамырын қопарып жұлып алардай бұлқынды. Танауы делдиген көк ат жер тарпып, оскырынды. Басын алып қашты. Сағыныштың сары қазанына тағы да шыжғырылатын болды-ау...

Дауыл түткен бұтақтарға, екі ай шамасында белі үзілердей болып алма байланарын, ұрығын шашқан өсімдіктің Құдайдан ендігі тілері жерден нәр тартып, көктен нұр алып, есіл-дерті жемісінің аман-есен толысуын күту ғана екенін түйсінген Мұхит текірекке салып бетон астаушаларды тезірек айналып өтті де, тау етегіне жете бере тізгінін жіберді.

Арабының шабысын көріп, көздері жанып, делебесі қозып келе жатқан көк ат алға ытырылды. Қарсы алдынан күшейе соққан желге кеудесін төсеп, дала самалын рахаттана жұтып, аяқ тастасы бөлек, көшелі, биік жануарға тақымын үйретіп, еркін келе жатқан Мұхит жалына жабыса қалды. Арабы сәйгүлік жебе жетер жерде кетіп барады.

АСЫЛБЕК ЫҚСАН

Мұхит атының басын тежей шауып келеді. Алдағы арабы бір кезде қалт тоқтады. Көкке шапшыған атының ауыздығымен алысқан әкесіне анадайдан көз салған Мұхиттың көкірегін ду еткізіп мақтаныш па, қуаныш па бір сезім жосып өтті. Үзеңгіге тіп-тік шіреніп, бір орнында шыр айналған атының басын кері бұрған әкесі баласымен қапталдасты. Бауыры енді сөгіле бастағанда арыны тежелген арабы танаурап келеді. «Көздері неткен әдемі» – деп ойлады Мұхит.

Әкесі баласының астындағы ағылшын тұқымына қызыға көз салды.

– Таза қанды ағылшын тұлпары деген мынаның өзінің бойында түрік жылқысы мен арабы жылқысының қаны бар. Мына астындағы Дауылкөк Англияның мақтанышы болған Секретариаттың тұқымы.

Дауылкөк. Қандай ат қоярын ойлап келе жатқан Мұхит қасын керді.

– Сен консерваторияның композиция бөліміне түсесің. Әкең осылай ұйғарды.

Мұхит әкесіне жалт қарады. Тыпыршып тыным таба алмай тұрған атының тізгінін тартқылаған әкесі бір қырындай берді. Мұхит астындағы тұлпардың есік пен төрдей бойынан діріл жүріп өткенін сезді. Неге екені белгісіз, ағылшын тұлпарының пышаққа түсіп, терісі сыпырылып, буы бұрқыраған еті соңғы рет тітіркеніп жатырғанын түйсінді.

– Алеаторика* деген осы да...

– Алеаторикаға менің жаным қас екенін білесің ғой.

Болар-болмас қана күбірлеген сияқты еді... Мұхит әкесінің бетіне тіке қарады.

Әлде, ішіндегі ойын оқып келе ме? Аузындағы сөзін дауыл жұлмалаған әкесі даусын көтере сөйледі:

– Сені қолың қатпай тұрғанда скрипкаға беруім керек еді... Скрипка не фортепиано... Осы екі аспаптың біреуін меңгергеніңде мына талантыңмен күні ертең-ақ әлем сахналарының төрі сенікі болар еді.

Арабы құлақтарын қайшылап, шабыс тілеп тұрды.

– Балам, мен атақ-даңқтан кенде емеспін. Батыс, шығыс жұртының маған қол соқпағаны кемде-кем шығар. Рим, Париждің өзінде оннан астам концерт беріппін. Осының бәрі, қара домбыраның арқасы.

Әкесінің салалы саусақтары арабының жалына сүңгіп кетіп, тарақтай бастады.

– Бірақ та, домбыраның басынан да дәурен өте бастады ма деймін... Бұрыңғыдай концерт залдарын кернеп кететін қол шапалақтау жоқ. Мен ат шаптырым қора салып, сайдан-қырдан кіл жүйрік жинап, еріккеннен сейіс болып кетті деп ойлайсың ба?..

Жақын маңнан құлақтың жарғағын жарып жіберердей азан-қазан дауыс естілді. Ойсыз көздері бадырайып, мыңдаған есек әңгіленіп ақырып жатқандай.

Әкесі арабына қамшыны басып-басып жіберді. Үнемі үбекке үйреніп қалған арабы ток соққандай бір-ақ ыршыды. Мұхит та ағылшынының еркін өзіне берді.

Кенет алдарынан терең қазылған арық кездесті. Биік үйілген жас топырақтан қарғып өткен арабы арғы беттегі шашылған шақпақ тастарға сүрініп, омақаса құлай жаздап барып оналды. Мұхит атынан түсіп жүгіріп жеткенде, көк шөп үстінде тізерлей отырған әкесі үстін қағып жатты. Мұхиттың қолына сүйеніп тұра беріп естілер-естілмес «кешір...» деді.

Екеуі аттарын жетектеп біраз жүрді.

– Біреудің басын жарып, көзін шығарып келсе де, өз есерсоғынан артық бала жоқтай көрінетін ана жүрегінен ғажап не бар?.. Өнер иесі де сол анadan артық көрмесе кем көрмейді өз ішінен шыққан шұбар жыланын. Әкең болсам да өзіңнен гөрі, дарыныңды көбірек ойлаймын.

Қайтар жолда әкесі тағы алға түсті. Мұхит сипай қамшылады. Алымы бөлек жануар

желе жортып келе жатқан арабыны қуып жетті. Әкесі желмен таласа дауыстап келеді:

*Алеаторика – шабыт үстінде композитордың ойынан тыс бөтен әуендердің шығармаға араласып кетуі...

– Ертең жарыстан бірінші келсең жұрт жүйрігіңнің төркінін сұрамайды! Бас бәйгеден не алғаның қызық олар үшін!

Әкесі кенет, атының басын тартты. Таудың күншығыс жақ етегінен қаптай құлаған үйір-үйір есек бетон астау мен алма бағының арасынан өтетін ені таяқ тастам жолды кептеп тастапты. Бастарын төмен салып, үн-түнсіз жылжыған тапал тобыр таудан құлаған селдей жолындағысын жайпап келеді. Желдеп келе жатқан бір топ ешкі сақалы желбіреген ақ серкесімен бірге сұр тобырға жұтылып кетті. Маңыраған ащы үн әр жерден бір шашырай естіліп барып жоғалды. Бір теке бақ-бақ етті де үні өшті. Аласа жануарларды омыраулай алға ұмтылған арабы мен ағылшын тұлпары есектерден қарғып өткісі келгендей шапшып, алдына келгенін тарпып, артына келгенін мөңки теуіп көріп еді, қаптал-қапталдан қысқан мықыр жануарлар құйрық тістескен күйі, лықси жылжып, қос тұлпарды нойыс күшпен жылымына тартып әкетті...

Әкесі сонда «кешір...» деп неге айтты екен...

Бір уақытта Жантемірдің дауысы естілді:

– Ринаттың Кельндегі концерті кезінде неміс кемпірінің көзіне жас алғанын көріп едім... Сен де біраз жерді шарладың емес пе?..

– Гений не, ұйықтап жатырмысың?

Мұхит қозғалуға ерініп жатыр.

– Домбыраны қолыңа алмайсың ба?

– ...

Мұхит Жантемірдің сом біткен иығына, қызылкүреңденген қолдарына көз салды. Шып-шып терлеген шойындай дененің бұлшық еттері су матаның ар жағынан буылтық-буылтық болып, күш теуіп тұр. Оқып жүргенде әлжуаздау ғана болатын, он жылдың ішінде талай тонна темірді аударып-төңкерген-ау... Мұхит өзінің нәзік саусақтарына қарады да аударылып түсті. – Тағы да ұрынды. Бұл енді қоймайды... Көмейіне қарсы жауабы кептелген Мұхит шашы тікелей келе жатыр еді, Жантемір шалт орынынан тұрды.

– Адамдардың музыка тыңдап отырып жылайтындарына түсіне алмаймын. Ләззат алуға, рахаттануға болар, ал, жылау деген...

– Жүр, Гений, орыс моншасына барып, пора-пора терлейік. Мынауың, көңілден шықпады.

Үн қатпай, ақ дабысын беліне мұқияттап орап тұқшындаған досына қарап Жантемір қарқылдап күліп жіберді де, иығынан қағып қалды:

– Л'ябитюз дё професьюн!*

Ренжіп қалдың ба? Әдет болып кеткен ғой... Алдындағы адамды тұқыртып, көкірегін басып отырмасаң біздің жұмыс жүрмейді.

Жантемір есікті жұлқи ашып, алшаң басып ішке кірді де, қымтанып жүрген ақ матасын кіреберістегі киім ілгішке іле салып, ілгері озды. Ашық қалған есіктен ыстық бу лап берді. Буалдырланған алакөлеңкеде шылапшын ұстаған, бір-бірінің арқасын ысқылаған адамдардың сұлбалары көрінеді. Ылғал ауамен бірге неше түрлі ағаштардың ашқылтым иісі мұрынға келді.

Иіс те музыка сияқты, сезімтал жанға үйірсек келеді. Көрген, ұстағаныңнан артық ышандырады.

Жадыңды әңкі-тәңкі қылып қопарып кетер кезі де бар. Жалаңаш тәндерге шып-шып тиіп жатқан ақ қайың, емен жапырақтарының тілін анық түйсінген Мұхит қайырылып

АСЫЛБЕК ЫҚСАН

кеткен есіктің тұтқасын қармалап табалдырықтан аттай беріп, бір аяғы сыртта, бір аяғы іште кідірістеп қалды.

*Г ябитюз дё професьюн! – «Кәсібімізден жұққан ғой» деген мағынада. (фр.)

– Ау, көке, есікке керілмей, болсаңшы.

– Ай, не болды, тез, жабыңдар, болыңдар!

Буға оранған іштегілер шу ете қалысты.

– Гений, тез, кір ішке!

Мұхит жақын келгенде байқады – Жантемір шылапшынға су толтырып жатыр екен. Бұдың арасынан Мұхитты байқады да, бойын жазып, еріне сөйлеп, айта салды:

– Ай, Гений, суық су қосып әкелерсің, мен жоғарыға кеттім. Мұхит орта шылапшынды шалт қимылдап көтере берді де, Жантемірге қарай шашып жіберді. Мұрты тікірейіп кетіпті.

– Ай-яайый-й! Ей, жындымысың?! Жел көтерген көйлектің етегіндей көлбең ете қалған ыстық судың бір тілі май құйрықты жалап өтті. Ыршып кеткен Жантемір, тайғанақтай жүгірген бойы есікті теуіп ашып, бассейнге күмп берді.

– Айһай-һай-һай! Рахат-ай!

Бассейннің суын ойран-топыр қылып, беліне дейін көтеріле құлаштап әрлі-берлі ойқастады.

– Ай, Гений, сен адам өлтіресің! Бізге жұмысқа келсейші, бірден өлесің.

Осы моншада қона жатып шомылатындай болып кеткен жігіттердің бірі булау бөлмесінің есігін ашты. Киіз қалпақтарын милықтай киіп ішке ұмтылғандардың соңын ала Мұхит та кірді. Қабырғаны төбеге дейін қаптап тастаған ақ қайың тақтайлардың бусанған иісі ыстық ауамен қосылып кеңсірік қапты. Жантемір сәкінің ең биік баспалдағына екпетінен түсіп жатып алыпты. Мұхит ең төменгісіне отырды.

Бұлар кіргенде отырған жанындағы жігіт сыпыртқысын оңды-солды сілтеп жаныға желпінді. Сып-сып еткен сыпыртқы желпіген ыстық бу Мұхиттың бетін күйдіріп-күйдіріп өтеді. Мұхит екі қолымен бетін басты. Лап берген ыстық тілі денені жалындата күйдіріп, сапалаған сыпыртқысы бойындағы қаныңды күштеп қуалайтын орыс моншасында отырып, алауын тереңге бүккен мәрмәр тастарының сыпайы, сырбаз мінезбен шым-шымдап қана тарайтын қызуы қарасүйегінді балқытатын шығыс моншасын ойлады.

Кенет іштегі жарық жыпылықтап қоя берді де, қас-қағым сәт қараңғылық орнады.

Қараңғыда есектің ақырғаны естілді.

Жарық жанды.

Мұхит дауыс шыққан жаққа қарады.

Сол жақ босағадан есек көрінді.

Құлақтары тіп-тік, көздері мөлдіреген ақбоз жануар табалдырықтан аттай бере танауы делдиіп іштегі иісті құшырлана тартып-тартып жіберіп, көздері кілгіріп, түшкіргісі келгендей, апиыншыша елітіп ұзақ тұрды. Кенет ішін тартып, қиқылдап-шиқылдап алып қатты ақырып-ақырып жіберді де, тарпаңша шапшыды. Сөйлегісі келгендей астыңғы ерні жыбырлап, үстіңгі еріні қыбырлап, күректей аппақ тістері ақсиып, жан-жағына еш мағынасыз қараған күйі қоянша секеңдеп отырып жоғарғы баспалдаққа бір-ақ шықты.

Мұхиттың есіне түрік ата түсті. Енді кездескенде есекті көргенін айтқысы келді.

Ісініп кеткен тақтайлар күйіп тұр екен. Айналасындағылар үнсіз. Тер шұбырған үсті-бастарын сыпыртқымен шыпылдата сабалауға көшті. Жантемір төмен түсті, шикандай болған денесінен тер сүмектеп тұр. Басын кегжитіп, сыпыртқысын гүл сыйлайтындай ұстап алыпты.

– Алдияр, таксыр! Сізге қызмет қылсам деп едім. Қарулы қолдарымен Мұхитты

желкесінен алып тұқыртты да сабалай бастады. Тірсектен бастап ыждағаттана біраз ұрғылады да, ыстық сыпыртқыны тақымға, сегізкөзге сәл басып алып жонарқаны шықпырта жөнелді.

– Қарапайым халықтың өкілі ретінде сіздей Генийге қызмет еткенімді өзіме аса құрмет тұтамын.

– Құйрығың онша күймеген-ау?...

Күле бұрылған Мұхит үнсіз қалды. Алдында тұрған досының бұлшық еттері білеуленген кеудесінің әр жері көгеріп, қанталап кетіпті. Әуелі, жабысып қалған емен жапырақтары шығар деп еді, жоқ – соққы екен. Аяусыз тиген ауыр соққы іздері кеудесінде сайрап жатыр.

Жантемір сыпыртқыны бұның қолына ұстатты. Тайсалмай қараған көздері шоқтай жайнап тұр. Сілейіп сұлық жатып алып, өз-өзінде өші бардай ұзақ ұрғызды. Мұхит сыпыртқыны екі қолына кезек-кезек ауыстырып отырып, қолдары салдырағанша сілтеді.

Досының денесі піскен шаяндай қызарып қабырғасындағы, жауырынындағы таяқтың сарғыш, көкшіл ізі қызылшұбарлана бастады.

Үн-түнсіз жатқан Жантемір бір кезде «рахмет» деп аударылып түсіп, орнынан тез тұрды да селдіріп қалған сыпыртқыны Мұхиттың қолынан жұлып алып бұрышқа лақтырып жіберді.

Моншашы жігіт лып етіп алға түсіп VIP бөлменің есігін ашты. Шағын стол үсті жайнап тұр екен.

Ақбоз есек құлақтары салбырап сол жақ бұрышта тұр. Жыны басылып қалыпты.

Мұздай сырадан мол сіміріп жіберген Жантемір былғары диванға шалқайған күйі өз-өзімен қалған жандай ұзақ отырды. Мұхит та қыбыр ете қойған жоқ, өлі тыныштық біразға созылды. Бір кезде, Жантемір сыраны басына көтеріп демалмастан ішіп салды да, алдындағы тамаққа бас қойды. Мұхит қарап отыр, сол баяғы әдеті – дастарханға омыраулап жатып алып, шортан тұмсығы кіріп кетердей еміне түсіп, табақты жақынырақ тартып, екі ұртын нығайттап, алдындағы асты қырғын тигендей қылып жей бастады. Сүлгімен аузын, қолын ыждағаттап сүртіп алып, ажалы жеткен әлдебір әңгімені сөз етіп отырғандай бей-жай сөйлей бастады.

– Бір күні бастық шақырады деген соң келсем, Саша Хван әй-шәй жоқ айғайлап қарсы алды. Тап бір мені танымайтын адам сияқты. Кабинетінде бүкіл бөлім басшылары отыр. Солардың көзінше маған «есек, жемқорсың» деп ақырды. Ауызымды аштырмады. Менің де қаным басыма шапты. Үйімізде күнара қонақ болып жүрген, әкеммен аңға да, балық аулауға да бір шығатын досының аяқ астынан өзгеріп, жұрттың көзінше құтырған итше талағанына шыдай алмадым. Қызметтік құжатымды, пистолетімді алдына тарс еткізіп лақтырдым да шығып кеттім. Пистолетті бетіне жіберейін деп едім, әкемді ойладым.

Салық төлемей, мемлекет қазынасына түсуі тиіс миллиондаған теңгені жасырып қалған бір фирманың басшысының артынан түсіп, қыспаққа ала бастағанмын. Ол бір күні мені қала сыртына демалуға шақырды. Бармас едім, сыйлы адамды араға салды.

Жантемір біруыс тісшұқығышты белінен бір сындырып күлсалғышқа тастай салды.

Бардым. Айтқан жерге келсем ешкім жоқ, даяшы жігіт күте тұруымды өтініп тілдей қағазды қолыма ұстатты. Француз әтірі аңқыған қағазды жыртып, теріс айналып кете бергенімде ту сыртымнан «Жантик...» деген әйел адамның дауысы естілді. Таныс дауыс. Жүрегім алқынып қоя берді. Ішім бір нәрсені сезді де, қайырылмай кете бергім келіп еді,

АСЫЛБЕК ЫҚСАН

ала жөнелді. Ана бизнесменнің әйелі екен. Жанна өзі үшін қара жерді жарып жіберуге бақиыл екенімді біледі ғой...Банально? Расы осы...

Сол кеште, ресторанның музыканттарын үйлеріне қайтардым да Жанна пианинода мен скрипкада «Нибелунгтар сақинасын» ойнадық. Алғашқыда тосырқап қалған жұрт «Браво! Браво!» – деп екеуімізді сахнадан жібермеді. Сол кеште иесіз қалған жаным тірілді, өз-өзімді іштей аядым да... Олар менің бірнеше байқаудың лауреаты екенімді қайдан білсін...

Жанна өтінішін айтты. «Өмір бойы тұтқыныңмын, тұтқында ерік болушы ма, көнемін де» дегенімде күліп – «Тұтқынға ұқсамайсың» деді. Неге деп едім – «тұтқынға қарағанда қоңдылаусың» деді.

Жанна күйеуіне сүймей тигенін айтты. «Сені сүймеймін, адамым кездесе қай күні болса да етегінен ұстап, еріп кете беремін» деп жар төсегінде жатып ескерткенмін» – деді. Танертең күліп тұрып бетімнен сүйді де қоштасты. Жаннаның күлкісін білесің ғой. Күлкісіне жаным құрбан еді ғой. Ол бірақ бұрала басып менен алыстай берді. Соңғы үмітім Жаннаның туфлиінің тықылымен бірге жоғалды.

Жантемір осы жерде кідірді. Мұхит та үндемеді. Жаннаның бизнестері осында, өздерінің шет елде тұратынынан хабардар-ды.

– Жұмыстан кетіп қалғанымды естіген әкем біздің мекемеге мені өзі ертіп келді. Мені дәлізде қалдырып Хванмен оңаша сөйлесті. Әкем кабинеттен шығып кеткен соң Саша Хван мені подвалға алып барды. Есікті ішінен ілді. Костюмін шешіп тастады да талтайып тұра қалды. Хоп-хи додан үшінші даны бар екенін білетінмін. Бір кезде қолдарын қанатша жайып жіберді де, ышқына секіріп екі аяғын менің төбемнің тұсында екі алақанына сарт еткізді. Маймылша топ етіп жерге түсіп, шыңғырып жіберіп ыршыды да «Жантемир, твой отец настоящий мужик!» деп ақырып жүрегімнің тұсынан бір тепті. Есімді жисам – екі қолымнан төбеге асып қойыпты. Кеудемнен әлденеше тепті. Тұрып та тепті, секіріп келіп те тепті, аяқтарын қайшылап та тепті. Соққылары ғажап екен! Қолын бір де көтермеді, тек қана аяқтарын көріп үлгеріп жаттым. Жігіт деп Сашаны айт! Есім ауып кетсе бетіме бір шелек мұздай суды шашып жібереді де тағы тебеді. Рахмет әйтеуір, басыма, бетіме тимеді. Талай төбелесті көрсем де тап Сашадай соққырды көрмеппін. Таза классика!..

Мұхит моншадан шыққасын көлікке жарты сағаттық жердегі үйіне қарай жаяу аяндады. Орталық концерт залының алдынан өтіп бара жатып келесі айдың репертуарында өзінің екі бірдей шығармасы тұрғанын көрді. Симфониялық оркестрдің үні құлағына келді...

Тез жүргендікі ме жауырыны терши бастады. Консерваторияның жанынан өтті. Демалыс күні болса да музыканттар мен әншілер жаттығып жатыр екен.

Әдемі үйдің түбіне тоқтап аспанмен таласқан ұшар басына қарады. Моншадан шыққалы біреу қуып келе жатқандай емпелендеймін деп шаршаңқырап қалыпты. Сөмкесін жанына қойды да орындыққа отырды. Жаңа салынған үйге иелері көшіп келіп жатыр екен – адамдар үй жиһаздарын машиналардан түсіріп жатты. Бұл зәулім үй бала кезінде Жантемір, Жанна үшеуі көп келетін бұрынғы ТЮЗ-дың орыны еді.

Жантемір есіне түсті. Оқып жүргенде араларында бірін бірі көрмесе тұра алмайтындай достық болмағанымен үзіліске шыққан сайын бастары қосыла қалатын. Бүгінде сол қимастықтан із де қалмапты. Жаңа, шығыс моншасына қайта кіргенде байқады – Жантемір таза сейсеп алдырып ежелгі гректерше ақ матаға қайта оранып алған екен. Бұл түріне Мұхиттың көз тоқтатқанын байқап «бәрі тамаша!» дегендей сұқ саусағы мен бас бармағын сақиналап, оң қолын жоғары көтерді де бір көзін қысып

қалды... Жоқ жерде өз-өзіне тоқтау салып, дем бергендей болып тұрған досының бұл түрін көрген Мұхитта аяушылық сияқты әлсіз сезім пайда болды да онысын білдіріп алмайын деп теріс айналып кетті.

Сол аяушылық сезімі қайта оралған Мұхит созалаңдап орынынан тұрды. Абылайхан мен Қабанбай көшелерінің қиылысына келгенде жерасты жолы ауызынан шығып жатқан «Көроғылыны» естіді. Басында аппақ киізден тақиясы, қабырғаға сүйеніп күй тартып отыратын сол жігіттің қағысы. Қолын бір мықты қойған... Күйшінің екі көзін тарс жұмып алып, күйге беріле теңселгеніне дейін көз алдына келген Мұхит екіұдай күйде біраз тұрды. Бұл жолы жерасты жолына түсіп, күйшінің алдынан өткісі келмеді. Күй біткенше тыңдады да, жол жиегіндегі темір шарбақтан секіріп өтіп арғы жаққа тіке тартты.

Бір күні түс кезінде опера театрынан, дайындықтан шығып келе жатып «Алматы» қонақ үйіне жақындай бере наурыздың ақшақары ала-құла жатқан гүлзардың бір шетінде, көк майсаның үстіндегі есекті көрді. Түгін тартса майы шығар мақұлық тықырылап қырқылған көкке құлай кетіп, аунап-аунап алады да қарғып тұрып көздері жайнап жан-жағына қарайды...

Мұхиттың есіне Жантемірмен соңғы кездескені түсті.

– Хванның сені көкала қойдай қылып ұрғанын әкең біле ме?

– Біледі. Онда тұрған не бар?

– Қойшы?!..

– Не қоятыны бар. Әкем Хванның кабинетінде оңаша қалғанда «еті – сенікі, сүйегі – менікі, тек жұмыстан шығарма» деген екен.

– Оны қайдан білдің?

– Хван өзі айтты.

– Таяқ жегеніңді қашан білді?

– Сол күні-ақ білген.

– Қалай?

– Саша Хван әкеме өзі звондапты.

– Шын ба?

– Шын.

– Әкең денеңді көрді ме?

– Көрді.

– Шошыған шығар?

– Неге шошиды? Қатын алғаныңша жазылып кетеді деді.

Жантемір неге екені белгісіз қарқылдап күліп жіберді. Мұхитқа оның көзінде ауыр мұң бар сияқты болып көрінді.

Енді Жантемірмен кездеспесін ойлады. Бірақ та, кім біліпті...